ВОЗРОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Баошу

Продолжение
трилогии
«ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОШЛОМ ЗЕМЛИ»
Лю Цысиня

fanzon

Возрождение времени

Баошу

Аннотация
Баошу. Возрождение времени
Предисловие
Хронологическая таблица Эр
Пролог
Часть I. Прошлое внутри времени
Часть II. Путь чая
Часть III. Небесный цветок
Кода:. Прованс
Посткода:. Заметки из новой Вселенной
Послесловие Кена Лю
Об авторе

Аннотация

В самый разгар межзвездной войны Юнь Тяньмин оказывается на передовой.

Больной раком и решивший свести счеты с жизнью, он был заморожен и отправлен в космос. Там его подбирает флот Трисоляриса. После десятилетий жестоких пыток Юн сдается и начинает сотрудничать с инопланетянами. Он помогает поработить человечество.

Получив здоровое клонированное тело, Юнь ведет жизнь предателя и изгнанника. Перед смертью он получает еще одну отсрочку – еще одно возрождение. Некое Сознание привлекает его в борьбе против сущности, угрожающей нашей Вселенной… Но Юнь отказывается снова быть пешкой и строит собственные планы по спасению будущего человечества…

Баошу
Возрождение времени

Copyright © by Bao Shu Russian translation rights authorized by China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. All Rights Reserved

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Возрождение времени – это не просто продолжение «Задачи трех тел», но захватывающее новое приключение, раскрывающее еще больше тайн мира Трех тел».

Пэн Хайтянь, издатель журнала Odyssey of China

«Эта история космических Ромео и Джульетты возвращает нас во вселенную Лю Цысиня (с полным благословением самого мастера)».

Publishers Weekly

«Умопомрачительно фантастично».

SF in Translation

«…вспомните историю сотворения мира в «Сильмариллионе» Дж. Р. Р. Толкина. И все это обладает трансцендентным качеством, которое может заслужить одобрение Уильяма Блейка».

Kirkus

«Возрождение времени» показывает, что все в конце концов становится частью истории и эта история обязана содержать в себе высший смысл жизни и Вселенной».

Хан Сонг, лауреат премии «Галактика»

«Весьма изобретательный мир, альтернативный творению Лю Цысиня… заключает в себе все богатство и вечную красоту Вселенной».

Лю Вайтонг

* * *

Посвящается
г-ну Лю Цысиню

Предисловие

Создание книги «Возрождение времени» — одно из самых значительных событий моей жизни.

В начале двадцать первого века, когда Лю Цысинь только начинал приобретать известность как писатель-фантаст, я наряду со многими другими стал его верным фанатом. Мы называли себя «цыте» (что означает «магниты» — игра слов, созвучная аббревиатуре выражения «несгибаемые приверженцы Лю Цысиня») и с жаром обсуждали его книги на интернет-форумах. Как только в журнале появлялось очередное его произведение, весть об этом разносилась словно лесной пожар и мы стремглав неслись за свежим номером. В 2006 году, когда «Мир научной фантастики» приступил к публикации «Задачи трех тел», первой книги эпической трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» (которую также называют просто трилогией «Трех тел»), я, вне себя от восторга, проглатывал каждый выпуск и изводился в ожидании следующего.

Отдельным изданием «Задача трех тел» была

опубликована в начале 2008 г., а продолжение, «Темный лес», вышло спустя примерно шесть месяцев. Хотя на тот момент эти книги еще не проникли в мейнстримные литературные дискуссии, любители научной фантастики уже вовсю наслаждались роскошным пиром воображения на страницах этих двух романов. Однако по прочтении первых двух томов мне вместе с другими «цыте» пришлось приготовиться к долгому ожиданию последней части трилогии.

Прошло два с половиной года, и наконец в ноябре 2010 г. в китайских книжных магазинах появился третий том цикла «Вечная жизнь Смерти». В то время я учился в аспирантуре в Бельгии и заполучить книгу не мог. Я серьезно подумывал, не слетать ли в Китай только затем, чтобы купить ее. В конце концов мне помог мой друг Гао Сян — он сфотографировал все до единой страницы и прислал снимки по электронной почте.

Меня глубоко тронул поступок друга, но прошло много времени, прежде чем я во всей полноте осознал, какое значение имела для меня публикация «Вечной жизни Смерти». Дочитав роман, я сразу же подключился к дискуссиям фанатов, купивших книгу, как только она вышла в свет. Мы обсуждали и исследовали каждую ее подробность

на интернет-форумах. Но сколько бы постов мы ни писали, величественная, грандиозная эпопея закончилась, и мы чувствовали, что с каждым днем уплываем от нее все дальше и дальше. Печаль, овладевшая нами, заставила меня принять решение: нужно сочинить несколько рассказов об отдельных героях цикла, тем самым как бы немного продлив эпичную историю. Спустя два дня я написал диалог между Юнь Тяньмином и АА [1] на Голубой планете и опубликовал его в Сети под названием «Три тела X». «X» не означало «десять», скорее имелась в виду некая неопределенная, неизвестная величина.

Это был не первый мой опыт написания фанфика по произведениям Лю Цысиня, и, разумеется, я не был в этой области первопроходцем. Но все истории, появлявшиеся до моего рассказа, в основном писались фанатами для тесного круга других таких же преданных фанатов. Я и представить себе не мог, что «Три тела X» попадут в совершенно иной контекст. Моя книга оказалась как раз тем, чего в тот момент жаждали десятки

[1] Примечания: 1

Напоминаем, что это имя составлено из китайского и английского элементов и произносится как «Ай АА». Фанаты не раз спрашивали Лю Цысиня, откуда такое странное имя, но автор хранит таинственное молчание. (Здесь и дальше примечания переводчика на русский язык, если не оговорено что-то другое.)

тысяч читателей: больше историй по вселенной «Трех тел». Весьма своевременное появление моего рассказа (он был опубликован всего через неделю после выхода «Вечной жизни Смерти») привлекло к нему гораздо больше внимания, чем он того заслуживал по своим литературным достоинствам. Признание читателей побудило меня продолжить писать, развить и дополнить сюжет, живущий у меня голове, пока он постепенно не обрел завершенную форму. Прошло еще три недели, и в преддверии Рождества 2010 г. я закончил свой роман.

К тому времени «Три тела X» распространились по всему китайскому интернету и привлекли к себе почти столько же внимания, сколько сама «Вечная жизнь Смерти». Г-н Яо Хайцзюнь, близкий друг Лю Цысиня и редактор «Мира научной фантастики», получивший прозвище «китайского Кэмпбелла» за свою роль в становлении новых писателей, вошел со мной в контакт и спросил, не хочу ли я опубликовать свой роман официально. Через несколько месяцев, когда лихорадка «Трех тел» все еще сотрясала китайский фэндом, появилось множество новых фанфиков. Но маленькое окошко возможностей уже закрылось, и эти новые произведения не привлекли такого

пристального внимания, как мое. Конечно, мне повезло.

Публикуя свой фанфик онлайн, я не думал о копирайте. Само собой, когда г-н Яо предложил издать его официально, я столкнулся с массой проблем. Но Лю Цысинь проявил невиданное великодушие и доброту по отношению к новым авторам, дав мне разрешение на публикацию, и я не в силах выразить всю глубину моей благодарности. Как только книга вышла в свет, я отправил экземпляр Лю Цысиню. А после того как я опубликовал несколько оригинальных произведений и стал постоянным членом тесного круга китайских писателей-фантастов, мы с Лю подружились и часто встречались на собраниях фэндома. Он сказал мне, что ему понравился мой роман и он даже голосовал за «Три тела X: Возрождение времени», когда присуждались награды в области китайской научной фантастики. Книга не выиграла, но поддержка и одобрение Лю стоят больше, чем десять таких наград.

Подзаголовок параквела — «Возрождение времени» — и некоторые другие имена и названия имеют особое значение для фанатов, хотя сейчас наверняка лишь немногие помнят источники аллюзий. В период с 2008 по 2010 год, когда по-

клонники трилогии с нетерпением ожидали выхода последнего тома, многие строили предположения о возможном развитии сюжета и распространяли домыслы, якобы базирующиеся на предполагаемых «утечках» из рабочего черновика Лю Цысиня. Конечно, все эти слухи оказались мистификациями, и ни один из них не соответствовал содержанию опубликованной книги. Но даже такие выдумки доставляли радость измученным ожиданием фанатам, давая им возможность вообразить, чем заканчивается шедевр. Вот почему я использовал в своей книге некоторые ключевые слова из этих домыслов в память о том безмятежном времени, когда «Три тела» еще оставались относительно малоизвестной игровой площадкой, которую посещали лишь самые преданные поклонники.

Разумеется, мой параквел не снискал и не мог снискать таких же оваций, какие сопровождали саму трилогию, но верно и то, что многим читателям он очень понравился. Конечно, я не претендую на то, чтобы «Возрождение времени» считалось частью канона «Трех тел», хотя мой параквел вышел в том же издательстве, что и оригинальный цикл, и продавался вместе с книгами Лю Цысиня. Я рассматриваю его как

попытку увлеченного поклонника объяснить и заполнить некоторые пробелы в оригинальной трилогии, как один из бесчисленных возможных путей, по которым могла бы развиваться вселенная «Трех тел». Часть фанатов могут отвергнуть мою книгу как несовместимую с их видением, другие могут насладиться ею, не рассматривая ее как часть вселенной «Трех тел». Думаю, это вполне понятные и законные реакции.

Спустя четыре года после публикации «Трех тел X: Возрождение времени» и в связи с выходом в свет трилогии «Трех тел» на английском языке, China Educational Publications Import & Export Corporation, Ltd. решила представить мою книгу англоязычным читателям. Я и радуюсь, и волнуюсь. История англоязычной научной фантастики знает множество замечательных фанфиков, например трилогия «Вторая Академия» Грегори Бенфорда, Грега Бира и Дэвида Брина или эпические «Корабли времени» Стивена Бакстера — продолжение «Машины времени» Г. Дж. Уэллса, уже не говоря о коллективных вселенных «Доктора Кто» и «Звездного пути» — плодородной почве для творчества многих других писателей. Я не претендую на то, чтобы мой фанфик считали равным этим уже ставшим классикой книгам,

однако у них есть кое-что общее: великие создания выдающихся гениев зовут нас в свои миры снова и снова, побуждая изливать в них нашу страсть и энтузиазм, чтобы время не прекращало свой бег, любимые персонажи возвращались к жизни, а вселенные продолжали изменяться и развиваться, и чтобы этому не было конца.

Баошу,

30 августа 2015 г.

Хронологическая таблица Эр

Эра Кризиса: 201… — 2208 гг.
Эра Устрашения: 2208 — 2270 гг.
Эра Пост-Устрашения: 2270 — 2272 гг.
Эра Космической Передачи: 2272 — 2332 гг.
Эра Космических Убежищ: 2333 — 2400 гг.
Галактическая Эра: 2273 г. — неизвестно
Эра Голубой планеты 2687 — 2731 гг.
Временная линия Подготовки Вселенной № 647:
2731 — 18 906 416 гг.
Временная линия Вселенной № 647:
18 906 416 — 11 245 632 151 гг.
Эра Конца: 11 245 632 142 — 112 456 32 207 гг.
Временная линия новой вселенной:
11 245 632 207 — …

Пролог

Эра Конца, год 1-й,
0 часов, 0 минут, 0 секунд,
конец Вселенной

Давным-давно, в другой галактике…

Звезды все еще ярко сияли, галактика закручивалась мощным водоворотом и бесчисленные формы жизни по-прежнему скрывались за каждым солнцем, разделенные просторами космоса. Они прятались в углах и закоулках галактики, росли, развивались, сражались и убивали. Пульсация жизни и предсмертные стоны наполняли эту ничем не примечательную галактику, как наполняли любую другую часть Вселенной.

Впрочем, сама эта древняя необозримая Вселенная приближалась к концу своего существования.

В сфере радиусом в десять миллиардов световых лет умирали звезды — угасали невообразимо быстро, одна за другой. Цивилизации исчезали, галактики тускнели… Все снова возвращалось в пустоту, как будто никогда и не существовало.

Бесчисленные живые создания в этой галакти-

ке еще не знали, что все их битвы и поражения, массовые бойни и попытки спрятаться утратили смысл. Всему мирозданию вскоре предстояло ужасно и неожиданно измениться. Само существование этих жизненных форм скоро превратится в небытие.

Слабые фотоны из уже мертвых галактик, лежащих в миллиардах световых лет отсюда, преодолели бесконечный мрак космоса, чтобы осветить эту затерянную галактику и, словно письма, не нашедшие адресатов, безмолвно рассказать полузабытые легенды Исчезнувшего.

Один из этих лучей зародился в незаметном уголке Вселенной, когда-то известном под названием Млечный Путь. Свет был таким слабым, что подавляющее большинство живых существ не могли различить его, но все же он хранил в себе бесчисленные предания, некогда перевернувшие небо и землю, потрясшие веру и разум.

Е Вэньцзе, Майк Эванс, Дин И, Фредерик Тайлер, Чжан Бэйхай, Билл Хайнс, Ло Цзи, Томас Уэйд…

База «Красный Берег», Общество «Земля — Трисолярис», проект «Отвернувшиеся», программа «Лестница», Держатели Меча, проект Космических Убежищ…

Древние предания оставались так же ярки, как

будто события произошли вчера; фигуры героев и святых продолжали сверкать среди созвездий. Но память об историях поблекла и не осталось никого, кто заметил бы, как они проносятся мимо. Занавес упал, актеры покинули сцену, публику разметало ветром и даже сам театр превратился в руины.

Как вдруг…

В безмерном мраке космоса, в позабытом закоулке далеко от всех звезд из пустоты восстал призрак.

Тусклый звездный свет очертил фигуру, отдаленно напоминающую существо, когда-то известное как «человек». Призрак знал, что на миллиарды световых лет вокруг нет ни единого создания, которое распознало бы человеческие контуры. Его мир и собратья по расе исчезли давным-давно, не оставив по себе следа. Эта раса, творец цивилизации, ставшей светочем галактики, завоевавшей миллиарды миров, сокрушившей бесчисленных врагов и сложившей величественные эпосы, канула в реку истории, которая в свою очередь влилась в океан — океан времени. А сейчас и этот океан почти высох.

Но в конце Вселенной, в момент, когда время собиралось прервать свое течение, восставший

призрак упрямо желал продолжить историю, которая уже завершилась.

Паря в темноте, призрак вытянул руку — да, давайте называть это рукой — и растопырил пальцы. Маленькое серебристое пятнышко света зависло над его ладонью.

Призрак смотрел на пятнышко, словно погрузившись в воспоминания, и в глазах его отражались бессчетные звезды. Яркая светящаяся точка порхала то вверх, то вниз, будто светлячок, — такая маленькая, что могла в любой момент погаснуть, но в то же время вмещающая в себя все возможности, как сингулярность перед рождением Вселенной. Это была миниатюрная «червоточина», соединявшаяся с массивной черной дырой в сердце галактики и способная высвободить всю содержащуюся в звездной системе энергию.

Прошло время — никто не знает, сколько, потому что вокруг не было никого, кто бы взялся его измерять, — и призрак отдал приказ. Светящаяся точка трансформировалась в серебристую полоску, протянувшуюся в пространстве, словно бесконечная нить времени. В следующий момент нить развернулась в белую плоскость. А затем плоскость вздыбилась и обрела высоту — так

появилось третье измерение. Но по сравнению с шириной и длиной высота была незначительна: призрак развернул гигантский лист бумаги и сейчас парил над ним.

Он взмахнул широко раскинутыми руками и полетел. От его движений поднялся легкий ветерок, и из ниоткуда материализовалась атмосфера. Лист бумаги под призраком пошел морщинками и рябью, словно на ветру. Гребни и впадины между волнами вскоре затвердели и стали горами, холмами, каньонами и равнинами.

А потом пришли огонь и вода. Все вокруг содрогнулось от мощных взрывов — это кислород и водород, возникшие из чистой энергии, запылали ярчайшим пламенем и разлились морем огня. Молекулы воды, порожденные реакцией, собрались в капли, сгустились в облака и туманы, а затем обрушились ливнем на новорожденную землю. Бесконечные струи дождя залили равнины, превращая их в обширные океаны.

Призрак пронесся над водами, словно огромная птица, и приземлился на пустом берегу. Простер ладони — одну к морю, другую к холмам — и одновременно поднял обе руки. Бронтобайты информации, хранимые внутри призрака, пробудились к жизни и, поглощая энергию из

окружающего пространства, обрели форму; на суше и в воде зародилась жизнь, словно занесенная туда циклоном. Косяки рыб и стада китов выпрыгивали из волн, чтобы почтить своего создателя; из земли полезла трава, выросли деревья, звери и гады населили их; стаи птиц, маленьких и больших, полетели по небу. Шум и суета жизни наполняли этот новый мир по мере того, как материализовывались все новые организмы, росли леса, раскидывались степи, озера и пустыни.

Выполнив эти задачи, призрак тем не менее почувствовал, что чего-то не хватает, — чего-то важного. Он пытливо вглядывался в темное небо, пока не сообразил. Мановением пальца призрак очертил на темном бархате небосвода круг. Затем, отведя руку, щелкнул пальцами, и из них вылетела искра. Попав в круг, искра превратила его в огненный золотой шар. Снова засияло знакомое Солнце — или по крайней мере казавшееся знакомым. Лучи его, преломившись в атмосфере, залили светом весь мир: и лазурное небо, зеркально чистое и гладкое, и аквамариновое море, сверкающее и искрящееся.

Призрак понежился в новом свете, без которого жил так долго. Медленно поднял голову, чувствуя себя словно во хмелю.

«Похоже на Золотой век, тогда, очень давно…»

Солнечный свет озарял его кожу и волосы, дорисовывая образ типичного человеческого существа. Теперь стало ясно — или стало бы, если бы где-то поблизости оказался какой-нибудь наблюдатель, — что призрак больше не бестелесный дух, а человек, мужчина. Мужчина из стародавнего мира, который когда-то называли Землей.

А этот новый мир, в точности как мифическая Земля, манил его ощущением близкого знакомства.

Этот мир у края Вселенной был тенью той древней планеты, давно уже уничтоженной вместе с когда-то населявшими ее многочисленными человеческими цивилизациями.

Призрак знал, что по сравнению с некогда существовавшей великой Вселенной или даже по сравнению с реальной Землей этот искусственный мир был крохотным, ненастоящим и незначительным. Но он все равно сотворил его, чтобы космическая эпопея, уже завершившаяся, могла продолжиться еще немного. Пусть созданный им довесок и не станет подлинным продолжением, но разве это не радость — снова на короткое время погрузиться в этот вирту-

альный мир и погреться у тускнеющих углей поддельного Солнца, в то время как Вселенная неуклонно идет к своему концу?

— Это закат Вселенной, — прошептал он.

Часть I
Прошлое внутри времени

Эра Голубой планеты,
год 2-й, наша звезда, наш мир

Небо было мутно-серым. Знакомый послеобеденный дождик затянул озеро легкой моросью. Трава на берегу, волнуясь под легким ветерком, жадно пила сладкие капли. Игрушечный кораблик, сплетенный из травинок, покачивался на порожденной моросящим дождем ряби, все дальше и дальше уплывая от берега.

«Как будто он стремится к краю мира…»

Юнь Тяньмин сидел на берегу и бездумно швырял в озеро камешки, наблюдая, как расходящиеся круги набегают друг на друга. Рядом сидела женщина и смотрела на него, не говоря ни слова. Ветерок играл ее длинными волосами, чьи кончики гладили его щеку. Эта ласка пробуждала в нем желание.

На одно мгновение Тяньмину примерещилось, будто он находится в другом месте и другом времени — на студенческом пикнике в пригороде Пекина, в том счастливом дне, который провел

рядом с Чэн Синь. Но лимонно-желтая вода, голубая трава и разноцветная галька на берегу напоминали, что сейчас другая эра и здесь другой мир — планета в трехстах световых годах от Земли и почти на семьсот лет позже.

И женщина тоже другая.

«Косой дождик, мягкий ветерок, ни к чему возвращаться домой»[2].

Тяньмин не знал, почему вдруг вспомнил строчку из традиционного китайского стихотворения, которое родители, одержимые идеей дать сыну классическое образование, заставили его выучить наизусть. Возвращение домой невозможно было даже вообразить — больше не существовало дома, куда он мог бы вернуться. Оставалось терпеть холодные ветры и дожди на этой чужой планете.

«Вот же дурак! — ругал себя Тяньмин. — С чего это ты вообразил, что тебе предоставится второй шанс? Что будешь сидеть у озера со своей любимой Чэн Синь и пускать игрушечные кораблики? Проснись!» Сама мысль о воссоединении с женщиной своей мечты через семь веков была абсурдом. Сам факт, что он сейчас сидит рядом

---

[2] Примечания: 2

Строка из поэмы о рыбаке, удящем рыбу под дождем, принадлежит Чжан Чжихэ, поэту династии Тан. (*Прим. Кена Лю.*)

с женщиной своей расы, уже был невероятным чудом.

Но еще большее чудо однажды ускользнуло между его пальцев. После разлуки длиной в семьсот лет Тяньмин мог бы увидеться с любимой, если бы прибыл на эту планету на несколько часов, да нет — на несколько минут раньше! Тогда он провел бы остаток жизни на берегу этого озера с женщиной, которую любил семь столетий, и никогда не расстался бы с ней. Но с другой стороны, женщина, которая сейчас сидит с ним рядом, была бы тогда всего лишь лучшей подругой его жены и женой другого мужчины.

Впрочем, Чэн Синь находилась сейчас совсем недалеко, всего в нескольких сотнях километров отсюда. Ясными ночами он видел ее корабль — тот медленно облетал планету. И тем не менее, хотя он и мог восхищаться ею издалека, Чэн Синь оставалась навеки недосягаема.

Когда-то давно он подарил ей звезду. Но сейчас из-за неожиданного разрыва «линии смерти» она навсегда лишилась возможности приземлиться на поверхность планеты. Теперь Чэн Синь стала его звездой.

Тяньмин поморщился и привычно глянул в небо. Идет дождь, ничего не видно. Но он знал,

что она там, за облаками, возможно, в этот самый момент даже проплывает над его головой…

Тяньмин опустил глаза и обнаружил, что взгляд спутницы по-прежнему устремлен на него. Он сделал вид, что не замечает. Две руки, словно лозы, обвились вокруг его шеи. Он уже приготовился насладиться этим моментом близости, когда обладательница рук заговорила. Она задала вопрос, который задают влюбленные всех эпох и галактик, рас и полов:

— Кого ты любишь больше — меня или ее?

— Конечно тебя!

— Но как именно? — не отступала ☒АА. — Можно конкретнее? Я думала, что Чэн Синь… — Но он закрыл ей рот поцелуем. Тяньмин не раз попадал в неловкие ситуации и вынес из них болезненный урок: в таких обстоятельствах не существует подходящих ответов, да и разговаривать вообще ни к чему.

☒АА отдалась поцелую, а как только он завершился, не пыталась продолжить разговор. Она робко прикусила мочку уха Тяньмина. Мгновением позже, словно не удовлетворившись этим, она крепко укусила его за плечо.

Тяньмин вскрикнул и оттолкнул ее. Галлюцинации, давно похороненные в глубинах его

памяти, прорвались наружу, грозя опрокинуть его сознание. Стало трудно дышать, а думать и вовсе не получалось. Он сжал ладонями раскалывающуюся от боли голову.

— Я же просто дурачилась! — Поначалу АА посчитала, что он переигрывает, но, взглянув на его побледневшее лицо, увидев, как дрожь прошла по его телу, поняла: он в ужасе, возможно даже впал в помрачение. Она уже бывала свидетелем таких припадков, случавшихся с ним время от времени.

— Тяньмин, что с тобой? — с тревогой спросила АА.

Он смотрел на нее перепуганными, растерянными глазами, тяжело дыша. После долгого молчания он выговорил:

— Ты… ты настоящая?

— Что ты такое говоришь? — АА перепугалась. Она приблизилась к нему, раскрыв объятия, но Тяньмин отстранился и уставился на нее с подозрением. Все его тело съежилось, как бы уходя в защиту. Он повторил вопрос:

— Ты реальный человек или галлюцинация? Может, весь этот мир — только игра моего воображения?

АА осознала серьезность ситуации. Глубоко

вздохнув, она медленно заговорила:

— Я *настоящая*. Тяньмин, взгляни на меня. Я здесь, рядом с тобой. Каждый сантиметр моей кожи, каждый волосок на моей голове — все реально. Планета, на которой мы живем, абсолютно реальна. Это… это наш мир!

— Наш… мир? — переспросил Тяньмин.

— Да! Помнишь день, когда мы стояли здесь и ждали Чэн Синь и Гуань Ифаня? Мы видели, как их корабль заходит на орбиту вокруг Голубой. Ты смеялся как ребенок, держал меня за руку и предвкушал ее удивление, когда ты поведешь ее в эту удивительную миниатюрную вселенную, в которой даже ты не бывал. А потом вдруг «линия смерти» расширилась, небо потемнело, не стало ни солнца, ни звезд. Поняв, что произошло, ты просто застыл, как зомби, — не плакал, не кричал… Я не понимала, насколько сильно ты любил ее, пока не увидела всей глубины твоего отчаяния.

— Я помню, — пробормотал Тяньмин, блуждая мыслями где-то далеко.

— Три дня и три ночи ты не пил, не ел и практически не спал. Я все твердила тебе, что они не умерли, что они просто живут в другой системе координат и, возможно, в один прекрасный день

вы снова встретитесь, но ты, похоже, не слышал меня. И лишь на третью ночь ты заплакал. Сначала беззвучно, потом громко, навзрыд, а потом наконец ты закричал. А я… Я обняла тебя. И услышала, как ты прошептал: «Нас только двое на этой планете! Только двое!» Помнишь, что я сказала в ответ?

— Ты сказала: «Ты мой Адам, а я твоя Ева». — Тяньмин закрыл глаза, вспоминая.

— Не знаю, как я нашла слова. — АА закусила губу и покраснела. — Не важно… Так мы с тобой стали парой. Конечно, отчаяние не отпускало нас, но по крайней мере в тот день мы забыли о нем и… Это было прекрасно! На следующий день ты сказал мне: «Отныне это наш мир». Разве ты не помнишь?

На лице Тяньмина появилась улыбка, чего он, возможно, даже не осознавал.

— Конечно помню.

— Так как все это может быть нереальным? — спросила АА.

Ободряюще улыбнувшись, она придвинулась к нему. На этот раз он не отшатнулся. АА взяла его руки и обвила ими себя, приникла ухом к груди Тяньмина, чтобы услышать биение его сердца. Все еще растерянный, Тяньмин смотрел куда-то

вдаль, позволяя ей обнимать себя. АА покрыла его лицо нежными поцелуями, и он постепенно, нерешительно обнял ее в ответ. Его взгляд потеплел, и он ответил ей на поцелуй, а она отозвалась с еще бóльшим пылом…

Тяньмин получил самое что ни на есть примитивное и доподлинное доказательство реальности Вселенной.

* * *

Дождь прекратился некоторое время назад, и голубая трава заколыхалась на вечернем ветерке. Закатный свет пробился сквозь облака и обвел лазурные холмы золотой каймой.

То, что случилось дальше, на Земле было бы невообразимо: голубые деревья и кусты пробудились к жизни. Они потянулись, просыпаясь, повернули сотни тысяч листьев к теплу закатного солнца и стали вбирать в себя каждую крупицу энергии. Некоторые ветки, желая получить больше света, толкали и отпихивали друг друга, наполняя воздух шелестом. Из озера взмыли четырехкрылые насекомые-амфибии, похожие на земных стрекоз, и затанцевали, всасывая питательные вещества, выделяемые голубой травой, тоненько застрекотали, привлекая пару.

Насекомые противоположного пола ответили собственной песней, а затем пары закружились над озером в сложном брачном танце — священном ритуале, служащем продолжению и приумножению жизни… Все эти звуки слились в единую композицию, уникальную кантату жизни на Голубой планете.

В сердце этого нового черного домена жизнь, казалось, текла как раньше, если не считать вторжения двух скитальцев из дальнего далека. В этом мире они соединились, и здесь они останутся навсегда. Но для планеты, насчитывающей уже миллиарды лет и впереди у которой были еще многие миллиарды, чужаки были ничем — они исчезнут в мгновение ока, не оставив следа, словно пробежавшая по озеру рябь.

Глядя на садящееся солнце, Юнь Тяньмин тихо сказал:

— Я уже думал об этом мире как о сне. АА, прости, что я так вел себя. Даже сейчас я не совсем уверен, что проснулся. Не могу различить, где сон начинается, а где заканчивается. Такое впечатление, что… что все это не имеет конца.

— Не имеет конца? — удивилась АА. — О чем ты?

— Сколько тебе сейчас лет? — спросил Тянь-

мин.

— Не помню. По меньшей мере лет четыреста.

— А если исключить годы, проведенные в гибернации?

— Тогда двадцать… тридцать с чем-то? Нет, я в самом деле не помню, — ответила АА.

— По стандартам Эры Устрашения, ты все еще очень молода. А знаешь, сколько лет мне?

— Я бы сказала — чуть больше семисот. Но если не считать гибернацию, думаю, ты ненамного старше меня.

— Нет. Моему мозгу по меньшей мере несколько тысяч лет, может, даже десятков тысяч. — Глаза Тяньмина, когда он произносил это, казались очень старыми.

Недоумение АА становилось все сильнее. Но вместо того чтобы пуститься в расспросы, она обратилась в слух.

С гримасой боли Тяньмин принялся объяснять:

— Знаю, в это трудно поверить. В том-то и состоит разница между нами: я провел бóльшую часть жизни во сне, — во сне, продлившемся десятки тысяч лет.

С первого года Эры Кризиса, с того момента, когда меня… нет, мой мозг заморозили, я начал видеть сны. Бесконечные сны — вот что заполня-

ло мое время, пока я летел в космической бездне. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что по большей части это были ложные воспоминания, сфабрикованные моим мозгом позже, потому что при почти абсолютном нуле мозг не может генерировать сны… А потом, когда трисоляриане поймали меня, они ухватились за сновидения как за самое мощное оружие и применили его для того, чтобы стимулировать меня, изучать меня… использовать меня.

Голос Тяньмина был спокоен, как будто он описывал прогулку по берегу озера. Но АА поежилась. Она понимала — и подтверждение Тяньмина было ей не нужно, — что о большей части невообразимых мучений, боли и страхов он умалчивает.

АА и Юнь Тяньмин прожили на Голубой уже год — столько прошло времени с момента расширения «линии смерти»[3]. Они рассчитывали друг на друга, поддерживали друг друга. За это время с Тяньмином случилось несколько подобных припадков. Тяньмин никогда не объяснял, а его подруга не пыталась выведать у него их причи-

[3] Примечания: 3

Год на Голубой планете состоит примерно из 400 суток, а сутки длятся около двух третей земных суток. Таким образом, год на Голубой планете чуть короче земного.

ны, хотя и подозревала — они кроются в том, что он пережил у трисолярианин.

АА считала Тяньмина величайшим шпионом в истории человечества. Без тела, будучи лишь изолированным мозгом, он сумел проникнуть в среду пришельцев и передал людям бесценную разведывательную информацию. Сознавая, что такой успех дается дорогой ценой, ценой кровавых, жестоких пыток, которым трисоляриане подвергли Тяньмина, она страстно желала узнать правду, переложить на свои плечи часть груза былых мучений, утешить его. Но она не решалась расспрашивать, бередить его раны. Иногда она даже задавалась вопросом, смогут ли хрупкие узы любви стянуть раны, оставшиеся после выпавших ему ужасных испытаний.

И вот сегодня, когда Тяньмин, кажется, созрел, чтобы облегчить душу, сердце АА наполнила горько-сладкая радость.

— Ничего не могу с собой поделать, все время вспоминаю те кошмары. — Тяньмин нервно поковырял ногой галечник. — Во многих из этих сфабрикованных трисолярианами снов я видел себя на том студенческом пикнике: сижу рядом с Чэн Синь, мы доверительно беседуем. А потом она притягивает меня к себе, целует, меня охва-

тывают неописуемые восторг и счастье… и в этот момент она внезапно превращается в жуткое чудовище: кожа, покрытая чешуей, острые клыки между алых губ… Она смыкает челюсти у меня на горле и утаскивает в бездонное озеро, где я тону, объятый холодным страхом.

— Какой ужас! — вскрикнула АА.

— Ужас? — Тяньмин испустил смешок, больше похожий на всхлип. — Да я еще даже не дошел до настоящего ужаса. Многие страдают от кошмаров похлеще этого. Но мои сны чрезвычайно точны в мельчайших деталях. Я до сих пор со всей отчетливостью помню, как острые зубы вонзаются в мое тело и бездушные фасеточные глаза смотрят в мои… Ощущение агонии и удушья не отличить от реального. Но это еще не все. Кошмар на этом не заканчивался. Я не мог дышать в воде, но я и не просыпался, и не терял сознания, и уж конечно не мог умереть. Время останавливалось, а боль длилась и длилась.

Мое сознание мерцало. В одно мгновение я понимал, что галлюцинирую, в следующее забывал и снова безнадежно боролся с пожирающим меня монстром…

Голос Тяньмина стал более глухим, как будто он разговаривал во сне.

— В такие моменты я цеплялся за воспоминания об одном человеке. Словно Дантова Беатриче, она являлась мне среди облаков, окруженная ангелами, в венке из цветов на голове, одетая в огонь, как в платье. Это священное сияние пронизывало темную воду озера, даря мне надежду. Я говорил себе: «Чэн Синь — не чудовище, она богиня, которая принесет мне спасение. Она не предаст. Все это лишь проделки дьявола…» Но мир — не волшебная сказка. Моя богиня не придет и не спасет меня только потому, что я воззвал к ней. Мысли о Чэн Синь и тонкая ниточка надежды не давали мне облегчения. Вместо этого они разрывали мне сердце.

— Остановись, — сказала АА, ласково поглаживая его поросшую щетиной щеку. — Я понимаю. Забудь о кошмарах. Это только сны, и они остались в прошлом.

— Нет! Ты ничего не понимаешь! — Тяньмин оттолкнул ее руку и вскочил в возбуждении. — Это были совсем не сны! Разве не ясно? Трисоляриане стимулировали мои нейроны электрическими сигналами. Для меня все это происходило на самом деле — как сейчас, когда я вижу тебя, ощущаю тебя. На уровне нейронной активности никакой разницы нет. Они внедряли кошмары

в мой мозг, делали их реальными, задействовав биологические механизмы, и защиты от этого у меня не было. Я не боролся с иллюзиями при помощи реальности — наоборот, я создавал иллюзии, чтобы побороть реальность! И выиграть в этой битве я не мог.

Какой прок был призывать Чэн Синь?! В ответ на мольбы мучители вызывали в моем сознании ее образ, давали надежду, что чудо свершилось, что спасение — вот оно, только протяни руку. А потом они опять превращали все в ад, в тысячу раз худший, чем тот, через который я только что прошел.

В одном из снов я прожил с Чэн Синь десять лет, у нас даже была чудесная маленькая дочка. Но эти десять лет радости и покоя оказались лишь прелюдией к кошмару. Великий голод поразил страну, и все мы были изнурены до того, что от нас оставались лишь кожа да кости. Мы умирали. И все же однажды Чэн Синь исхитрилась приготовить для меня жаркое. Я был озадачен: где она достала мясо? Немного поев, я вдруг увидел в углу кухни прядку волос и клочок кожи. Я был потрясен. И тут Чэн Синь выудила половником из горшка что-то круглое, мясистое… оно варилось так долго, что почти распадалось на части. Я

узнал головку нашей дочери. Улыбаясь, Чэн Синь проговорила: «Очень вкусно, правда? Добавки хочешь?»

— А-а-ах! — АА схватила Тяньмина за руку, ее едва не стошнило. Она и представить себе не могла, как можно перенести такой кошмар и не сломаться.

Но Тяньмин продолжал рассказывать чуть ли не с ожесточением:

— Хуже всего то, что, хотя меня едва не выворачивало наизнанку, а моему ужасу и скорби не было предела, испытываемый мной голод, казалось, обладал собственной волей. Я ничего не мог поделать — набивал и набивал рот, ел свою дочурку, пока не наелся до отвала. Насытившись, мы с Чэн Синь предались любви, а после заснули прямо рядом с костями нашего ребенка.

Пробудившись, я обнаружил, что связан по рукам и ногам и не могу пошевелиться. Чэн Синь опустилась передо мной на колени и сообщила, что ради собственного выживания должна съесть меня. Я в ужасе смотрел, как она вгрызлась в мою руку, оторвала зубами кусок плоти, разжевала и проглотила. Она продолжала до тех пор, пока не счистила с моих костей все мясо…

АА больше не могла этого вынести.

— Прекрати! Прекрати! Умоляю! — Она отвернулась, и ее стошнило. Рот наполнился гадостным кислым вкусом.

Оправившись, она спросила:

— Но зачем? Зачем трисоляриане изводили тебя такими отвратительными иллюзиями?

— Чтобы понять людей, — ответил Тяньмин. — Подумай как следует и увидишь, что ничего странного тут нет. Хотя софоны и помогали держать все происходящее на Земле под наблюдением, они не могли понять наши эмоциональные или физические реакции без постановки экспериментов. Кошмар, который я только что описал, трисоляриане вовсе не восприняли бы как трагедию, поскольку их моральный кодекс абсолютно иной. Они часто поедают плоть других дегидрированных трисоляриан и не могут понять, почему человек испытывает такое отвращение к каннибализму. Я мог бы порассказать тебе куда более отвратительные истории. Например…

— Может, отложим все эти мерзости до другого раза? — перебила АА. Наконец-то ей стало понятно, почему Тяньмин хранил молчание о своем пребывании среди трисоляриан. — Что бы ни случилось, Тяньмин, помни одно: ты выжил в этих испытаниях и завоевал их доверие и уваже-

ние; ты внедрился в самое сердце инопланетного общества. Твои жертвы стоили того.

Тяньмин взглянул на нее с перекошенным лицом:

— Да, конечно, мои жертвы стоили того. Они способствовали уничтожению Земли и человеческой расы.

АА в недоумении воззрилась на мужа. Тот, сделав глубокий вдох, наконец поведал ей тайну, которую скрывал от всех.

— Ну как ты не понимаешь, АА? Единственной причиной, почему я смог завоевать доверие трисоляриан и «внедриться» в их общество, как раз и было то, что я сдался. Атака капель, покончившая с Эрой Устрашения, по большому счету была делом моих рук.

* * *

Если уж искать кого-то, ответственного за уничтожение колыбели человечества, то самым подходящим кандидатом на эту роль была бы не Чэн Синь, не Юнь Тяньмин или еще кто-то, чьи решения повлияли на жизни миллиардов людей, а Томас Уэйд, посвятивший себя спасению человечества с помощью программы беспощадной борьбы. Более шестисот лет назад именно

он сказал слова, определившие конечную судьбу обеих рас:

«We'll send only a brain».

— Мы пошлем только мозг.

Эта гениальная идея вытащила программу «Лестница» из мрачного тупика и вручила трисоляриан великую драгоценность — человеческий мозг. Хотя софоны и могли наблюдать деятельность человеческого мозга во всех подробностях, пассивное слежение не позволяло с необходимой глубиной изучить, каким образом люди познают и осмысляют окружающий мир. Вдобавок после того, как Отвернувшийся Билл Хайнс попытался вмешаться в деятельность мозга, лидеров человечества стали все больше тревожить опасности, связанные с нейробиологическими исследованиями. Ученым было запрещено вникать в специфику того, как биоэлектрическое взаимодействие между нейронами порождает мысли, — ведь такие исследования дали бы трисолярианам возможность читать мысли людей посредством детального нейроэлектрического мониторинга.

После первого контакта прошло два века, а мыслительные процессы людей по-прежнему были для трисоляриан непроницаемым черным

ящиком. Инопланетяне жаждали провести опыты на живом человеке. Впрочем, их энтузиазм диктовался отнюдь не только научной любознательностью; скорее его питала отчаянная практическая необходимость научиться стратегическому обману.

В течение всей Эры Кризиса трисоляриане не ощущали потребности применять в отношении человечества хитрости и уловки — точно так же, как людям в борьбе с вредными насекомыми не нужна ложь, нужны лишь пестициды. Однако это не означало, что трисоляриане не отдавали себе отчета в ценности подобной стратегии для достижения других целей. С того самого момента, когда они открыли царящий в космосе закон темного леса, трисоляриане жили в постоянном страхе перед остальной Вселенной. Они знали, что в галактике скрываются бесчисленные охотники, и тот давний обмен сообщениями между Землей и Трисолярисом наверняка будет обнаружен и расценен как угроза существованию этих самых охотников. Трисоляриане рассматривали стратегические уловки как важное оборонительное оружие, но чтобы овладеть им, нужно было сначала изучить единственный известный им вид, обладающий способностями к обману, то

есть человечество.

Вскоре после того как Эванс рассказал инопланетянам об этом уникальном свойстве людской натуры, в среде трисолярианской научной элиты возникла новая отрасль знания — «обманология». Трисоляриане надеялись, что освоить это человеческое умение будет несложно, но надежды быстро увяли. Чисто теоретически понимание принципов обмана не представляло трудности: нужно попросту выдавать ложные утверждения, и как только противник поверит им, желаемая цель будет достигнута. К несчастью, трисолярианские ученые почти сразу обнаружили, что у их расы не сформирован биологический механизм лжи и они не в состоянии применить эту нехитрую технику на практике. Примерно то же самое происходит с учеными-людьми: они способны досконально описать четырехмерное пространство средствами математики, но не могут сконструировать в уме даже самой простой четырехмерной фигуры.

Как все разумные существа, трисоляриане иногда совершали ошибки, но поскольку их язык состоял из электрических мыслеобразов, излучаемых напрямую в мозг собеседника, выдавать заведомую фальшивку за правду у них не получа-

лось. Если трисолярианин знал, что утверждение ложное, когнитивные маркеры немедленно разоблачали его. Хотя в некоторых специфических обстоятельствах, например в дальней связи, осуществляемой при помощи техники, можно было сфабриковать сигналы ложной мозговой активности, глубинный инстинкт трисоляриан, наследие долгой эволюции от примитивных до развитых жизненных форм, удерживал их от подобного шага.

Трисоляриане надеялись овладеть искусством лжи, изучая историю человечества, а также выдающиеся работы в области политики, военной стратегии, торговли и теории игр. Но вскоре они выяснили, что не могут понять историю землян, как не могут разобраться и в теоретических работах по данным вопросам, принадлежащих перу земных ученых. (Истины ради заметим, что и среди людей эти работы понимают немногие.)

Тогда они обратились к художественной литературе, понять которую, кажется, было легче. Одно время трисолярианским ученым и политикам предписывалось читать популярные произведения, повествующие об интригах и обмане. Книги наподобие «Графа Монте-Кристо», «Приключений Шерлока Холмса» и «Троецар-

ствия» стали бестселлерами. Но инопланетяне не обладали нужными качествами, чтобы по достоинству оценить и эти книги. Романы, которыми люди зачитывались на досуге просто ради удовольствия, трисолярианам представлялись мудреными, непостижимыми трактатами. Даже после многих лет их изучения наиболее продвинутые стратеги смогли понять лишь простейшие обманы, представленные в таких сказках, как «Красная Шапочка». Для ведения межзвездной войны эти знания были бесполезны.

После нескольких десятилетий бесплодных усилий трисоляриане были вынуждены отказаться от амбициозного плана фундаментально изменить собственную природу. Тогда они стали разрабатывать компьютерные симуляции, способные выстраивать перспективные сценарии стратегического обмана. Однако компьютеры могут лишь воспроизвести и расширить дарования своих создателей. Чтобы наделить компьютеры особыми навыками, нужно написать необходимое программное обеспечение, а чтобы написать такое программное обеспечение, необходимо глубоко разбираться в соответствующих принципах. Если люди не в состоянии найти доказательство проблемы Гольдбаха, вряд ли им стоит рассчи-

тывать, что с этой задачей смогут справиться сделанные людьми компьютеры. Так и здесь: поскольку трисоляриане не понимали, как работает обман, этого не могли понять и их компьютеры.

Наконец после долгих лет концентрированных усилий и упорных попыток, предпринятых целыми поколениями лучших трисолярианских умов, в распоряжении которых была база данных, включающая в себя содержание всех земных библиотек, наиболее совершенные трисолярианские компьютеры научились лгать примерно как двенадцатилетний землянин. Впрочем, и это действие было возможно только в обстоятельствах, близких к земным (поскольку все сценарии, по которым тренировали компьютеры, имели земное происхождение). Такие навыки имели лишь ограниченную применимость в потенциальных конфликтах между трисолярианской и другими, еще не открытыми инопланетными цивилизациями. Во многих случаях эти «продвинутые» компьютеры не умели даже вести содержательную беседу, проваливая стандартный тест Тьюринга.

Потратив столько времени попусту, трисолярианские ученые пришли к выводу, что для овладения навыком стратегического обмана

жизненно необходимо изучать настоящего, живого человека. До того как межзвездный флот достигнет Земли и завоюет ее, единственным человеком, которого могли бы заполучить трисоляриане, был Юнь Тяньмин, вернее, его мозг, уже покинувший Солнечную систему. В конце Эры Кризиса флот отрядил корабль с единственной целью — перехватить зонд, несущий мозг Юнь Тяньмина.

Человечество ошибочно истолковало отбытие этого корабля как попытку трисоляриан, осознавших подавляющее превосходство земных сил, заключить мир, и эта ошибка косвенным образом привела к уничтожению всего земного флота в битве Судного дня. В этом смысле непреднамеренный «стратегический обман» со стороны Трисоляриса, можно сказать, увенчался успехом.

Флоту удалось выловить зонд с мозгом Юнь Тяньмина только после того, как Ло Цзи ввел в действие систему Устрашения. Теперь между Землей и Трисолярисом установился хрупкий баланс сил. После многих лет блокады софонов развитие земных технологий пошло громадными скачками. Трисолярису же оставалось лишь смотреть, как его преимущество убывает день ото дня. Теперь для него основной целью стратегического

обмана стала не какая-то покуда неизвестная инопланетная раса, а человечество. Хотя на Земле еще и оставались кое-какие последователи общества «Земля — Трисолярис», готовые плести интриги и играть на стороне пришельцев, трисоляриане не хотели пускаться в рискованные предприятия под пристальным взором землян, дабы те не осуществили всеобщую космическую передачу. В таких обстоятельствах стало необычайно важно прозондировать и понять мозг Юнь Тяньмина.

На выяснение базовой структуры органа трисолярианам понадобилось примерно десять земных лет. Принимая во внимание эффективность трисоляриан, которая намного превосходила человеческую, их прогресс был эквивалентен целому столетию работы земных ученых. Инопланетяне сконструировали симуляцию тела для захваченного мозга, чтобы он мог видеть, слышать, осязать, ощущать вкус и запах, а затем принялись изучать, как генерируются и передаются сенсорные сигналы.

Следующим этапом была попытка истолковать информацию, содержащуюся в памяти Тяньмина. Трисоляриане в определенные моменты стимулировали языковой центр мозга, чтобы

он мог рассказать им, что он видит, слышит, о чем думает и так далее. Не умея еще читать мысли Тяньмина напрямую, они методом проб и ошибок, перебирая различные стимулы, научились вводить в его мозг любую информацию, а затем изучать его реакции по его собственным описаниям.

Поначалу трисоляриане обращались с подопытным объектом бережно, и эксперименты были осторожными и мягкими. Они показали Тяньмину множество прекрасных видов и приятных сцен. Вот эти самые опыты и оставили в сознании Тяньмина иллюзорные воспоминания о снах, которые он якобы видел в течение своего долгого полета сквозь космический мрак. Но по мере того как пришельцы детальнее знакомились с человеческим мозгом, эксперименты становились все более грубыми и бесцеремонными. Много раз мучители приводили Тяньмина к грани безумия, но они знали уже достаточно, чтобы остановиться на краю пропасти и успокоить подопытного с помощью химических транквилизаторов, давая тому возможность восстановиться.

Хотя трисоляриане и научились читать мысли Тяньмина с относительной точностью, они обнаружили, что благодаря уникальной нервной

топологии каждого отдельного человека то, что они узнали от своего пленника, применимо к другим людям только на самом базовом уровне. Нейронные структуры и паттерны высшей мыслительной деятельности, которые они изучали, были присущи только Тяньмину, и никому другому. Мечта трисоляриан научиться читать в головах всех людей оставалась недостижимой.

Таким образом, глубоко индивидуальный характер опыта и памяти сохранил природу человеческого мышления в тайне — оно по-прежнему оставалось черным ящиком. Если бы у трисоляриан был доступ к тысячам или миллионам подопытных, возможно, тогда им бы и удалось преодолеть этот барьер. Увы, у них имелся лишь Юнь Тяньмин.

И все же, имея в распоряжении только один мозг, они достигли великолепных результатов.

Еще семь земных лет концентрированных усилий по исследованию мозга Тяньмина — и трисоляриане создали первую цифровую модель этого органа. Модель содержала всю информацию, хранящуюся в разуме пленника на квантовом уровне, и могла использоваться для имитации основных процессов его мышления. После того как трисоляриане удалили из цифрового мозга все

«бесполезные» человеческие эмоции и чувство видовой принадлежности, они наполнили его собственными данными, надеясь, что машинный разум поможет им плести интриги и строить козни. Трисоляриане назвали эту технологию «облачным компьютингом» — во-первых, потому что она окутывала туманом свет истины, а во-вторых, потому что «юнь» по-китайски означает «облако».

По мере того как цивилизация трисоляриан становилась все более коммерчески ориентированной, были выпущены недорогие версии цифрового мозга Юнь Тяньмина для массового потребления. Трисоляриане вживляли эти «облачные» устройства в свои органы мышления, маскируя с их помощью свои истинные мысли и достигая таким образом беспрецедентных результатов, невозможных для «неусовершенствованного» трисолярианина.

Например, традиционная беседа во время трисолярианского брачного периода могла пойти вот так:

— Моя дорогая особь-первого-пола, эта смиренная особь-второго-пола желает, чтобы наши тела соединились. — Трисолярианин, обращающийся с просьбой, делал щупальцами жест, выражаю-

щий желание. (Трисоляриане тоже делились на два пола, хотя и совершенно иные, чем у людей.)

— Пошел вон, уродина! Один твой вид вызывает у меня желание извергнуть фекальные массы! — Второй трисолярианин посылал мыслеволну, выражающую крайнее отвращение.

Такая откровенность со стороны второго трисолярианина часто приводила к ситуации, не желательной ни для одной из сторон, а именно к бешеной драке. Изобретение «облачного компьютинга» позволяло незаинтересованной секс-особи отвечать в более деликатной манере:

— Благодарю! По-моему, ты чудесная особь. Но, думаю, я для тебя недостаточно хороша.

После такого ответа проситель уходил гордый и довольный, — возможно, даже еще более счастливый, чем если бы спаривание произошло.

Это, несомненно, было грандиозным шагом вперед для трисолярианского общества, но некоторые другие случаи применения этой технологии оказались не столь приятны. Поскольку трисоляриане не умели обманывать и отличались почти эйдетической памятью, на их планете не были в ходу физические деньги. Большинство деловых транзакций даже не регистрировались, а представляли собой лишь объявление желаемой

цены и остатка на счетах. Типовая купля-продажа, описываемая ниже, в людском сообществе была бы попросту невообразима:

— Я хочу приобрести вот этот дегидратор быстрого действия. У меня есть 12 563 кредита. Сейчас я заплачу тебе 231 кредит, и у меня останется 12 332 кредита.

— Согласен. У меня было 73 212 кредитов. Только что получен 231 кредит, в итоге у меня 73 443 кредита.

— По рукам. Теперь я забираю дегидратор быстрого действия и ухожу.

При реальной же купле-продаже такие тяжеловесные диалоги не велись. Обе стороны попросту проецировали каждый свои расчеты и следили за движениями на счетах собеседника. Если один из них делал ошибку, другой тут же ее поправлял. Но облачный компьютинг позволял трисолярианам маскировать свои истинные мыслеволны и проецировать ложные результаты. Бедняк без гроша мог объявить себя миллиардером, и что бы он ни покупал, остаток на его счету не уменьшался. Торговец мог объявить самые обычные товары люксовыми и взвинтить цены.

Популярность облачного компьютинга едва не привела к тотальному коллапсу трисолярианской

ской экономики. Правительство было вынуждено запретить прямое внедрение облачных устройств в органы мышления граждан под угрозой немедленной дегидрации с последующим сожжением. Чтобы обеспечить выполнение этого закона, повсюду были установлены противооблачные детекторы. Только тогда порядок в рыночных отношениях был восстановлен.

Хотя облачные устройства и не могли быть интегрированы в мышление трисоляриан напрямую, рядовому гражданину было интересно пообщаться с имитацией мозга Юнь Тяньмина. Даже с учетом относительной медлительности мозговых процессов и явной забывчивости ум человека не уступал трисолярианскому. Собственно говоря, человеческий разум обладает некоторыми качествами, не присущими разуму трисолярианина. Люди не только обманщики — они тонко чувствуют природу, любознательны, одарены воображением и стремлением к творчеству. И непредсказуемы. В некотором смысле освоение процессов человеческого мышления — в частности, Юнь Тяньмина — послужило ключом к технологическому прорыву на Трисолярисе в конце Эры Устрашения, кульминацией которого стало изобретение двигателя, искривляющего

пространство.

Вот почему трисоляриане испытывали к Юнь Тяньмину искреннее почтение и глубокую благодарность. Позже, после того как он продемонстрировал свою лояльность к Трисолярису, они наделили его очень высоким социальным статусом.

Облачные технологии, однако, показали свою недостаточность для непосредственного продвижения трисоляриан к их стратегическим целям. Второе поколение эмуляторов мозга Юнь Тяньмина пользовалось цифровыми моделями, оперирующими данными на квантовом уровне. Но, как обнаружил Хайнс еще в Общую Эру, человеческая мысль подвержена воздействию квантовой неопределенности. Трисоляриане не могли воспроизвести процессы, идущие в мозгу Юнь Тяньмина на квантовом уровне, поэтому истинная суть человеческой мысли от них ускользала. Чтобы достичь уровня сложности и многогранности, присущих разуму людей, они вынуждены были опереться на изучение подлинного человеческого мозга.

Создав три поколения экспериментальных облачных устройств, трисоляриане были вынуждены признать, что симуляция ответов не дает.

Им оставался последний выбор: пробудить Юнь Тяньмина от бесконечного сна и, запугивая или улещивая, заставить его служить Трисолярису.

* * *

Юнь Тяньмин прервал свой рассказ. АА смотрела на него с напряженным лицом.

— И ты… согласился? — Она задержала дыхание, боясь услышать ответ, который разбил бы ее надежды.

Тяньмин помотал головой, но АА это не успокоило. Она догадывалась: поначалу он отказался, но после бесконечного ряда изобретательных пыток, конечно, не выдержал. АА понимала: есть предел издевательствам, которые может вынести мозг, и она не была столь наивна, чтобы презирать Тяньмина за это. И все же в глубине души ей было трудно примириться с тем, что человек, которого она любит, ответствен за уничтожение человечества. Она не желала слушать дальше.

— Мне холодно, — сказала АА, дрожа и обнимая себя руками. — Давай вернемся на корабль.

Солнце уже село, и призрачный звездный свет черного домена озарил небосвод. Температура воздуха резко упала, а на АА не было одежды — ни единой нитки.

Совсем недавно она и Тяньмин встречали на Голубой планете лето. Их первоначальное суждение о климате их мира оказалось не совсем верным. По причине значительного эксцентриситета орбиты в самый холодный период на двух третях планеты устанавливались погодные условия, близкие к земной Антарктике, зато летом температура кое-где достигала 50º по Цельсию. Жара была просто непереносимая, поэтому оба поселенца решили избавиться от одежды и жить, как в раю до грехопадения. Но времена года на Голубой сменялись быстро, и после нескольких бурь наступила прохладная осень.

Тяньмин покрутил кольцо на пальце — единственный предмет одежды, вернее, украшение, которое он носил, — и вокруг них возникло защитное силовое поле радиусом три метра. Температура внутри поля быстро поднялась до комфортного уровня. Никакого источника тепла АА не видела. Она иронически усмехнулась. Люди Эры Устрашения умели манипулировать силовыми полями с такой же точностью — эта технология использовалась для поддержания необходимой для жизни атмосферы в открытом космосе без физических барьеров. Однако людям для достижения такого результата требовалась

помощь огромных машин, поглощающих уйму энергии, тогда как Юнь Тяньмину только и нужно было, что колечко на пальце.

АА не знала, откуда у Тяньмина такая передовая технология. Хотя его корабль не мог вырваться из черного домена, он вполне удовлетворял все их нужды. Даже на этой безлюдной планете наша пара поселенцев жили в относительном комфорте, сравнимом с условиями, существовавшими когда-то в Солнечной системе.

Несколькими днями раньше, плавая в озере — вода содержала немного металлических примесей, но купаться в ней было практически безопасно, — АА вспомнила о том эпизоде своей жизни, когда они с Чэн Синь экспериментировали с древним куском мыла. Она рассказала Тяньмину эту историю, а затем, наполовину в шутку, заметила:

— Ох, вот бы раздобыть кусочек ароматного мыла! Правда, было бы здорово принять здесь пенную ванну?

Конечно, она сказала это не всерьез, но, к ее удивлению, Тяньмин пошел в корабль и, вернувшись через пару минут, кинул ей брусок. Аромат у мыла был еще сильней, чем у того, что они купили в музее сотни лет назад. Она терялась в

догадках, откуда Тяньмин взял его.

А еще Тяньмин привез с собой подарок для Чэн Синь — миниатюрную вселенную. АА собственными глазами видела плавающий в воздухе прямоугольный контур. Хотя она никогда туда не входила, сама концепция представлялась ей совершенно непостижимой. Маленькая, замкнутая на себя вселенная, существующая независимо от большой, окружающей ее Вселенной? Неужели трисоляриане владеют такой продвинутой технологией? Но если это так, то с чего бы им тогда тревожиться о разрушении Трисоляриса? Могли бы расселиться по таким мини-вселенным, и дело с концом. Так как же этакое чудо попало в руки Юнь Тяньмина?

АА решила не уходить со свежего воздуха.

— Я уже согрелась. Может, продолжишь? Лучше выговориться и снять груз с души. Я в любом случае на твоей стороне.

Тяньмин в глубокой задумчивости поднял лицо к небу. Прошло много времени, прежде чем он заговорил опять.

— Расскажу тебе о том дне, когда я проснулся, о дне, который никогда не забуду.

* * *

Тяньмин проснулся и увидел, что лежит в кровати.

У него было тело.

Должно быть, клонированное, решил он. Это было тело без раковых клеток, и Тяньмин чувствовал себя здоровее и сильнее, чем когда-либо на Земле. Все вокруг было автоматизировано. Трисоляриан нигде не видно. «Возможно, пришельцы не хотят мне показываться, потому что их устрашающая инопланетная наружность может помешать эффективному общению», — подумал Тяньмин.

Он поднялся и осмотрел комнату. Дверь не была заперта. Мгновение поколебавшись, он толкнул ее, вышел наружу и оказался в саду. Он увидел знакомую со времен Общей Эры картину: газон, мостик через узкий ручеек, альпийская горка, маленькая пагода… Модель, сделанная трисолярианами в соответствии с их представлениями о Земле. Сад окружала высокая стена, не позволявшая увидеть находящееся за ней. Пушистые облака плыли в чистом небе, сияло яркое и теплое солнце.

Тяньмин сообразил, что все это место — лишь

часть трисолярианского корабля, превращенная в комфортабельную клетку специально для него. Небо, скорее всего, — голографическая проекция. Интересно, как трисоляриане намереваются общаться со своим пленником?

И тут в небе появилась строчка:

«Дорогой господин Юнь Тяньмин, добро пожаловать в наш мир».

Приветствие потрясло Тяньмина — впервые трисоляриане заговорили с ним. Но он сумел сохранить самообладание и кивнул.

— Как делишки? — спросил он.

«Хорошо. — Трисоляриане перешли прямо к делу. — *Мы разбудили тебя, потому что нам надо, чтобы ты помог нам завершить план завоевания Земли».*

Вот оно.

Саркастическая усмешка приподняла уголки рта Тяньмина. Требование не стало для него сюрпризом. Когда он на церемонии в ООН отказался поклясться в верности человеческой расе, он знал, что этот день может прийти. Время принять решение.

— И какой мне резон предавать своих соплеменников? — холодно спросил он.

«Границы между видами — отнюдь не непреодо-

лимые пропасти. На Земле многие уже поклялись нам в верности, не дожидаясь наших просьб».

— Прошу прощения, но вы жестоко ошибаетесь, приравнивая меня к этим жалким трусам из ОЗТ.

Пришельцев его ответ не рассердил.

«Нам всем известно, что земляне обошлись с тобой безжалостно. Вовсе не случайность, что ты оказался среди нас. Благодаря изучению твоего мозга и твоего разума за последние несколько лет наше общество далеко продвинулось по пути прогресса, и твое имя пользуется высочайшим уважением среди трисоляриан. Если ты согласишься помогать нам, ты станешь самым почитаемым гражданином Трисоляриса, чьи привилегии будут уступать лишь привилегиям правителя. Мы понимаем, что наши материальные блага, возможно, не представляют для тебя интереса, но как только наш флот прибудет на Землю, в твое распоряжение поступят ресурсы целой планеты и ты получишь все, о чем только может мечтать человек».

Тяньмин ощерился:

— И зачем оно мне, если человечество будет уничтожено?

«Мы не станем искоренять все человечество;

ваш род, безусловно, продолжится. Ради одной только необходимости в научных исследованиях потребуется сохранить небольшую популяцию — скажем, от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов человек. Мы устроим для них на Земле резервацию, и ты станешь их абсолютным правителем. С помощью наших передовых технологий ты будешь жить лучше, чем любой король или император в истории вашего мира».

Поскольку трисоляриане не умели врать, Тяньмин знал, что их посулы искренни.

— А если я откажусь? — осведомился он.

«Тогда мы огорчимся. Но мы тебе ничего не сделаем… разве что вернем обратно в твои сны».

Тяньмина сотрясала неконтролируемая дрожь. Он понимал, что крылось за этим обещанием: сплошной беспробудный кошмар. Это будет хуже, чем любая физическая пытка.

Так, с него хватит. Почему он должен жить с этим адом в голове? Ради своих соплеменников-людей? Да что они такое — люди?! Они вытащили его из тихой гавани эвтаназии, вырезали мозг, заморозили его, сунули в космический зонд и отправили навстречу судьбе, которая хуже смерти! С какой радости ему заботиться о них?

Темные мысли замелькали в его голове, тре-

буя не быть глупцом. Трисоляриане терпеливо ждали ответа.

— Мне жаль, но я вынужден сказать нет, — проговорил он. Тяньмин и сам не совсем понимал, почему выбрал сопротивление. Знал лишь, что если даже все люди на Земле проклянут его как предателя, никакого чувства вины он ощущать не будет. Это не его бремя, не его ответственность. Скорее всего, он отказался не из чувства долга, а из какого-то анахроничного благородства.

Сохранять свободную волю, отказываться от участи раба, презирать как соблазны, так и угрозы — вот что составляет достоинство и гордость каждого человеческого существа. Это то, чего трисоляриане, исповедующие единственную философию — философию выживания, никогда не смогут да и, наверное, не захотят понять.

«Может быть, тебе нужно больше времени, чтобы подумать над нашим предложением? Мы заметили, что людям требуется поразмыслить, прежде чем принять важное решение».

— Не нужно, — отрезал Тяньмин.

* * *

…Он не представлял, сколько прошло времени. Он стоял на обрамленной деревьями аллее,

золотые листья кружились в воздухе и падали на землю. Была осень. Перед ним расстилался центральный газон университетского кампуса. На травке сидели, уткнувшись в книги, несколько студентов; в отдалении обнималась какая-то парочка; на баскетбольной площадке рядом с газоном шла игра, спортсмены криками подбадривали друг друга… Тяньмин бесцельно побрел по дорожке. Должно быть, он по-прежнему здешний студент, но был слишком потрясен, чтобы задумываться, как он сюда вернулся.

Весь мир, казалось, осветился, когда в конце аллеи появилась знакомая фигурка. По мере того как расстояние между ними сокращалось, фигурка — молодая женщина в бледно-желтой ветровке — увеличивалась в росте. Подойдя, она остановилась перед ним, на ее лице заиграла улыбка.

— Ты пришел, — сказала она.

Тяньмин услышал ласковые нотки в голосе Чэн Синь. Увидел, как она берет его за локоть и прижимается к его боку, словно они пара влюбленных. Он впал в замешательство. «Когда… как…»

Любовь и нежность переполняли его сердце, но он сразу же понял, что происходящее слиш-

ком прекрасно, слишком сладостно, чтобы быть правдой. С глубоким содроганием он осознал, что это еще один сон — начало очередной страшной пытки.

— Нет! — закричал он. Но не проснулся. Чэн Синь смотрела на него в недоумении.

Встревоженный, Тяньмин оглянулся вокруг. Что сейчас произойдет — небо расколется и обольет его потоками крови? Или земля разверзнется под ногами? Или все эти студенты превратятся в зомби и нападут на них с Чэн Синь? А может, сама Чэн Синь обратится в мумию с клочковатыми белыми волосами или чудовище с кровавыми нарывами по всему телу? Их закопают живьем? Или хладнокровно разрежут на куски? Какие ужасы, какое зло ждет их в этом райском сне?

— Что с тобой, Тяньмин? — заботливо спросила Чэн Синь. — Ты в порядке?

Он смотрел в ее ясные невинные глаза и не мог даже подумать о том, какие мучения и пытки придется ей вытерпеть. Тяньмин упал наземь, не в силах выносить эту извращенную версию «жизни».

— Прекратите! Пожалуйста. Я не хочу больше видеть сны… Я… я буду вам помогать. Вы меня слышите?!

Все вокруг исчезло. Тяньмин оказался в постели, в той комнате, где проснулся в первый раз. Все его тело было мокро от пота.

— Прошу вас только об одном, — произнес он. — Я хочу каждую ночь видеть сны о Чэн Синь — что мы с ней вместе. Счастливые сны, не кошмары.

«Не проблема», — ответили трисоляриане парящей в воздухе строчкой. Тяньмин вообразил хищные усмешки на лицах пришельцев, написавших эти слова. Наверняка они думают: «Ты всего лишь клоп. Как бы ты ни брыкался, мы все равно победим».

* * *

Прервав рассказ, Тяньмин, однако, не очнулся от воспоминаний. ☒АА обняла его сзади и прошептала:

— Ты ни в чем не виноват. Не виноват!

Но она запуталась в собственных противоречивых эмоциях, страх и горечь росли в ее сердце.

Герой, которого она возвела на пьедестал, оказался таким же уязвимым, как самый обычный человек.

На лице Тяньмина опять появилась кривая усмешка.

— Моя история совсем не так проста.

* * *

Достигнув понимания с пленником, трисоляриане предоставили ему все данные и документы, которые он затребовал. В общей сложности этой информации хватило бы на огромную библиотеку. Потратив некоторое время на просмотр файлов, Тяньмин объяснил, что задача — помочь трисолярианам обмануть людей — крайне трудна и ему надо подумать.

Инопланетяне оставили его наедине с собственными мыслями. Тяньмин расхаживал взад-вперед по своему искусственному мирку, время от времени присаживаясь, чтобы отдохнуть. В саду возвышалась семиярусная пагода. Он взобрался на самый верх и стал обозревать окрестности с высоты, погрузившись в глубокую задумчивость.

На следующий день он вернулся на вершину пагоды и пробыл там около часа. Трисоляриане его не беспокоили. Тяньмин пришел к выводу, что они, возможно, ослабили бдительность.

На третий день он опять взошел на пагоду, но, взойдя наверх, перепрыгнул через перила и полетел вниз с более чем двадцатиметровой высоты.

Он заранее продумал последовательность дей-

ствий: первоначальный отказ, затем признание поражения во сне и согласие на сотрудничество после пробуждения. Целью всей затеи была его собственная смерть. Гравитация на корабле была примерно такая же, как на Земле, и Тяньмин долго и тщательно взвешивал, где и как совершить прыжок. Он летел головой вниз; как только его череп расколется, мозг разлетится брызгами. Какими бы передовыми технологиями ни обладали трисоляриане, Тяньмин подозревал, что *это* разбитое яйцо им не собрать. Единственное, чего он боялся, — это что трисоляриане смогут навести силовое поле, которое задержит его в воздухе и не позволит разбиться.

Земля приближалась стремительно, заполняя все поле его зрения, и у него едва хватило времени на вспышку радости и облегчения перед тем, как настала тьма. Юнь Тяньмин совершил самое счастливое самоубийство за всю историю человечества.

* * *

— Так как же они оживили тебя? — Голос АА дрожал. Осознание того, что Тяньмин остался жив после попытки самоубийства, не изгнало не поддающийся описанию страх из ее души.

— Я снова проснулся и обнаружил, что лежу на постели в той же комнате, жив и невредим. Все в точности как раньше.

— Но… но как же это? Ты хочешь сказать… Ох… — АА догадалась.

— Верно. Я никогда не прыгал с пагоды. — На лице Тяньмина появилось выражение насмешки над самим собой. — Не существовало ни пагоды, ни пробуждения, ни клонированного тела. Все это было очередным сном, который они внедрили в мой мозг. Трисоляриане не встревожились, потому что в действительности никакая опасность мне не угрожала. Сознательного обмана с их стороны не было — они не информировали меня об этой подробности, потому что не посчитали ее важной. Хотя общение со мной во сне велось просто из соображений удобства, позже трисоляриане сказали, что на них произвела впечатление моя попытка применить хитрость с последующим самоубийством — сами они не в состоянии придумать такую уловку. Они подозревали, что если бы наделили меня клонированным телом, то остановить меня им бы не удалось. Это лишний раз убедило их, что они сделали верный выбор, что я способен на стратегическую ложь. Какая ирония, не правда ли?

После этого поединок воль между мной и трисолярианами разгорелся с новой силой. Я отказывался сотрудничать, и в наказание они состряпали множество чудовищных кошмаров. Каждый раз, когда силы оставляли меня, я соглашался помогать, а потом придумывал всяческие предлоги, чтобы потянуть время, или выдавал им негодные идеи. Понятно, что дурачить трисолярианам становилось все труднее, ведь они изучали мой мозг уже так долго, что мои мысли стали для них более прозрачны, чем мысли какого-нибудь другого человека.

С другой стороны, ужасы и пытки постепенно закалили мой разум и я даже научился сознательно подавлять ощущение физической боли, которую мучители проецировали в мой мозг. Наконец им надоела эта игра в кошки-мышки, и они решили воздействовать на мозг напрямую, без моего согласия.

— Как это — напрямую? — спросила АА.

Тяньмин объяснил, что человеческий мозг можно в каком-то смысле считать машиной для решения проблем. Если его простимулировать, он ответит определенным, предсказуемым образом. Чаще всего это происходит без вмешательства сознания. Многие важные когнитивные задачи

решаются на подсознательном уровне, сознание обеспечивает лишь дополнительные функции, такие как мониторинг, хранение, организация и корректировка. Тем не менее, если подопытный не желал сотрудничать, они могли произвольно вмешиваться в эти почти автоматические процессы. Чтобы заставить подсознание Юнь Тяньмина служить им, трисоляриане аккуратно изолировали его сознание от остального мозга, а потом воспользовались компьютерами, чтобы контролировать и направлять оставшиеся когнитивные функции.

Но опыт провалился. Истязатели обнаружили, что компьютер не может заменить рефлективную и корректирующую функции живого сознания, — особенно трисолярианский компьютер, плохо совместимый с человеческим разумом. Трисоляриане должны были заставить всего Тяньмина служить им, включая и его сознательную волю.

Поэтому, чтобы получить хотя бы некое подобие сотрудничества, они прибегли к другим способам. Например, накачивали мозг пленника наркотиками, вводя того в галлюцинаторное состояние, и пытались вытянуть из него методы стратегического обмана. Однако затуманенный

разум Тяньмина не желал генерировать полезные идеи.

Трисоляриане попробовали также применить способ, который Тяньмин позже окрестил «психошоковой терапией». Он состоял в том, что подопытному давали задачи и принуждали думать, как их решить. Как только Тяньмин пытался сопротивляться, его мозговой центр подавал специфический сигнал, запускающий механизм шока: мощная волна стимулов причиняла Тяньмину ошеломляющее душевное страдание и вызывала ощущение непереносимой физической боли. Такими методами трисоляриане надеялись сломить строптивца.

Вначале им сопутствовала некоторая удача. Но затем Тяньмин научился пользоваться некоторыми ментальными приемами, похожими на практики йоги и чань-буддизма. Вместо активного сопротивления он приводил свой рассудок в состояние пустоты. Он ни о чем не думал и тем самым уводил мысли в тайный сектор, где они текли, никем не прерываемые. Он также развил в себе почти сверхчеловеческую способность терпеть физические пытки, которым подвергали его трисоляриане, и выходить из них несломленным.

Обычный человек использует только крохотную часть своего мозга, а бессердечные трисоляриане непреднамеренно заставляли Тяньмина открывать все новые и новые возможности своего безграничного умственного потенциала. Несмотря на повторные массированные атаки в этой эпической психомахии[4], технологически гораздо более развитые трисоляриане так и не смогли проделать брешь в крепостной стене, которой Тяньмин окружил свой разум, и вынуждены были признать поражение.

* * *

Недоумение АА росло.

— Если трисоляриане не смогли победить твой разум, почему же ты все-таки поддался им?

Тяньмин ответил вопросом на вопрос:

— Как ты думаешь, в чем ключ к успешной лжи?

АА поколебалась.

— Думаю… в правдоподобных деталях? Или, может, в понимании психологии противника?

— Нет. В искренности. Надо быть настолько искренним, чтобы даже отъявленный лжец тебе

---

[4] Примечания: 4

От греческих слов «психе» — душа и «махи» — битва, борьба.

поверил. — Тяньмин вздохнул.

Трисоляриане отнюдь не отличались единодушием. Встреча с цивилизацией людей потрясла их общество до основания. В первые годы Эры Устрашения, когда шла борьба за душу Юнь Тяньмина, трисолярианское общество само столкнулось с беспрецедентным кризисом. Устрашение положило конец мечтам о завоевании Земли, и осознание провала привело к социальной нестабильности. Популярность земной культуры и облачный компьютинг нанесли еще один удар основам традиционного трисолярианского общества. Засверкали искры недовольства, бунтарские настроения стали распространяться как по Трисолярису, так и в межзвездном флоте. И тут неожиданно грянула Эра Хаоса, приведшая к социальному коллапсу и буре трисолярианской революции.

Поскольку трисоляриане жили в крайне враждебных для жизни условиях, стабильность была превалирующей идеей их политической философии. За всю историю планеты произошло очень немного событий, которые можно было бы расценить как настоящую революцию. Даже если когда-либо в народе и зрели зерна восстания, неспособность трисолярианок лжи делала

невозможным использование обычных революционных методов вроде тайных заговоров или подпольных организаций. Трисоляриане, исповедующие крамольные идеи, не умели их маскировать, а это значит, что их схватили бы за мыслепреступления задолго до того, как они претворили бы свои намерения в жизнь. Мысль о том, что можно организовать тайное общество с целью изменить статус-кво, стала посещать головы трисоляриан только после контакта с человечеством.

Но теперь у них имелся облачный компьютинг. Хотя рядовым гражданам применение устройств было запрещено, правительственные и армейские исследовательские институты по-прежнему располагали некоторым их количеством. Благодаря маскирующим возможностям этой техники революционеры избегали разоблачения вплоть до периода социальной нестабильности в конце Эры Порядка, а когда наступила Эра Хаоса, они подняли бунт. Тот покатился словно снежный ком и вскоре вышел из-под контроля. Революционерам сопутствовал успех, превзошедший их самые смелые мечты, потому что правящая элита была застигнута врасплох. Всего одна ночь — и старый порядок рухнул.

Восставшие на Трисолярисе свергли старого правителя и властную элиту и отказались от планов стратегической контратаки против Земли. В глазах нового правительства земная цивилизация была окутана романтическим флером, и новые лидеры стремились заключить мир с землянами в обмен на возможность поселиться на одной из планет Солнечной системы. По каналам мгновенной софонной связи они взяли на себя командование межзвездным флотом. Хотя на флоте господствовали «ястребы», поставившие себе целью завоевать Землю и уничтожить человечество, они подчинились новому правительству. Послушание было инстинктивной реакцией большинства трисоляриан, ведь они не привыкли говорить одно, а замышлять другое.

Находясь на межзвездном корабле, Тяньмин не знал всех подробностей случившегося на Трисолярисе, однако он быстро ощутил некие перемены в своих тюремщиках. Мучения, которым они его подвергали, становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Через некоторое время инопланетяне возобновили контакт с ним и сообщили, что дома, на Трисолярисе, произошли кое-какие перемены. Теперь они хотели, чтобы Тяньмин выступил в роли моста между двумя

цивилизациями и помог выстроить отношения дружбы и доверия.

— Минутку! — воскликнула АА. — Но ведь это наверняка была уловка! И ты что — поддался на нее?

Хотя сама АА одно время верила в дружелюбие трисоляриан, опыт инопланетного завоевания разбил ее иллюзии целиком и полностью. Она бы никогда не поверила ничему, сказанному трисолярианами.

— Нет, это не была уловка, — ответил Тяньмин, качая головой. — Если бы трисоляриане были способны на такой хитроумный обман, им мои услуги были бы ни к чему. Если бы я пошел на сотрудничество с ними, возможно, я и впрямь смог бы помочь двум народам найти способы мирного сосуществования. Но история полна неожиданных поворотов и иронических вывертов… Я упустил шанс.

Тяньмин не поверил в искренность своих мучителей и продолжал упорствовать. На этот раз трисоляриане, занятые проблемами, возникшими в ходе революции, оставили его в покое, дали спокойно спать и видеть сны. Они больше не мучили его искусственно созданными кошмарами и не будили. С этого момента Тяньмин жил в

мире собственных грез и не осознавал течения субъективного времени. Может, он провел так две тысячи лет, а может, и пять, и десять тысяч.

— А сколько на самом деле? — спросила АА.

— Объективных ориентиров, таких как восходы и закаты солнца, там не было, поэтому не могу сказать точно. В реальности, возможно, прошло лет двадцать, но для меня это было все равно что тысяча. В одной из своих грез я даже основал цивилизацию и наблюдал ее расцвет и падение…

— Они замкнули тебя в царстве снов на тысячелетия?! Это… это же куда страшнее, чем смертная казнь! — рассердилась АА.

— Да вовсе нет, — возразил Тяньмин. — Этот долгий-долгий сон был самым счастливым временем моей жизни. Я существовал внутри собственного разума, и никто меня не беспокоил. Такого счастья я не испытывал, даже живя на Земле.

После многих лет жесточайших умственных пыток мой разум превратился в точнейший инструмент. Я не только создал с его помощью невообразимо огромный внутренний ландшафт — я был полновластным хозяином этого нового домена. Образование в области классической литературы, которое навязали мне родители в

юности, оказалось бесценным — оно снабжало меня сырьем для строительства мира моих грез. Я вместе с героями эпоса отплывал на «Арго» за золотым руном, готовый сражаться с морскими змеями и прочими чудищами; или следовал за Гренгуаром по темным улочкам средневекового Парижа, слушая перезвон колоколов Квазимодо; или летел на облачной колеснице, запряженной крылатыми конями, над укрытыми снегом вершинами, чтобы навестить Царицу-Мать Запада в горах Куньлуня…

Я не просто был гостем в этих мирах — я их создавал. Воображал себе мельчайшие детали этих вселенных: новозаветный Иерусалим, или Ад и Рай «Божественной комедии»; или Бяньлян[5] с полотна «По реке в День поминовения усопших», или Небесный дворец и Чистые Земли Будды, как они описаны в «Путешествии на Запад»… Я также придумал немало чудес, дотоле никем не описанных: царства на лепестках цветов, вселенные в ореховых скорлупках, огромные города на морском дне, сады, парящие в космосе…

---

[5] Примечания: 5

Бяньлян — старинное название Кайфэна (Кайфына), городского округа в провинции Хэнань. Во время империи Сун (960–1127 гг.) был столицей Китая. Это он запечатлен на знаменитом живописном свитке «По реке в День поминовения усопших» (XII в.), не раз упоминающемся на страницах трилогии Лю Цысиня «Воспоминания о прошлом Земли».

Я был творцом этих грез, а потому мне не надо было вникать в технические детали или следовать научным законам. Все, что от меня требовалось, это вообразить их — и они возникали. Да будет свет, объявлял я, и вселенная сияла. Я воздвигал здания, которые, согласно законам механики, не могли существовать, однако существовали — величественные, впечатляющие, возвышенные… Я конструировал чудеса, перемешивающие времена и пространства: Венецию в пустыне, первобытный лес в сердце громадной столицы, водопады, ниспадающие на землю со звезд, тропические острова, парящие в воздухе…

Я населил свои миры колоритными персонажами и изумительными сказаниями. В них были войны между богами, таинственные сокровища, легендарные герои, юные искатели приключений, любовь, выжигающая душу и разбивающая сердца… Собственно, бóльшую часть историй, позже рассказанных трисолярианам, я сочинил именно в то время.

— Вот как? — воскликнула АА. — А я-то думала, тебе пришлось тяжко трудиться, выдумывая все эти волшебные истории, и всё только затем, чтобы замаскировать тайные послания в трех сказках для Чэн Синь!

— Не так уж тяжко, — улыбаясь, сказал Тяньмин. — Когда твое время ограниченно, тебе почему-то хочется помедлить, расслабиться, подремать. А когда у тебя времени вдосталь, тебе не хочется делать ничего другого, кроме как творить. Те сказки были лишь малой частью всего того, что я насочинял.

— Тогда почему бы тебе не рассказать мне какую-нибудь из своих романтических историй? — попросила АА. Ее так захватил рассказ Тяньмина, что она позабыла, *зачем* он все это говорит. Она с нежностью обвила руками его шею и прильнула к плечу.

— Ладно. Что же тебе рассказать… О, знаю. Вот одна из моих самых любимых историй.

В Древнем Китае, у истоков реки Янцзы, в деревне у подножия гор Тангла жил юноша-тибетец. Юноша любил представлять себе мир за горами, в котором никогда не бывал. Однажды через деревню шел купец из срединного Китая. Паренек повсюду следовал за ним и расспрашивал обо всем, что тот повидал. Купец рассказал, что ручей, бегущий мимо их деревушки, уходит на восток и, вбирая в себя множество других ручьев и речек, становится шире и глубже, течет в ущельях между гор и по равнинам, огибая холмы;

и, преодолев двенадцать тысяч ли, впадает в бескрайнее море. Это самая могучая река в стране.

Паренек не знал, что такое море, и купец поведал ему, что это водоем, такой огромный, что корабль не может доплыть до другого берега. В него впадают все реки мира, и зеркало его вод больше любой суши, а синева так же чиста, как небесная лазурь. Около моря, в нижнем течении реки Янцзы, расположена Цзяннань — страна зеленых холмов и подернутых дымкой озер, где расписные беседки и изящные домики красуются на лугах, подобные фигурам на картине или словам в поэме. Женщины, одетые в струящийся шелк, гребут в легких челноках по спокойным водам и напевают песенки на нежном, утонченном наречии У.

Юношу зачаровал рассказ купца, и он захотел уйти с ним в Цзяннань, но никто в деревне не поверил байкам проезжего торговца, и родители не отпустили сына. Купец ушел, но оставил новому знакомому бутылочку из Цзяннани. Юноша написал письмо на тибетском диалекте, в котором обрисовал свои мечты и фантазии, вложил его в бутылочку вместе с кусочком чистого нефрита с близлежащих гор, запечатал и бросил в ручей, бегущий за деревней, с надеждой, что река

принесет его послание в Цзяннань, за тысячи ли отсюда.

Через полгода одинокая девушка гуляла по берегу Янцзы за стенами Цзянькана — Города Камней и самой большой столицы в мире, увидела бутылочку, качавшуюся на волнах, и…

Тяньмин остановился, увидев на лице АА ужас, — ужас при осознании грозной тайны.

— Но… но это же «Сказки Янцзы»! — наконец воскликнула она. Сотни лет назад АА показала этот удостоенный многочисленных наград фильм своей подруге Чэн Синь. Поскольку после этого АА провела бóльшую часть времени в гибернации, фильм все еще был свеж в ее памяти.

Ты живешь на одном конце Янцзы, а я на другом.

Я думаю о тебе, любимая, каждый день,

хоть нам и не встретиться.

Мы пьем из одной реки.

АА была так счастлива поделиться с Чэн Синь этим великолепным произведением искусства, сообщив ей, что его создали трисоляриане! А по словам Тяньмина, эту историю соткал его разум во сне…

— Верно, я рассказываю тебе «Сказки Янцзы», — спокойно подтвердил Тяньмин. И тем же ровным тоном сделал следующее признание: — Этот фильм, как и огромное множество других так называемых художественных произведений трисоляриан, я сочинил во сне. Трисолярианe завоевали доверие землян с помощью моих грез.

* * *

Стратегической целью трисоляриан было уничтожить земную систему гравитационной связи, так чтобы земляне не успели осуществить всеобщую космическую передачу, положив тем самым конец Устрашению. Для этого необходимо было склонить землян к выбору на пост Держателя Меча кого-нибудь добросердечного и слабого, например Чэн Синь. А единственным способом достичь этой цели было убедить землян, что трисолярианe больше не представляют угрозы.

Уверить людей в том, что у трисоляриан вырваны клыки, можно было по-разному, но наиболее эффективный метод — это установить отношения доверия и доброй воли. Чтобы люди поверили захватчикам, в них нужно вызвать эмпатию к пришельцам, внушить им мысль: «Они такие же, как мы».

Эта цепочка рассуждений сложилась в результате многократных долгих дискуссий между трисоляриански лидерами. Но они не представляли себе, как выполнить первую задачу в этой цепочке, а именно: изменить восприятие людьми трисоляриан как непреодолимо чуждых существ. Слишком велики были различия между двумя цивилизациями. В начале Эры Устрашения трисоляриане по неопытности открыли землянам некоторые факты об организации своего социума. Например, что родители, соединив свои тела при спаривании, умирают, распадаясь на нескольких «детей»; или что стариков и инвалидов принудительно дегидрируют и сжигают, чтобы повысить эффективность функционирования общества. В результате люди начали относиться к инопланетянам с величайшим ужасом и отвращением. Знаменитое изречение, когда-то брошенное людям трисолярианами, земляне подхватили и обернули против пришельцев:

«Вы клопы!»

Этой фразой трисоляриане хотели подчеркнуть огромный разрыв между двумя цивилизациями в научных знаниях и технологических достижениях. Но люди вложили в нее моральное и

культурное осуждение. Как только на Трисоляриссе пришли к власти сторонники мира, они попытались улучшить отношения между двумя народами, но историческое бремя и культурная пропасть были таковы, что их усилия не дали практических результатов. Трисоляриане были существами рациональными, мало подверженными эмоциям и сантиментам, а вот люди… Люди не могли забыть о зверствах, совершенных чужаками во время битвы Судного дня. Такая непримиримая ненависть казалась трисолярианам абсолютно иррациональной, они не понимали, как с ней бороться.

И тогда они вспомнили про Юнь Тяньмина и попытались найти ключ к сердцу землян в его разуме. Они записали все его сновидения, которые считали настоящей сокровищницей. Сам Тяньмин стал идолом для поклонников земной культуры. После тщательной обработки его сны были претворены в литературные и визуальные композиции, встретившие широкое одобрение среди трисолярианам. После тщательной адаптации эти работы были пересланы на Землю под видом творений трисолярианского искусства.

Осталось неясным, намеревались ли инопланетяне с самого начала обмануть людей. Возможно,

отправка на Землю произведений Тяньмина была просто жестом, призванным продемонстрировать добрую волю. К тому же трисоляриансκой культуре был присущ крайний коллективизм, а потому концепция авторства у них практически отсутствовала. Слегка переделав сны Тяньмина согласно своим вкусам, они совершенно естественно стали считать их собственными произведениями. К тому времени трисоляриане уже более-менее научились базовым принципам сохранения тайны, поэтому когда земляне спросили об источнике этих творений, они не дали прямого ответа. Эта уклончивость была вершиной их способности ко лжи. Люди же и понятия не имели, что в распоряжении пришельцев есть человеческий мозг, который бессознательно создает для них произведения искусства, и, само собой, пришли к заключению, что творцами были сами трисоляриане.

То, что сны Тяньмина были насквозь проникнуты идеями гуманизма и имели глубокие корни в человеческой культуре, должно было разбудить в людях подозрения, но чрезмерная самонадеянность, присущая Эре Устрашения, и искреннее восхищение, которое испытывали трисоляриане к земной цивилизации, сделали землян слепыми.

Они верили: несмотря на то, что цивилизация Земли — это только-только проклюнувшийся в темном лесу росток, человечество уже выработало универсальные моральные ценности, применимые повсюду в мироздании независимо от места и времени. Им казалось естественным, что варвары-пришельцы так восторгаются земной культурой и подражают ей. Самым весомым доказательством универсального характера человеческих ценностей был тот факт, что трисоляриане, другая продвинутая цивилизация, должным образом стимулированная, создала произведения искусства, похожие на земные. Кроме того, в процессе адаптации трисоляриане добавили в сны Тяньмина некоторые трисолярианские элементы и подмешали несколько подлинно трисолярианских творений, сработанных в подражание земным, хотя и не такого высокого качества, как грезы Тяньмина. Полученный результат усыпил бдительность землян.

Слушая рассказ, АА припомнила еще одну «очеловеченную» трисолярианскую поделку.

— Погоди-ка… А ты случайно не приложил руку к созданию Томоко? — АА передернуло при мысли о трисолярианской «посланнице», которая являлась то в облике ниндзя, то в виде классиче-

ской японской красавицы.

Тяньмин смущенно кивнул.

— Да. Томоко тоже вышла из моих грез…

Поскольку на Земле Тяньмин вел одинокий образ жизни, сторонясь общества, в его снах, пока он спал на трисоляриансском корабле, появлялось не так уж много женских персонажей, если не считать матери, сестры и Чэн Синь. И все же одна женщина часто возникала в его воображении — иногда нежная и робкая, иногда страстная и дерзкая. Трисоляриане весьма заинтересовались этой таинственной фигурой и после долгих исследований с помощью софонов обнаружили, что ею была японская актриса из Общей Эры, которую звали Ран Асакава[6]. Студентом Тяньмин частенько наслаждался ее интернет-клипами, сидя в одиночестве в своей комнате в общежитии, а после того как начал работать, купил целую коробку ее фильмов. Ран, по всей видимости, являлась представительницей некоего проявления японской культуры, которое в ту эпоху пользовалось чрезвычайной популярностью в большой части Азии.

Поначалу трисоляриане уделяли Японии не

---

[6] Примечания: 6

Современная японская порноактриса.

слишком много внимания, но сны Тяньмина побудили их стратегов заинтересоваться этим географически изолированным государством. Они узнали, что Японские острова, лежащие на разломе тектонических плит, подвержены разрушительным природным катаклизмам, таким как землетрясения, цунами и извержения вулканов. Одно из самых сильных цунами, случившихся в конце Общей Эры, забрало жизни десятков тысяч человек. Многие японские лидеры высказывали озабоченность тем, что острова находятся в зоне нестабильности, и в течение своей истории Япония не раз совершала завоевательные походы на материк. О японцах отзывались как о людях суровых, дисциплинированных, приверженных строгому порядку… Не оставляет сомнений, что японский опыт стал для трисоляриан весьма полезен.

Наиболее поучительным эпизодом был для них один, произошедший задолго до рождения Юнь Тяньмина. Японцы осуществили кровавое вторжение на родину их пленника, в Китай, в результате которого обе нации стали непримиримыми врагами. Однако не прошло и нескольких десятков лет, как японская развлекательная продукция получила в Китае широчайшее

распространение. Миллионы китайцев стали поклонниками японской культуры и фанатами японских звезд, позабыв многолетнюю вражду. Исходя из этого, трисолярианские ученые пришли к выводу: чтобы заставить человечество забыть о нанесенных ему в сражении Судного дня жестоких ранах, надо повторить успех Японии.

Так появилась Томоко — в виде японки, смоделированной по образу Ран Асакавы.

— Вот оно что! — воскликнула АА. — После встречи с ней Чэн Синь рассказывала, что она напомнила ей иностранную актрису из ее времени, только не могла припомнить кого. Оказывается, вы оба были поклонниками этой актрисы!

— Чэн Синь была поклонницей Ран Асакавы?

— А что тебя так удивляет? — АА не могла понять, почему Тяньмин задал свой вопрос таким странным тоном.

— Гм-м… Не важно. — Тяньмин смущенно улыбнулся и покачал головой.

Презентации Томоко на Земле сопутствовал грандиозный успех. В середине Эры Устрашения люди начали все больше ценить традиционные «женские» качества, и сверхженственный образ Томоко соответствовал требованиям времени. Ее одежда, макияж и украшения стали задавать тон

моде. Внешность Томоко ускорила тенденции в обществе, ради которых она и создавалась. Многие люди пришли к выводу, что если некогда жестокие, необузданные трисоляриане избрали для себя такой мягкий женственный облик, то это несомненный сигнал к тому, что подобная же эволюция в человеческом обществе совпала бы с общей эволюцией универсальных цивилизационных ценностей. Классическая строка из «Фауста», слегка модифицированная, стала символом новой концепции космической цивилизации:

«Вечная женственность влечет и нас, и трисоляриан вперед и вверх!»

Вскоре, однако, трисоляриане перестали следовать за цивилизацией Земли.

Движение за реформы на Трисолярисе протянуло недолго. Слепое заимствование и подражание земной культуре не решали практических проблем трисоляриан. Эры Хаоса никуда не делись только потому, что общество «гуманизировалось». Положение даже ухудшилось. Благодаря расцвету индивидуализма старая авторитарная, милитаристская вертикаль власти распалась. Пока длилась Эра Порядка, различные фракции грызлись между собой, преследуя собственные

интересы, и это привело к дроблению трисолярианского общества. С приходом Эры Хаоса фракции, вместо того чтобы консолидироваться, продолжали грызню, результатом которой стала гибель миллиардов трисоляриан. Через двадцать лет после установления нового режима рядовой трисолярианин не мог сказать ничего хорошего о положении вещей, и многие характеризовали новое правительство как «власть земных клопов, осуществляемая земными клопами для земных клопов»[7].

Реформисты пытались решить свои политические проблемы путем демократических выборов — еще одного заимствования с Земли. Но результат оказался не тем, которого ожидали. Кандидаты — приверженцы старого режима получили подавляющее большинство голосов и вернулись во власть, после чего немедленно начали жестокое преследование «проземной» фракции. После нескольких десятилетий общественных волнений трисоляриане разочаровались в человеческих ценностях и в моду снова вошел строгий военный порядок. И опять в повестку дня вернулись вопросы стратегического обмана

[7] Примечания: 7

Аллюзия на Геттисбергскую речь А. Линкольна, в которой он, конечно, говорит о «власти народа, осуществляемой волей народа для народа».

и завоевания Земли.

Новые ястребы обнаружили, к своему удовольствию, что великая стратегия лжи, по сути, уже увенчалась успехом. Люди в основной своей массе придерживались теперь мнения, что трисоляриане — дружественная и добрая раса. Ключевыми факторами успеха оказались художественные творения Юнь Тяньмина и некогда искреннее увлечение трисоляриан земной культурой.

Теперь обман людей стал делом нетрудным. Люди сами вырвали у себя клыки. Ученые пришли к выводу, что процесс саморазоружения в человеческом обществе продлится еще около ста лет. Они давали больше 90 % гарантии, что почившее на лаврах человечество изберет следующим Держателем Меча кого-нибудь мягкосердечного и доброго; а у трисоляриан оставалось еще много других произведений Юнь Тяньмина, могущих послужить опиумом для человеческого рода. Трисоляриане пока еще были относительно неумелы в искусстве интриг и уловок, но они знали уже достаточно, чтобы позволить Томоко и дальше составлять цветочные аранжировки и проводить чайные церемонии — всё ради удовольствия землян.

Именно в этот период трисолярианские ученые

провели первые успешные испытания светолетов с двигателями, искривляющими пространство. Люди более поздних эпох иногда недоумевали, зачем пришельцам Земля, с их-то передовыми технологиями? Ответ крылся в упорстве трисоляриан. Раз их Первый флот уже находится на пути к Земле, то, пожалуй, можно и довести миссию до конца. Светолеты служили дополнительной гарантией успеха. Если бы план захвата Земли провалился и человечество осуществило всеобщую космическую передачу, у трисоляриан было бы в запасе еще лет сто пятьдесят, чтобы построить большие светолеты с целью эвакуировать большинство населения Трисолярис прежде, чем их постигнет удар темного леса. Принимая во внимание, сколько времени потребовалось, чтобы «заклятье» Ло Цзи подействовало, это была адекватная оценка.

Никто не мог предугадать, что удар темного леса, обусловленный всеобщей космической передачей, последует так быстро. Прошло всего три года — и Трисолярис не стало.

* * *

Трисоляриане продолжали развивать планы по завоеванию Земли и наконец решили разбудить

Тяньмина. Им больше не нужно было изучать его. Удовлетворенные, они сообщили, что хотят, чтобы он увидел пользу от активного сотрудничества с ними, но если он откажется, они не станут его принуждать. Его «вклад» в дело успешного обведения землян вокруг пальца так велик, что славная и щедрая раса трисоляриан будет счастлива позволить ему прожить остаток дней своих в мире и покое. Юнь Тяньмину предоставлялся выбор: либо продолжать существование в качестве грезящего мозга, либо стать полноправным членом трисолярианского общества.

Если бы Тяньмин выбрал последнее, это дало бы трисолярианам некоторые преимущества. Например, он мог бы предложить им более надежные способы маскировки их истинных намерений. Ученые Трисоляриса вычислили, что если напасть на Землю в момент передачи Меча следующему Держателю, то вероятность успеха составляет 87,53 %. Помощь Юнь Тяньмина повышала эту вероятность до 93,27 %. Если Тяньмин пойдет на предательство собственной расы, трисолярианe обещали после вторжения оставить в живых десять миллионов человек, которым будет предоставлена резервация в Австралии. Этого поголовья более чем достаточно, чтобы

сохранить семена человеческой цивилизации.

А если бы Тяньмин отказался… Что ж, трисолярианам вполне хватит и их законных 87,53 % успеха. И тогда после завоевания Земли они введут в действие программу полного уничтожения человечества и других земных форм жизни. Разве что оставят для научных исследований пару-тройку видов да генетический банк данных. Пришельцы поклялись, что не только вырежут все население Солнечной системы, но и ударят «каплями» по «Синему космосу», чтобы земные клопы гарантированно не выжили нигде во Вселенной.

— Но это же немыслимый выбор! — не выдержав, перебила АА. Она понимала: что бы ни решил Тяньмин, его все равно можно обвинить в преступлении против человечества. Единственное слабенькое преимущество, которое получили бы люди в случае отказа Тяньмина, — это снижение шансов Трисоляриса на успех с 93,27 % до 87,53 %, да и то еще вопрос, сумели ли бы они им воспользоваться. Уж очень призрачна была надежда.

— А что бы *ты* сделала на моем месте? — спросил Тяньмин.

— Я… я не знаю. — АА помотала головой. — Не

могу выбрать.

— А если бы тебя принудили к ответу?

После долгого молчания АА ответила:

— Я… я бы согласилась.

Тяньмин так и поступил. Сотрудничество означало выживание хотя бы для маленькой части человечества, к тому же это была единственная возможность предупредить людей о нападении. Проверив через софоны, что заявления трисолярианнасчет условий на Земле и готовности флота к ведению военных действий соответствуют действительности, Тяньмин продолжил торговаться и вытянул из своих тюремщиков обещание увеличить количество землян, которым оставят жизнь, до пятидесяти миллионов и только после этого присягнул на верность Трисолярису.

У трисоляриан не существовало обычая приносить клятвы верности или чего-то подобного. Их мысли были видны всем, поэтому у них никогда не возникало проблем с установлением чьей-либо лояльности. Однако, поскольку хозяева Тяньмина не могли читать его мысли, они захотели устроить торжественную церемонию в ознаменование такого необычного события. Они изучили стародавние записи общества «Земля — Трисолярис» и создали ритуал, который можно

было бы транслировать на весь Трисолярис и флот.

Глядя прямо в объектив камеры, угрюмый Тяньмин воздел кулак и провозгласил:

— Долой тиранию человечества! Мир принадлежит Трисолярису!

Интересно бы узнать, что об этой церемонии сказали бы Е Вэньцзе, Майк Эванс и прочие пионеры ОЗТ.

Вдобавок к клятве трисоляриане тщательно исследовали мозговую активность Тяньмина, чтобы убедиться, что он их не обманывает. Но после десятилетий противостояния их пыткам Тяньмин научился скрывать свои глубинные мысли от трисолярианских зондов. Он попросту прибег к естественному человеческому умению — самообману. Для этого требовалось лишь припомнить все те случаи, когда соплеменники на Земле издевались над ним или использовали его, а также вообразить себе ту чудесную жизнь, когда он станет королем выживших после вторжения. Трисолярианские ученые, наблюдая за его мозгом, увидели в нем страх, гнев и наконец решение уступить, основанное на анализе затрат и выгод. Тяньмин любезно уложил эти поверхностные мысли слоями: вот отчаяние и

негодование на человечество, вот стыд за собственное предательство, а здесь самооправдания и жадное предвкушение благ, которыми он насладится позже. Все это соответствовало знаниям трисоляриан о человеческой психологии, что убедило их в искренности Тяньмина.

Но и после того как он принес присягу, трисоляриане упорно не желали показываться ему на глаза. Тяньмин никогда не видел своих хозяев. Они объясняли это тем, что, поскольку оба их вида живут в столь разных условиях, физическое присутствие требует существенной подготовки. К тому же стороны вполне эффективно могут общаться посредством виртуальных окон, открывающихся прямо в воздухе, так что встречи лицом к лицу им не нужны. Тяньмин недоумевал, почему трисоляриане не только не показываются сами, но не показывают и своих изображений. В конце концов он отложил эту загадку на потом, решив, что есть дела и поважнее.

Главной работой Тяньмина по-прежнему было создание произведений искусства для землян, а также редактура и шлифовка дипломатических сообщений и ведение неофициального обмена между обоими мирами. Существование Тяньмина должно было оставаться для людей тайной,

и все, что он делал, проходило специальную цензорскую проверку, на случай если бы он попытался передать на Землю разведывательную информацию. А в намерения Тяньмина как раз и входило предупредить людей об инопланетном вторжении.

Вскоре он обнаружил, что трисоляриане-цензоры не только сами не умеют обманывать, но и не в состоянии распознать обман. Они не умели читать между строк, поэтому для Тяньмина не составляло труда вкладывать тайный смысл в предназначенные для людей послания. В течение следующих десяти лет он многократно предупреждал человечество, зачастую даже через Томоко.

— Что?! — воскликнула потрясенная АА. — Но я не помню, чтобы мы получали какие-либо предупреждения!

— Я послал массу завуалированных сообщений! Например, помнишь научно-фантастический роман «Туманность Трои»? Это пересказ классического повествования о Троянской войне в виде космической оперы. Я намеренно подчеркнул эпизод, где космические греки только притворяются, будто отказались от вторжения, а потом подносят космическим троянцам дары, тем самым маскируя свои намерения. Книга хорошо

продавалась на Земле, но никто, кажется, не понял ее истинного смысла.

— А, так вот о чем была эта книга! — удивилась АА. — Я догадывалась, что в ней скрыт какой-то политический подтекст, но думала, что речь о том, как Ло Цзи и Чжан Бэйхай только прикидываются, будто складывают руки или убегают от трисолярианского флота, а на самом деле пускают в ход хитрость, чтобы в конце концов одержать над врагом верх. Мне и в голову не приходило, что имелось в виду нечто противоположное.

— Девять человек из десяти думали так же, как ты. — Тяньмин вздохнул. — Самонадеянное человечество всегда воображало себя победителем, даже когда читало художественные книжки. Через некоторое время я сообразил, что мои намеки чересчур тонки, толку от них ноль. А годы шли, времени оставалось все меньше и меньше. Наконец я пошел на большой риск и создал киносценарий, в котором правда излагалась со всей прямотой. Он назывался «Предательство небес» и был написан в жанре альтернативной истории.

В вымышленной вселенной сразу после введения системы устрашения трисоляриане с помощью различных уловок убивают Ло Цзи и

нападают на Землю. Сцены вторжения трисолярианского флота поражали своей жестокостью. Тяньмин опасался, что был слишком прям, и приготовился умереть, после того как совет цензоров проверит его работу. Но трисоляриане не только одобрили сценарий, но даже сняли по нему голофильм и транслировали на Землю. Там он вызвал множество жарких дебатов, но совсем не таких, каких ожидал Тяньмин. Критики назвали его «квинтэссенцией размышлений трисоляриан об ужасах прошлых войн и подтверждением их глубокой приверженности гуманистическим ценностям». Картину наградили «Оскаром» за лучший фильм, и Томоко, одетая в элегантное кимоно, получила приз от имени трисоляриан.

Но не стоило возлагать всю вину на человеческие высокомерие и глупость. Фильм представлял собой парадокс. Поскольку его предъявили Земле как произведение трисолярианских художников, то чем более злобными и кровожадными изображались инопланетяне, тем сильнее люди верили, что трисоляриане глубоко погрузились в процесс честного самопознания. Более того — поскольку все знали о полной неспособности инопланетян ко *лжи*, сама мысль о каком-то хитроумном заговоре казалась абсурдной. Хотя некоторые

особо подозрительные личности, ратовавшие за жесткую линию в отношении Трисоляриса, кричали, что картина — это отображение истинных намерений пришельцев, большинство людей не обращали внимания на этих кассандр.

Но Тяньмин держал в рукаве еще несколько козырей.

Вдобавок к сочинению романов и сценариев Тяньмин был обязан помогать трисолярианским ученым фабриковать лживые фундаментальные теории, предназначенные для передачи земным ученым. Эти теории, будучи фальшивыми, должны были казаться верными, а такой хитроумный обман был не по зубам подавляющему большинству трисоляриан. Поэтому они предоставили это занятие Тяньмину. Но тот обладал лишь степенью бакалавра, полученной в колледже двадцатого века, и ему трудно давались многие прорывные научные концепции.

Тяньмин почерпнул вдохновение в фэнтези-романах жанра уся[8], которые читал в юности и в которых злодеи иногда похищали героев и силой принуждали их обучать своих захватчиков

[8] Примечания: 8

Уся́ (*кит.* ⊠) — приключенческий жанр китайского фэнтези (литература, телевидение, кинематограф), в котором делается упор на демонстрацию восточных единоборств.

сверхсекретным, усовершенствованным приемам боя. Герои притворялись, будто прививают захватчикам требуемые навыки, но при этом с целью саботажа видоизменяли ключевые методы дыхания или меридианы течения энергии *ци*. Тяньмин брал подлинные научные теории трисоляриан и подправлял в них некоторые числа: то изменял на порядок кварковую константу, то удалял знак радикала из формулы, описывающей кривизну пространства, и тому подобное. Учитывая скорость, с которой прогрессировала наука человечества, земным ученым понадобятся десятилетия, прежде чем они смогут обнаружить мистификацию с помощью экспериментов. Узнав о его методе, трисоляриане объявили Тяньмина гением. Идея Тяньмина была совсем не сложной, но у ученых вызывала отвращение одна лишь мысль о том, чтобы обманывать кого-то с помощью ложных данных. В тех случаях, когда им приходилось заниматься фальсификацией самим, у них появлялась нестерпимая потребность к извержению фекальных масс.

— Теперь понятно! — прокомментировала АА. — Работая над диссертацией, я все время спотыкалась об одну константу, предоставленную трисолярианами, — какая-то она была непра-

вильная. Я ломала-ломала голову и так ничего и не придумала. Едва не завалила защиту. А все ты виноват!

Тяньмин беспомощно улыбнулся:

— Собственно, таков и был мой план — намекнуть, что что-то неправильно. В то время как на экспериментальное опровержение многих моих «ошибок» понадобились бы долгие годы, некоторые я сделал так, что хватило бы только теоретических расчетов — и они вылезли бы сами. Я надеялся, что они станут подсказкой для земных ученых и предупредят о предательстве трисоляриан.

— Ох, какой же ты дурачок! — В АА заговорил «остепененный» ученый, решивший преподать урок нерадивому студенту. — А все потому, что ты всего лишь бакалавр и не понимаешь, как работает научное сообщество. Твой способ вбрасывания намеков бесполезен. Даже если бы кому-то и удалось экспериментально обнаружить подлог, то первой же реакцией со стороны ученых мужей было бы подвергнуть сомнению методы эксперимента. «Да как это так, да разве возможно экспериментально доказать ложность теорий, исходящих от трисоляриан? Ведь их наука опередила нашу минимум на несколько

столетий!» и так далее.

Другие лаборатории даже не потрудились бы повторить опыт, чтобы проверить результат, а если бы и удалось как-то побудить их к этому, авторитетные теоретики напридумали бы кучу дополнительных гипотез, чтобы объяснить несоответствие. Ведь они всю свою академическую репутацию и карьеру построили на трисолярианских теориях и рванулись бы защищать свои гонорары зубами и когтями. Даже если бы у них закончились объяснения, они потребовали бы, чтобы наглец, усомнившийся в трисолярианах, разработал теорию получше, которая и объяснила бы результаты. И помоги тебе Господь, если в этой новой теории обнаружится хотя бы одна неточность, — они накинутся на тебя, как рой ос, и будут бить по этой единственной слабости, а все остальное им до лампочки. Причем в этом случае тебе еще, считай, повезло, потому что, скорее всего, на тебя, выскочку этакого, и внимания не обратят. Чтобы признанное научное сообщество отказалось от своих убеждений, всем этим заслуженным профессорам надо сначала помереть от старости.

Как бы там ни было, все старания Тяньмина предупредить человечество ни к чему не при-

вели. Даже наоборот — его сотрудничество способствовало большему успеху трисолярианской лжи. Однако было в этом всем и кое-что позитивное: трисоляриане уверились, что Тяньмин свято блюдет интересы их мира. Его социальный статус невероятно возрос, и незадолго до начала решающей операции по завоеванию Солнечной системы ему предоставили право в любое время следить через софоны за событиями на Земле, хотя вступать в контакт с людьми по-прежнему не разрешали.

— Вот тогда-то я и увидел, как Чэн Синь выходит из гибернации. После этого я всегда, постоянно был с вами…

— Ты хочешь сказать «с ней», — поправила АА. — Я была третьим лишним, сама того не зная.

Причина вспышки ревности коренилась в тайне, которую знала только АА и которая имела отношение к Чэн Синь и Юнь Тяньмину. Эта тайна брала свое начало за двести лет до рождения АА — в Общую Эру, когда инопланетяне существовали только в научной фантастике.

Она касалась кое-кого, кто был АА и одновременно не был АА.

— Я и в самом деле говорю о вас обеих, — воз-

разил Тяньмин. — АА, все те годы, что ты была рядом с Чэн Синь, я считал тебя своим лучшим другом. По правде говоря, ты показалась мне знакомой, как только я тебя впервые увидел…

— Хочешь сказать, я напомнила тебе о Ран Аса-как-ее-там? — перебила АА.

— Конечно нет! Не знаю, как объяснить… Может, просто у тебя такая естественная харизма, что люди ощущают сродство с тобой. Ты была такая живая, постоянно носилась туда-сюда, так что даже софоны не всегда успевали…

— Погоди-ка. Ты все время наблюдал за нами через софоны?

— Да. С их помощью я был рядом с вами все эти годы. Я переживал все ваши испытания и злоключения, как будто они происходили со мной. Я все знаю. Я всегда был с вами.

Чэн Синь была глубоко растрогана, когда Тяньмин сказал ей то же самое, но реакция АА оказалась совершенно иной. Она смотрела на него, сузив глаза.

— Значит, ты подсматривал за нами, когда мы мылись в душе? И когда переодевались?

У Тяньмина отвисла челюсть. Такого поворота он не ожидал.

— Эй, отвечай, когда спрашивают!

— Нет! Клянусь, нет! — запротестовал Тяньмин, надеясь, что собеседница шутит. А та продолжала смотреть на него с подозрением. И Тяньмин покраснел. — Ну ладно. Сознаюсь. Я… я следил за Чэн Синь несколько раз, когда она… Но я это делал, чтобы защитить ее! А за тобой так и вовсе никогда не подсматривал!

— Ах вот как! Я для тебя, значит, рылом не вышла?! — АА почему-то рассердилась еще больше.

— Э-э… ну вообще-то, если по правде… — Тяньмин не знал, как ему выбраться с этого минного поля. — В Австралии, один раз, когда вы были в ванной вдвоем… ну ты же помнишь, сколько народу тогда было не прочь разделаться с Чэн Синь…

— Так ты все-таки подсматривал! Вот негодяй! — АА вскинула кулачок с явным намерением врезать наглецу.

Тяньмин решил, что из этой ловушки не вырваться иначе, кроме как закрыть АА рот поцелуем. Наконец-то АА получила ответ, который ее удовлетворил.

* * *

Некоторое время спустя Тяньмин осторожно спросил:

— Ну что, больше не сердишься?

АА хихикнула:

— Ах ты недотепа! С чего ты взял, что я сержусь? Подумаешь, подглядывал! Только мужики из Общей Эры и воображают, что это что-то такое из ряда вон.

Тяньмин обнял ее и ласково поцеловал в лоб. Его сердце переполняла нежность. Он понимал, что АА старается поддерживать непринужденный тон, но в действительности они сейчас вспоминали об одном из самых страшных периодов в жизни человечества. АА шутила, чтобы уменьшить давящий на психику груз истории, но для Тяньмина это было бремя, от которого так просто не избавиться.

— Ты сказал, что следил за нами, — проговорила АА. — Но вскоре после того, как Чэн Синь вышла из гибернации, этот безумец Уэйд едва не убил ее. Ты… ты и это видел?

Улыбка исчезла с лица Тяньмина, сменившись грустью и сожалением. АА тут же раскаялась.

— Прости, пожалуйста, Тяньмин! Я знаю, ты не виноват. Ты же был за несколько световых лет оттуда и только и мог, что беспомощно наблюдать. Должно быть, для тебя это было просто ужасно. Не вини себя. Ведь для Чэн Синь все закончилось

хорошо.

Тяньмин испустил смешок, более похожий на всхлип. Под призрачным небом черного домена этот звук показался еще более щемящим.

— Беспомощно? Ах, если бы я и в самом деле был беспомощен! Если бы я действительно не смог ничего сделать, это было бы величайшим счастьем для человечества. Но я забрал у землян последнюю возможность избежать тотального уничтожения! И ты просишь, чтобы я не винил себя?

— О чем ты?

Ответ Тяньмина потряс АА до глубины души.

— В тот день я спас Чэн Синь.

Вот так, по прошествии четырех веков, на свет выплыла истинная подоплека постигшей Уэйда неудачи.

— Я стал следить за Чэн Синь с самого момента ее выхода из гибернации. Я так тосковал по ней, что не мог наглядеться — каждый ее жест, выражение лица очаровывали меня. Прошло несколько сот лет, и я даже не надеялся когда-либо увидеть ее так близко. Хотя нас разделяли световые годы, мне казалось, будто я рядом с ней. Несколько дней подряд я ничем другим не занимался, только смотрел на нее… пока она не

получила тот звонок от Уэйда, когда он подделал твой голос.

— Видеозвонок… — протянула АА.

— Поскольку звонивший пригласил ее встретиться в каком-то глухом месте, я заподозрил неладное и задействовал софоны, чтобы проследить звонок. Я очень быстро выяснил, что звонила вовсе не ты, а Томас Уйэд, воспользовавшийся специальной программой. Я, конечно, ничего о нем не знал, но софоны раскопали, кто он такой и чем занимается. Я сразу понял его мотивы: он хотел стать Держателем Меча.

Открытие ошеломило меня. Чэн Синь поглощала все мои мысли, и я не заметил идущих в обществе дискуссий о том, что она — самый подходящий кандидат на пост Держателя Меча. Какое невероятное стечение обстоятельств! А все из-за того, что я подарил ей звезду, нашу звезду. Чэн Синь могла бы прожить остаток своих дней в мире и покое, если бы не мой подарок. В глазах благоговеющей публики она была святой, хозяйкой целого мира. Ее даже начали считать воплощением Богородицы!

Мне было хорошо известно, что Чэн Синь — как раз такой Держатель Меча, о каком мечтали трисоляриане. После ее победы на выборах

Трисолярис атаковал бы без промедления. Инопланетяне считали ее неспособной нажать на кнопку и осуществить всеобщую космическую передачу. А поскольку трисоляриане были в этом совершенно уверены, уже не играло роли, как поступит Чэн Синь в решающий момент. Что бы она ни сделала, это ничего бы не изменило. Человечество было обречено.

Своей звездой я толкнул любимую женщину, а вместе с ней и все человечество на тропу, ведущую к краю пропасти.

Я проследил за Уэйдом и увидел, как тот, прежде чем отправиться на встречу, прячет во внутренний карман куртки старинный пистолет. Я не все знал об этом человеке и поэтому питал надежду, что он собирается лишь попугать Чэн Синь. Конечно, он не станет стрелять, если она согласится снять свою кандидатуру. Фактически я даже уповал на то, что он ее убедит, — так было бы лучше и для нее, и для человечества.

Но потом я увидел, что Уэйд, еще толком не произнеся ни слова, уже нацелил на нее пистолет, и понял свою ошибку. Томас Уэйд был не из тех, кто разбрасывается пустыми угрозами. Закон и мораль ничего не значат для людей вроде него, готовых платить любую цену за достижение

своей цели. Даже если бы Чэн Синь согласилась, она могла бы рассказать другим о его поступке. А вот трупы не разговаривают.

Цель Уэйда — став Держателем Меча, покончить с угрозой Трисоляриса — совпадала с моей. Какая ирония, не правда ли? — горько усмехнулся Тяньмин.

— Но как ты мог помешать ему? — спросила АА. — Ведь от софонов в этом случае ни малейшего толку!

— Это не совсем верно. Хотя софоны и очень малы — меньше атома, — они были способны оказать на мир весьма существенное видимое воздействие. Например, бомбардируя сетчатку глаза на большой скорости, софоны могли создавать на ней зримые образы. Этот метод использовался в последние годы Общей Эры. У меня не было полномочий, чтобы заставить софоны проделать такой фокус, иначе я бы сообщил в полицию, даже если бы это раскрыло тайну моего существования. Однако я мог доложить о происходящем трисолярианам. Они получили бы мой рапорт без задержек благодаря чипу, который был вживлен в мой мозг. Трисоляриане сразу бы поняли серьезность ситуации и направили бы софоны на защиту Чэн Синь.

— Но даже если бы ты и не сказал им — разве трисоляриане не держали всех кандидатов под наблюдением? — спросила АА.

— Им стоило бы это делать. Но вспомни — трисолярианам по-прежнему не хватало глубины понимания человеческого общества. Даже если бы они постоянно наблюдали за Чэн Синь, у них ушла бы масса времени на то, чтобы раскусить простейший трюк вроде поддельного видеозвонка, к тому же это потребовало бы применения облачного компьютинга. Они не смогли бы отреагировать достаточно быстро. И потом, им надо было проявлять осторожность. Если бы обнаружилось, что они вмешиваются в выборный процесс через софоны, люди могли бы усомниться в их миролюбии. Словом, насколько мне тогда было известно, в месте встречи Чэн Синь и Уэйда находились только те софоны, которые контролировал я.

Не знаю, стали бы трисоляриане действовать, если бы я не предупредил их. Факт остается фактом: в конечном итоге я вмешался в ход встречи.

Как много мыслей пронеслось в моей голове в этот момент! И дело не только в любви к Чэн Синь — у меня было множество других причин спасти ей жизнь. Сердце у Чэн Синь было доброе, зато

воля железная. Кто мог бы с уверенностью сказать, что из нее не получится хороший Держатель Меча? Может быть, она сумела бы устрашить трисоляриан еще сильнее, чем Уэйд. И даже если допустить, что из нее вышел бы плохой Держатель, то ведь человечество было твердо настроено выбрать ее, а значит, выйди она из игры, народ наверняка избрал бы кого-нибудь похожего. У Уэйда и его приверженцев все равно не было ни шанса. По большому счету, смерть Чэн Синь не имела никакого значения для судьбы Земли.

— Согласна, Тяньмин. Ты сделал правильный выбор. Ты имел дело с историей, с коллективным решением всего человечества, которое и поставило его на путь гибели. Гибель Чэн Синь ничего бы не изменила, — утешила его АА.

— Не уверен, был ли я прав, но знаю одно — я не рассуждал рационально. Просто пытался найти оправдания, как бы сохранить ей жизнь. Это был… самообман. Поняв это, я пришел к решению — или, вернее сказать, думал, что пришел к решению, — пожертвовать любимой во имя спасения всего человечества. Я уже был преступником, и мне хотелось исполнить свой последний долг перед людьми.

Поэтому я отстраненно наблюдал, как Уэйд вы-

стрелил в Чэн Синь. Но он целил не в голову. Он раздробил ей левое плечо. Я понял — он поступил так вовсе не потому, что решил пощадить свою жертву. Этот садист наслаждался страданиями других.

Но Уэйд не подозревал, что совершил роковую ошибку.

Я думал, что, пройдя через бесконечные пытки и страдания, смогу вынести любую потерю. Думал, что смогу смотреть, как умирает любимая, и твердо придерживаться принятого решения. Но когда я увидел кровь, хлещущую из разбитого плеча Чэн Синь, всепобеждающая любовь взяла надо мной верх. Рассудок и чувство долга замолчали. Я знал лишь, что не позволю Чэн Синь умереть, чем бы это ни обернулось. Даже если из-за моего поступка погибнет все человечество. Мне было все равно. Ради сохранения ее жизни я был готов на самый страшный грех в истории нашего мира.

Ни секунды не колеблясь, я послал трисолярианам через чип в мозгу видео, отснятое софонами, и предупреждение: «Вы должны остановить Уэйда и спасти Чэн Синь. Без нее ваш заговор провалится».

И тут Уэйд выстрелил опять.

На этот раз он целил ей в голову, но по какой-то причине рука его в последний момент дрогнула, и пуля попала Чэн Синь в живот. «Мой» софон сообщил мне, что в момент второго выстрела на сцену со скоростью света прибыл еще один софон и развил бурную деятельность перед глазами Уэйда. Очевидно, софон создал помехи на сетчатке, отчего у злодея сбился прицел. За недостатком времени софон не успел сделать так, чтобы Уэйд промахнулся полностью.

Головоломка, которая так долго мучила АА, наконец разрешилась. К тому моменту, когда Уэйд попытался убить Чэн Синь, он прожил уже достаточно долго в Эре Устрашения, чтобы знать: единственный беспроигрышный способ лишить кого-либо жизни — это выстрелить ему в голову. Если первый выстрел можно было расценить как демонстрацию его жестокосердия и, вероятно, намерения лишить Чэн Синь способности к сопротивлению, то второй выстрел уж точно должен был угодить в цель. Для человека с таким развитым интеллектом и высокими профессиональными качествами ошибка была непростительной. Позже, обсуждая случившееся, подруги не могли найти другого объяснения, кроме того, что Уэйд, мужчина Общей Эры, был

очарован красотой Чэн Синь и не хотел испортить ее, стреляя в лицо. Им и в голову не приходило, что на самом деле это Тяньмин, находящийся в нескольких световых годах от места происшествия, направил софоны на помощь любимой.

— Вмешательство софонов было почти неуловимо, и, как следовало из протоколов допросов, Уэйд заметил, что его зрение на долю секунды словно бы расфокусировалось, — он отнес это на счет своего возраста и нервов. Впрочем, он вообще не слишком задумывался о втором выстреле. Его больше выводило из себя то, что при третьем патрон разорвался в стволе. Уэйд был уверен, что если бы третий выстрел достиг цели, Чэн Синь была бы мертва. В конечном итоге он назвал происшедшее серией неудачных случайностей.

Разрыв патрона в стволе и впрямь был случайностью, которая как нельзя кстати замаскировала вмешательство софона. Но на самом деле, если бы Уэйду и удалось выстрелить в третий раз, пуля просвистела бы мимо уха Чэн Синь, ибо к этому моменту софону удалось создать в его глазах идеальную иллюзию.

В провале Уэйда присутствовала некая совершенная симметрия. Это он был ответствен за отправку мозга Тяньмина в космическую без-

дну, и вот теперь этот самый мозг, прошедший сквозь непредсказуемые водовороты истории, разрушил его планы и поставил род людской на грань небытия.

— Вот так я спас Чэн Синь, но уничтожил последнюю надежду человечества. Все, что случилось после… ну, это тебе известно.

Тяньмин спрятал лицо в ладонях и разрыдался.

— Ох, мне так тебя жаль, мой милый… В этом нет твоей вины. Ты сделал все, что мог, — слова утешения шли из глубины сердца АА. Выслушав невероятную историю Тяньмина, она и в самом деле ни в чем его не винила, а наоборот, полюбила еще крепче.

«Когда же мне стал дорог этот человек — сильный и одновременно такой ранимый?»

АА не знала ответа на собственный вопрос, знала лишь, что судьба, с которой она так долго боролась, наконец настигла ее. Она отбросит сомнения и будет любить Тяньмина всем сердцем. Ей предстоит разбудить его любовь своей любовью, подкрепить его силу своей силой.

«Может быть, поверить ему мою тайну?» АА начала было говорить, остановилась, начала опять. За долгие годы она переменила столько

любовников, что потеряла им счет, а сейчас вот нервничала как никогда. Она знала: разоблачение ее невероятной тайны изменит взгляды Тяньмина как на сложную историю перепутанных отношений между ними тремя, так и на переломную точку в судьбе человечества. АА было необходимо, чтобы Тяньмин понял и простил ее, иначе им никогда не стать близкими по-настоящему, как бы долго они ни прожили бок о бок.

АА вспомнила, как сама сказала Чэн Синь еще в начале их дружбы в Эру Устрашения: «Все еще думаешь о нем, да? Сейчас новая эпоха, новая жизнь. Забудь о прошлом!»

АА была не права, ужасно не права. Судьба любит играть в игры, и прошлое, как сказал Фолкнер, никогда не умирает. Оно даже и не прошлое. Оно всегда возвращается и вновь бросает тебе вызов. Это верно по отношению к Чэн Синь, к Юнь Тяньмину, и это верно и по отношению к АА.

Но, может быть, еще не время?..

* * *

Тяньмин все еще переживал боль прошлого.

Он рассказал АА о десяти судьбоносных минутах, последовавших за церемонией передачи Меча, — минутах, когда «капли» атаковали Зем-

лю. Хотя судьба человеческой цивилизации была предрешена, он продолжал надеяться, что Чэн Синь нажмет кнопку, и трисолярианские клопы, увидев бесполезность своих усилий, испытают такое же отчаяние, в какое впали земляне. По крайней мере он, Тяньмин, насладится тогда местью за все, что пережил за последние десятилетия. Он мечтал стать свидетелем страданий и раскаяния захватчиков, осознавших неизбежность своего конца.

Он наблюдал за Чэн Синь, зная, что то же самое делают сейчас все трисоляриане — и на планете, и во флоте. Прошла минута. Другая. Чэн Синь, держащую палец на кнопке, била дрожь. Вместе с ней трепетали и сердце Тяньмина, и весь Трисолярис, но надеялись они на диаметрально противоположные исходы.

«Нажимай! Проклятье! Почему ты не нажимаешь? Нажми на кнопку, и пусть справедливость восторжествует! Нажми на кнопку и накажи злодеев! Пусть они сдохнут вместе с нами!» Безмолвный крик Тяньмина эхом отдавался в его сознании.

Но Чэн Синь так и не нажала на кнопку. Вместо этого она отбросила пульт прочь. Перестала дрожать. На нее снизошло противоестественное

спокойствие. Она приняла решение.

Вокруг Тяньмина замелькали в воздухе текстовые сообщения от его трисолярианских коллег. «Ты видел? Тяньмин, мы выиграли! Она не смогла! Земля теперь наша!»

Такое ликование для существ, избегавших всяческих эмоций, было явлением беспрецедентным.

Впервые в жизни Тяньмин испытал ненависть к Чэн Синь. «Почему ты так слаба? Почему не доставила нам хотя бы удовольствия уничтожить врага вместе с собой? Почему защищаешь этих вероломных клопов? Отправь их в могилу вместе с нами! Да ты кто вообще — человек или инопланетянка?!»

Отчего-то он снова вспомнил ту вылазку на природу к Миюньскому водохранилищу. Чэн Синь тогда подобрала гусеницу, ползущую по тропинке, и бережно опустила в траву, чтобы никто на нее не наступил. Другие девушки из группы взвизгнули от отвращения, но Тяньмина этот поступок глубоко тронул. Он запомнил, как выглядела гусеница, и позже посмотрел в толстом справочнике в библиотеке. Гусеница была личинкой обыкновенного серого мотылька, не обладающего красочными крыльями бабочек.

Мотылек принадлежал к древнему роду отряда чешуекрылых, чья родословная начиналась в юрском периоде или даже еще раньше. Когда первые предки гусеницы, которую спасла Чэн Синь, ползали по земле Пангеи и расправляли новенькие крылья в джунглях, населенных динозаврами, на Трисолярисе еще не существовало цивилизации, а до прихода людей оставались многие миллионы лет. Этот мотылек, без сомнения, имел более древние права на жизнь. Но в течение последних десятилетий Общей Эры человеческая деятельность разрушила среду его обитания, и вид оказался на грани исчезновения. До этого студенческого пикника никто не встречал ни одного представителя этого вида в течение многих лет.

Чэн Синь спасла драгоценную жизнь.

Позже, стоило только Тяньмину вспомнить, что Чэн Синь, возможно, спасла целый вид живых существ, его сердце наполнялось умилением, словно он был к этому причастен. Он представлял себе, как гусеница превращается в мотылька, находит пару где-то в горах около Пекина, множится в поколениях, и так продолжается древний род… а Чэн Синь — их покровительница, их богиня.

Кто бы мог подумать, что это малозначитель-

ное событие станет провозвестником судьбы двух миров?

Сколько бы Тяньмин ни размышлял о Чэн Синь, он так и не мог понять ее до конца. Единственное, что он осознавал, — это что женщина, которую он любил, за двести лет не изменилась. Она не была виновата; те, кто сделал ее Держателем Меча, включая и самого Тяньмина, — вот кто был виноват. И в один миг его ненависть к ней превратилась в отвращение к себе самому.

А в воздухе вокруг Тяньмина продолжали роиться сообщения от трисоляриан. Эти существа, столь неэмоциональные, теперь считали Тяньмина своим, без утайки делились с ним радостью и насмехались над Чэн Синь.

— Сказать начистоту, — откровенничали они, — когда правитель выдвинул этот план, мы в него не поверили. Ло Цзи был нашим кошмаром в течение десятилетий. Мы не знали, как с ним справиться. Но его преемница! Какая слабая! Какая неумная! Благодарим тебя, Тяньмин! Благодарим! Ты помог нам обхитрить людей. Удовольствие, которое мы испытали при виде того, как эта глупая самка отбросила Меч, было больше, чем то, что получаешь при спаривании! Но о чем она думала, эта блоха? Ты когда-то тоже

был земным клопом, так, может, объяснишь, как она относится к нам?

Его ответа ждал весь Трисолярис.

Тяньмин подавил сумятицу в душе и просто ответил:

— Она любит вас.

— Любит? — озадаченно переспросили трисоляриане. — Ты говоришь о… о той эмоции, что поощряет альтруистическое поведение с целью улучшить репродуктивную способность вида? У нас тоже есть такая эмоция. Но разве ее можно испытывать по отношению к другим, инопланетным существам? Ведь такое поведение не способствует размножению собственного вида!

— Один человек как-то сказал: «Любите врагов своих, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

— Что… что это за чушь? Это же парадокс!

— Нет, это урок, который преподнес нам один из величайших учителей человечества. Многие до сих пор верят, что это самая великая правда во Вселенной, гораздо более важная, чем выживание.

Трисоляриане одно время молчали, словно проникаясь духовной силой этих слов. А потом

сказали:

— Если бы все разумные существа во всем мироздании верили в это, возможно, не было бы никакого темного леса.

— Возможно, — ответил Тяньмин. Он вгляделся в космический мрак по ту сторону иллюминатора, и тут ему пришло в голову: а не существует ли темный лес только в этой части Вселенной? Только в этой галактике или, может, всего лишь в этом конце спирального рукава? А во всей остальной великой Вселенной уже давно свет любви озаряет каждый листик на дереве, каждую травинку, каждую тропинку в лесу? И как мог бы выглядеть такой пронизанный солнечным светом лес?

Он криво усмехнулся. Пусть кто-то другой ломает голову над этой загадкой. Его судьба — сопровождать трисолярианский флот обратно в Солнечную систему, к Земле, где он проживет остаток своей жизни самым страшным предателем человечества. До конца дней ему придется терпеть ненависть и презрение — при условии, конечно, что разъяренная толпа не прикончит его сразу же. Он никогда не увидит космоса за пределами региона, где бушует война между Землей и Трисолярисом. Ну и какой тогда смысл

задумываться о чем-то большем?

И в этот момент, совершенно неподготовленный, он вступил в светлый лес. А все остальное — Земля, трисоляриане, вся Вселенная — изменилось.

— Что значит «светлый лес»? — поинтересовалась АА. — Это что-то, имеющее отношение к мини-вселенной?

— Я… я не знаю. — Тяньмин покачал головой.

Он и правда не знал. Но в это мгновение все окружающее засветилось, будто озаренное внезапным лучом солнца, — нет, тысячи солнц. Он сам и корабль, на котором он находился, перенеслись из бездны глубокого космоса в какое-то непостижимое *«где-то»*. Бесконечное пространство, вернее, бесконечные миры раскрылись перед ним. Если бы кто-то заставил его описать увиденное словами, он сказал бы, что нечто подобное, наверно, видит муравей, выползший из темного туннеля в ярко освещенный сад. Каждый лепесток, каждая травинка, каждая лужица были для Тяньмина как огромный мир, и в этот момент он увидел… *всё*.

— Ты попал в четырехмерное пространство?! — Рассказ Тяньмина напомнил АА о приключениях «Синего космоса».

— Нет. Я по-прежнему находился в трехмерном мире, я никогда не бывал в четырехмерном пространстве. Но я ощущал присутствие такого непостижимого величия, какого, наверно, нет и в четвертом измерении. Это… это как сказал Платон. Вынырнув из темной пещеры, я увидел реальность; я увидел сам бесконечно прекрасный океан…

АА никогда не читала Платона, но быстренько нашла подходящее сравнение:

— Это как когда ты первый раз увидел меня?

Тяньмин засмеялся и поцеловал ее.

Как только его глаза привыкли к свету, первой конкретной вещью, которую он увидел, была некая плотная форма — она висела перед его глазами и испускала серебристое свечение. На первый взгляд форма выглядела почти идеально гладким кольцом, заключавшим в себе бесконечное множество других колец самых разных размеров. Но при внимательном рассмотрении оказывалось, что кольца не идеальны, — каждое из них в свою очередь состояло из сотен тысяч колец потоньше, соединенных между собой хитроумными изящными конструкциями. Кольца, похоже, были образованы полупрозрачными, мягко светящимися линиями, но опять же, при-

смотревшись, Тяньмин различил, что каждая изогнутая линия представляла собой плотное тело с исключительно сложным, утонченным внутренним строением. У Тяньмина создалось впечатление, будто каждая часть формы представляла собой законченное целое, и как бы он ни вглядывался, обнаруживал еще более мелкие структуры; степень детализации превосходила возможности его зрения.

— Ты имеешь в виду, это был фрактал? — АА напряженно пыталась сопоставить описание Тяньмина с собственным научным багажом.

— Нет, не фрактал. Какую бы аналогию тебе подобрать… Представь себе цветущую розу, и эта роза сама является частью лепестка другой розы, побольше, а эта роза в свою очередь — часть лепестка третьей розы, которая еще больше. Продолжи этот процесс в бесконечность. А потом, присмотревшись к первоначальной розе, ты увидишь, что она тоже состоит из роз поменьше, каждая из которых состоит из еще более мелких роз, и так опять до бесконечности. Но что удивительно, каждая роза отличается от прочих формой, размером, видом, как будто все они принадлежат миллиарду миллиардов разных сортов… Лучше я объяснить не могу.

АА в замешательстве покачала головой, не в силах представить себе это невероятное зрелище.

Тяньмину стало невмоготу смотреть на возникшую перед ним форму. Ее выворачивающая душу красота угрожала подавить его самосознание. Он перевел взгляд и обнаружил, что кольцеобразная фигура сама является частью гораздо более грандиозной круглой структуры, заполняющей все внутреннее пространство корабля и продолжающейся за его бортами. Как в аналогии с розой, фигуры на каждом следующем уровне были подобны фигурам на предыдущем и одновременно полностью отличались от них.

Оглянувшись, Тяньмин заметил, что изумительная округлая структура преобразила весь трисолярианский корабль, который казался теперь прозрачным, но таковым не был: борта и переборки были по-прежнему сплошными, Тяньмин ясно видел их и одновременно так же ясно различал то, что лежало за ними, словно образы, схваченные разными глазами, наложились один на другой. Да и глаз было не два, а гораздо больше! Тяньмин смотрел как бы сквозь переборки и прочие барьеры, а заодно обозревал и все самые потаенные уголки корабля, даже те, о существовании которых не имел понятия, однако в то же

время видел и сами переборки.

Позже, когда Тяньмин больше узнал о пространстве высоких измерений, он раздумывал, а не побывал ли в тот момент в таком пространстве. Но в конечном итоге пришел к выводу, что нет. Невероятная структура, которую он наблюдал, была отчетливо трехмерной, хотя полного обзора ему ничто не загораживало.

Бесконечно богатая и сложная сияющая форма простиралась во все стороны за пределы трисолярианского корабля, однако не слишком далеко. Всего в нескольких метрах за бортом — сквозь который Тяньмин мог теперь видеть — светящиеся дуги тускнели и исчезали на фоне звезд. Форма, представшая перед его глазами, являлась, без сомнения, не отдельным изолированным элементом, а частью еще более величественного целого. Казалось, корабль каким-то образом разрядил на себя энергию, накопившуюся в этой загадочной структуре, отчего и засветилась примыкающая к нему часть.

Позже Тяньмин узнал, что в тот момент, когда Чэн Синь отбросила пульт, гравитационно-волновые сенсоры флота различили вдали, в нескольких миллионах километров по курсу, некий едва заметный объект. Он двигался по

какой-то запутанной траектории, хаотичной, как броуновское движение. Это странное перемещение заставляло предположить, что объект не был природным феноменом. Командование флота, никогда не терявшее бдительность, включило общую тревогу. Однако рядовые члены команды были слишком увлечены празднованием, так что, прежде чем были предприняты какие-либо меры защиты, загадочный объект изменил свой курс и понесся навстречу флоту почти со скоростью света. Через мгновение он уже поглотил весь флот, состоявший из нескольких сотен кораблей.

Каждый корабль теперь окружала жутковато светящаяся структура. В момент перехвата объект скорректировал свой курс и скорость так, чтобы они соответствовали курсу и скорости флота. Теперь флот и объект находились в покое относительно друг друга.

Однако структура проникла внутрь только одного корабля — того, на котором был Тяньмин.

Если быть более точным, объект воздействовал только на Тяньмина.

Поначалу Тяньмин решил, что это очередной сон-галлюцинация, наведенная его хозяевами, но вскоре сообразил, что трисоляриане при их когнитивных особенностях не способны со-

здать такой образ. Инопланетянам не хватало художественных способностей и фантазии; изобретая кошмары, чтобы мучить или изучать Тяньмина, они руководствовались элементами, извлеченными из его памяти и подсознания, и лишь изредка вводили в сны что-то, не имеющее отношения к его собственному опыту. Эта грандиозная, прекрасная трехмерная фигура не вмещалась в их представления об эстетике и выходила далеко за пределы человеческого воображения. Нет, это был не сон.

А если это не сон, то как мог Тяньмин видеть все тайные закоулки корабля? Каким образом свет, заблокированный непрозрачными переборками, мог проникнуть в его глаза? Это было просто несовместимо с законами физики. Разум Тяньмина, пытавшегося найти ответ, хаотически бурлил.

— Потому что природа света безгранична, — прозвучал голос в его мозгу.

Нет, не голос — это была мысль. Тяньмин знал, что мысль принадлежала не ему и не трисолярианам. Пришельцы часто общались с ним, посылая электрические сигналы напрямую в его мозг, так что ощущение было ему знакомо. Эта мысль была иной. Она явилась не снаружи, она возникла в

глубине его собственного разума.

В то же мгновение Тяньмин почувствовал взрыв дотоле еще не испытанной им боли — у него даже дыхание зашлось. Это была не физическая, а скорее духовная травма. Казалось, будто в его подсознание ворвался поток иных мыслей и чувств, грозя взорвать разум и затопить то, что осталось от рассудка: рождение Вселенной, небесный свет, безграничность космоса, глубина пространства… неизведанность, потаенность, страх, скорбь, радость…

Тяньмина охватил ужас сродни тому, какой почувствовал Зевс, когда Афина рождалась из его черепа. Тяньмин взвыл и схватился за раскалывающуюся от боли голову. Однако тут же принудил себя сосредоточиться и прибегнуть к приемам медитации, подобной чань-буддистской, — он выработал их в течение долгих лет, когда сопротивлялся умственным пыткам трисоляриан. Поток бурных, хаотичных мыслей застыл ледяной глыбой, а затем растекся в широкий спокойный океан.

— Кто ты? — спросил Тяньмин, когда немного пришел в себя.

I'm the Spirit.

— Я Дух.

Летнее дерево, тени в лунном свете, отражение в воде, собственный образ в зеркале…

Тяньмин почувствовал еще один массированный удар по сознанию. Разум его балансировал на краю бездны. Он переборол себя и спросил:

— Дух? Что за дух?

— Дух света.

Свет и тень, сияние и мрак, призывный зов рога и вечная тишина, морские глубины и небесный свод…

И Дух Божий носился над водами…

И сказал Бог: Да будет свет. И стал свет…

И свет пронзил тьму, но тьма не ведала света…

Еще один поток мыслей обрушился на сознание Тяньмина — он едва справился с ним страшным усилием воли. У него было чувство, будто голова вот-вот разломится пополам. Наконец он, кажется, нашел источник мучений. Голос не разговаривал с ним в обычном смысле этого слова; вместо этого он компоновал его знания и воспоминания так, чтобы выразить неизвестные Тяньмину понятия. С каждым мгновением Тяньмин получал почти безграничное количество информации. Это походило на ту бесконечно сложную светящуюся структуру: большое по-

нятие содержало в себе значения поменьше, а каждый из них складывался из еще более мелких смыслов. Различные концептуальные уровни связывались между собой сетью прочных логических нитей, и ни одна подробность не была лишней. Однако биологический когнитивный механизм Юнь Тяньмина был настолько ограничен, что смог охватить лишь самый верхний слой и превратить его в понятные человеку лингвистические символы. Остальная семантическая структура затопила его разум, в котором память и воображение всколыхнули тайфун эмоций и идей.

Человеческий мозг не предназначен для подобных переживаний. Если бы Тяньмин, борясь с трисолярианами, не развил в себе сверхчеловеческий самоконтроль и психологическую прочность, он бы уже давно рухнул в бездну безумия.

— Вы посланец Бога? — тяжело дыша, спросил Тяньмин голосом, исполненным священного трепета. Хотя он и не был христианином, он все же несколько раз побывал в церкви с матерью, когда был ребенком. Он вспомнил, как священник сказал ему: «Если будешь молиться, Господь услышит тебя. Он пошлет ангела, чтобы тот

наполнил твое сердце. «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них…»[9].

Мне отмщение, я воздам, говорит Господь.

И сейчас, когда трисоляриане воспользовались любовью и добротой людей, чтобы вторгнуться в их дом, стереть их с лица Земли, настала пора Господу явить свою справедливость. Клопы должны получить по заслугам.

Следующая мысль почти что привела его в экстаз:

— Да, с твоей точки зрения, я Дух Хозяина.

А в следующее мгновение мечта Тяньмина разлетелась вдребезги:

— Хозяин мертв; я лишь мертвый Дух.

Тяньмин начал постепенно привыкать к этому способу ведения разговора, требующему значительного напряжения. Он осторожно спросил:

— Вы инопланетянин?

Собеседник терпеливо поправил:

— Нет, я Дух.

— Что вы имеете в виду — «Дух»?

Ответом на этот раз было не поддающееся разумению понятие, которое нельзя было перевести

---

[9] Примечания: 9

«Деяния святых апостолов», гл. 2, ст. 3.

в языковые символы. И снова на мозг Тяньмина обрушилось цунами граничащих с парадоксом идей: сухой океан, край Земли, война драконов с гигантами, сокровище богов, песня, спрятанная в камне…

Он вскрикнул и повалился на пол.

— Прекратите! Не надо! Это невыносимо!

Тяньмин не знал, сказал он это или только подумал.

— Только так мы и сможем общаться. В нашей вселенной это самый простой и наиболее эффективный метод обмена информацией. Но разум в этой вселенной упростился слишком быстро, и вам воспринимать идеабстракции крайне сложно.

Тяньмин не знал, что такое «идеабстракции», но не осмелился спросить. Ухватившись за фразу «наша вселенная», он поинтересовался:

— Значит, вы не из этой Вселенной?

И снова непостижимая идеабстракция ударила в него. Голова Тяньмина едва не взорвалась. Хватая ртом воздух, он отер пот со лба и в отчаянии проговорил:

— Идеабстракции не для меня. Почему бы вам не поговорить с *ними*?

Под «ними» он, конечно, подразумевал три-

соляриан. С него хватит! Он думал, что может вытерпеть любую умственную или физическую пытку, но против идеабстракций чувствовал себя слабее младенца. «Забудь. Земля обречена. Мне нет дела до вселенных и каких-то хозяев, да и до всего остального тоже. Пусть мерзкие трисоляриане извлекают смысл из этих чертовых идеабстракций».

— Из моей попытки ничего не получилось. Они намного слабее тебя умственно и не могут постигнуть ни единой идеабстракции.

— Почему?

— Они клопы.

«Клопы» — так презрительно называл Тяньмин трисоляриан. Дух заимствовал этот термин и теперь сопроводил его очень странной идеабстракцией. Изумленный, Тяньмин вдруг кое-что осознал. Он оглянулся вокруг.

Благодаря странно светящейся структуре он мог теперь заглянуть в каждый уголок корабля… и все же кое-чего он не видел.

Он не видел трисоляриан.

Никого, кто хотя бы отдаленно мог напоминать инопланетное разумное существо: ни маленьких зеленых человечков, ни рептилоидов, ни когтистых осьмируков. Ничего.

Корабль без трисоляриан? Но как это возможно?!

И тут он заметил в конструкции корабля нечто, на что раньше не обращал внимания. Не считая просторного отсека, в котором жил Тяньмин, здесь не было других кают или открытых пространств, не было коридоров и проходов, как на кораблях землян. По большей части корабль состоял из узких трубочек и маленьких каморок — некоторые из них были размером со спичечный коробок, другие с ящик комода. В каждой каморке находилось множество крошечных то ли роботов, то ли еще каких-то устройств, испускающих жутковатое свечение. Устройства были размером с рисовое зернышко. Некоторые «зернышки» ползали, извиваясь, по полу…

«Они клопы».

Тяньмин ахнул. Наконец-то все встало на свои места.

Эти серебристые «устройства» и были трисоляриане — каждый размером не больше муравья.

На протяжении многих столетий лучшие умы человечества посвящали себя изучению трисоляриан, и самое пристальное внимание уделялось их физиологии. Хотя ученые на Земле не имели доступа к представителям вида, они

сформулировали несколько небезосновательных догадок на базе известной им информации о Трисолярисе — мире, намного более суровом, чем Земля. Его обитатели были способны к быстрому избавлению от влаги и такому же быстрому ее восполнению (так называемые «дегидрация» и «регидрация»), их можно было выстроить в живой компьютер и т. п. Земные ученые пришли к единодушному выводу: с высокой степенью вероятности допустимо предположить, что трисоляриане отличаются небольшими размерами — возможно, не больше пятидесяти сантиметров в высоту. (Некоторые исследователи зашли даже так далеко, что утверждали, будто пришельцы примерно размером с крысу.) В некоторых научно-популярных фильмах трисоляриан изображали в виде огромных богомолов с острыми жвалами и когтями.

Но никому никогда и в голову не приходило, что инопланетяне всего несколько миллиметров в длину. Считалось очевидным, что существо размером с муравья не в состоянии обзавестись сложным мозгом или построить развитую цивилизацию. Однако в данном случае земные ученые глубоко ошибались. Мыслительный процесс трисоляриан коренным образом отличался от

основанного на индивидуальном восприятии мыслительного процесса людей. Поскольку у пришельцев мысль и ее выражение были связаны напрямую, их общение отличалось высокой эффективностью. Эта особенность позволила им развить коллективный разум и послужила основой для построения живого компьютера. Хотя каждый индивидуальный трисолярианин мог до некоторой степени мыслить независимо, они прежде всего полагались на взаимный обмен информацией, что дало им возможность создать обширный коллективный банк данных — основной источник различных сведений. Кроме того, после спаривания родители распадались на несколько личинок, каждая из которых наследовала некоторую часть родительской памяти. Это природное приспособление позволяло юным трисолярианам овладевать базовыми жизненными навыками в весьма короткие сроки, поскольку их относительно простой мозг эффективно работал с модульной памятью.

Но земные ученые не слишком ошиблись в своих умозаключениях. Те же механизмы приспособления, благодаря которым трисоляриане выживали в экстремальных условиях своей планеты и выстраивали долговечную цивилизацию,

также сдерживали рост и развитие индивидуального мозга. Результатом стали недостаток воображения и ограниченная способность к творчеству. Трисоляриане в основном полагались на уже испытанные приемы и коллективную мудрость прошлого. У них редко происходили технологические прорывы, столь обычные в человеческой истории. Даже если бы они покинули свой опасный мир и нашли более гостеприимный дом, то все равно остались бы лишь социальными насекомыми, хоть и с цивилизацией и технологиями.

Вот почему трисоляриане намеревались извести человеческий род, несмотря на риск запустить всеобщую космическую передачу. Они прекрасно понимали, что даже если обе расы вырвутся из состояния темного леса и смогут мирно сосуществовать, люди быстро нагонят пришельцев, а потом и превзойдут их технологически. Вдобавок инопланетяне испытывали атавистический страх перед гигантами-людьми, ведь любой человек одним шлепком мог прибить несколько сотен трисолярианин.

Земляне не смогли обнаружить тот факт, что каждый отдельный трисолярианин обладает относительно низким уровнем интеллекта, по-

тому что люди очень мало знали об устройстве инопланетного общества. Они просто не могли себе представить, чтобы цивилизация, намного более развитая, чем земная, была построена индивидами, куда более «глупыми», чем они сами. По этой причине трисоляриане скрывали от людей то, что считали своей слабостью, — свой внешний вид.

Но теперь Дух пролил свой мистический свет на эту тайну. Разум отдельного трисолярианина был слишком хилым, чтобы вынести мощь идеабстракций, а кучка трисолярианин, объятых паникой, не могла вступить в широкомасштабное групповое общение, чтобы образовать коллективный разум.

По сути, в этих обстоятельствах Тяньмин был единственным живым существом, способным вести беседу с Духом.

— Что это за… волокна? — Тяньмин указал на замысловатую светящуюся сеть, окружавшую его со всех сторон. Его палец нечаянно задел одну из нитей — та отозвалась многоцветной вспышкой. Опешив, Тяньмин внимательно осмотрел палец — тот был цел и невредим. Сияющая нить прошла сквозь плоть, как будто была нематериальной.

— Это моя проекция в данную вселенную.

Тяньмин силился постигнуть смысл сказанного.

— Вы хотите сказать, что ваше тело находится не в этой Вселенной? Вы из другой?

— Я из Эдема. То, что ты видишь, — это проекция Эдема.

— Эдем? Как в Библии? Это что — метафора?

— Я из Эдема этой вселенной — совершенного изначального мира.

Понятие «совершенный мир» сопровождалось лавиной образов: ослепительно сияющие галактики; безмятежное озеро; классический сад с его идеальной симметрией; Венера Милосская; улыбка Моны Лизы; «Источник» Энгра… Затем возникли сцены из снов Тяньмина: Царство Небесное на лепестке цветка; величественный дворец на радуге… Картины громоздились одна на другую, но в каждой был лишь намек на совершенство. Наконец Дух оставил попытки передать смысл «совершенного мира» и представил уму Тяньмина только одну простую геометрическую фигуру: идеально круглую прозрачную сферу на темном фоне.

— Где он, этот мир? — спросил Тяньмин. Даже несмотря на свое несовершенное зрение, он уже ощутил неописуемую красоту и изящество пока-

занного ему мира.

— Разрушен.

Образы, которые он видел раньше, вернулись, но в измененном виде: звезды, затянутые темными тучами; шторм на озере; отломанные руки Венеры; плачущая Мона Лиза… Всюду кровь и пламя; демоны ада рыщут по Царству Небесному; мрак с двух сторон поедает идеальную серебристую сферу, пока от нее не остается лишь тоненький круг, затем линия, а затем крохотная светящаяся точка.

И тут точка быстро разбухла и заполнила все сознание Тяньмина, прежде чем раствориться во тьме. Но в этой новой ночи засияли миллионы новых галактик, загорелся Млечный Путь, появились Солнце, Луна, Земля… Тяньмин понял, что стал свидетелем рождения своего родного мира.

Он был слишком потрясен, чтобы говорить. Вселенная, которую он знал, была всего лишь незначительным фрагментом совершенного мира, останками после бессчетных циклов разрушения.

Перед Тяньмином, так же как значительно позже перед Гуань Ифанем и Чэн Синь, открылись глубочайшие тайны Вселенной.

— Кто уничтожил этот совершенный мир? —

спросил он.

– **Скрывень.**

— Скрывень? — Голову Тяньмина снова сжало в тисках боли. Он подходил к пределу понимания, но сдаваться не собирался. — То есть тот, кто скрывается и скрывает? Почему он разрушил Эдем?

— Не знаю. Это знает только сам Скрывень.

— Почему его так называют? Это индивид или цивилизация? Или что-то еще? Ведь в темном лесу все скрываются, разве не так?

— Вначале, в совершенном мире, не было никакого темного леса в том смысле, как ты это понимаешь. Но взбунтовавшийся разум вызвал его к жизни… Совершенный мир рухнул, однако предатели ускользнули. Они спрятались в этой Вселенной.

Дух дал Тяньмину подробную и исчерпывающую информацию, но Тяньмин смог понять только исчезающе малую ее часть. Прочее выходило за рамки его понимания.

* * *

— Постой-ка! — задыхаясь, проговорила АА. — Ты хочешь сказать, что какая-то часть цивили-

зации из прошлой Вселенной сумела перейти в нашу? — Хотя АА и не могла знать, о чем рассказал Гуань Ифань в беседе с Чэн Синь на борту своего корабля, она вспомнила слова Кольца, с которым встретился «Синий космос»: *«Той рыбы, по вине которой высохло море, здесь нет»*.

Она начинала понимать, о чем толковало Кольцо.

— Не знаю, — растерянно проговорил Тяньмин. — Или, может, знал когда-то, но забыл.

Тяньмин спросил у Духа:

— Есть ли способ покончить с темным лесом и возродить совершенный мир?

В своем стремлении спасти Землю он хватался за последнюю соломинку.

— Да.

— Как?

— Уничтожь Скрывня, и я смогу восстановить совершенный мир.

— Как это сделать?

Дух помолчал несколько мгновений, затем ответил:

— Ты должен стать Искателем…

Очередное цунами мыслей и образов затопило его мозг. Тяньмин понял только первую половину того, что сказал Дух, прежде чем идеабстракции

сокрушили его последнюю ментальную защиту. Он тонул в море идей, хватаясь за что попало, лишь бы остаться на плаву. Он отчаянно барахтался, но никто не приходил к нему на помощь. Дух продолжал настойчиво закачивать в него все большее количество информации и, казалось, не обращал внимания, что собеседник задавлен этим бесконечным потоком грез и мыслей. За секунду до того, как Тяньмин потерял сознание, что-то озарило его разум. Он подумал, что ухватил суть, но было слишком поздно. Мозг ввел в действие последнюю линию обороны на пути в безумие, и Тяньмин отключился.

* * *

— А потом? — АА тоже загорелась мечтой о возрождении совершенного мира. Если его можно отстроить заново, то, может, удастся возродить и Солнечную систему, Землю, человеческий мир прошлого?..

Тяньмин покачал головой.

— Потом — ничего. Когда я пришел в себя, Дух и его проекция уже исчезли.

* * *

Он оглянулся вокруг: все стало как раньше. Трисолярианский корабль плыл сквозь тьму космоса, от Духа не осталось и следа. Позже Тяньмин просмотрел записи камер наблюдения: сияющая структура исчезла вскоре после того, как он упал без сознания. Гравитационно-волновые сенсоры определили, что структура удалилась от флота на скорости, близкой к световой, и, следуя своему странному курсу, вскоре оказалась на расстоянии в несколько десятков астрономических единиц. Даже трисолярианская техника не могла уследить за ней.

Проанализировав траекторию Духа, трисолярианские ученые обнаружили, что если устранить влияние Млечного Пути, местной группы галактик и сверхскопления Ланиакея, то курс Духа оказывался крайне прост. Иными словами, относительно Вселенной (по крайней мере, в непосредственной близости от кораблей) в абсолютной системе отсчета Дух, вероятно, был неподвижен. Движение на скорости, приближенной к световой, являлось эффектом движения Вселенной, а не самого Духа. И лишь когда Дух заметил трисолярианский флот, он изменил свою

траекторию, чтобы войти в контакт.

Что за невообразимая сила позволяла такой структуре стоять на месте, не подчиняясь общему движению галактик?

В результате дальнейших исследований обнаружилось, что сам Дух не имел массы. Эффект массы, засеченной датчиками гравитационных волн, вызывало силовое поле вокруг объекта. Оно изолировало структуру от остальной Вселенной, но изолированный участок практически не имел объема. Громадная светящаяся структура проецировалась из одной крохотной точки.

Выходило, Дух говорил правду: он был лишь бесплотной проекцией.

Трисоляриане решили, что Дух — посланец более высокоразвитой цивилизации. По-видимому, эта цивилизация не была враждебной и пыталась вступить с ними в контакт, но трисоляриане оказались не способны к общению с ее посланником. Более двухсот трисоляриан сошли с ума, их дегидрировали и сожгли. Как только они получили первую идеабстракцию, их когнитивные органы вышли из строя, а биология трисоляриан была такова, что они не смогли защитить себя, отключив сознание.

Даже Тяньмин, казалось, потерял рассудок.

Понадобилось больше месяца, чтобы его разум оправился. Но пока он выздоравливал, трисоляриане продолжали его изучать. Видеозаписи камер наблюдения свидетельствовали, что Тяньмин во время контакта что-то бормотал, и вид у него был осмысленный, — значит, ему удалось успешно провести беседу с Духом.

Инопланетяне терпеливо ухаживали за Тяньмином: а вдруг высшая цивилизация поведала ему о каких-то продвинутых технологиях? Тогда, возможно, удастся извлечь их из его памяти. Поправившись, Тяньмин припомнил первую часть встречи, но, как ни пытался, восстановить в памяти остальное ему не удавалось. Повторные допросы, гипноз и анализ снов принесли мало пользы. Трисоляриане тщательно сканировали его мозг и обнаружили, что огромный участок, ранее лишенный нейронной активности, теперь ломится от информации. Но трисоляриане ничего в ней не поняли — для них она была лишена смысла. К тому же участок, похоже, был полностью изолирован от остальной части мозга.

Единственное, что осталось в голове Тяньмина, — это страх перед чем-то неизбежным. Хотя он не мог вспомнить, чего именно боится, плохое предчувствие не покидало его и часто будило

среди ночи.

Время шло, и постепенно фрагменты информации, спрятанные в подсознании Тяньмина, стали выныривать на свет. Однажды, когда хозяева описывали ему чудеса своих новых кораблей, способных двигаться со скоростью света, Тяньмин внезапно припомнил эпизод из его разговора с Духом:

— Наиболее примитивный способ достичь безопасности… использовать скорость света… превратить себя в черную дыру…

Тяньмин не имел понятия, что значит «превратить себя в черную дыру», и не понимал, какая связь между черной дырой и скоростью света; знал лишь, что такая связь есть. Но, поразмыслив над вопросом некоторое время, — а может, ведóмый мистической силой — он раскусил секрет черного домена.

Он пообещал трисолярианам рассказать о новом способе вырваться из состояния темного леса (ему было необходимо, чтобы они проверили его теорию) в обмен на отказ от вторжения на Землю.

— Это невозможно! — заявил ему командующий флотом. — Мы не откажемся от планов завоевания Солнечной системы в обмен на ту-

манные посулы раскрыть нам тайну «мирного послания». Земные клопы не инициировали всеобщую передачу и никогда на это не пойдут. Не нужны нам никакие «мирные послания», во всяком случае, сейчас.

— Значит, вы никогда не получите от меня сведений о той богоподобной цивилизации, — пригрозил Тяньмин.

— Что ж, мы и вправду очень хотим получить их от тебя, — сказал командующий, — но не за счет отказа от победы над Землей, ради которой потратили столько сил. Зато, может быть, у нас найдется еще что-то, нужное тебе? — Он показал Тяньмину сцены, переданные софонами с Земли: всеобщий хаос после атаки капель, царящая повсюду анархия; миллионы погибших, задавленных паникующими толпами, кровавые расправы, потоки беженцев, голод…

Одна из сцен привлекла особое внимание Тяньмина: в каком-то поселке на Западном побережье Соединенных Штатов толпа беженцев окружили молодую женщину, похожую на Чэн Синь.

Кто-то выкрикнул:

— Это та сука! Та самая, что все просрала!

Толпа кинулась на женщину, стала избивать ее, срывать одежду…

Мужчина рядом с ней кричал и со слезами упрашивал обезумевших людей остановиться:

— Умоляю вас… Это не Чэн Синь! Мы корейцы! — Но все без толку. Словно стая диких зверей, толпа царапала, колошматила, кусала женщину, пока в буквальном смысле не начала отрывать от нее зубами куски мяса…

— Это не Чэн Синь, — сообщил Тяньмину командующий. — Она сейчас под защитой ООН. Но, думается, ситуация на Земле будет усугубляться, и тогда Чэн Синь, возможно, постигнет еще худшая судьба.

Тяньмин в ярости сжал кулаки. У него не оставалось выбора.

— Ладно, — процедил он, скрежеща зубами. — Я расскажу вам о «мирном послании», только направьте Томоко приказ, чтобы она создала Силы Безопасности — пусть они поддерживают правопорядок и предотвращают излишние смерти. Они также должны защищать Чэн Синь и ее друзей.

Так трисоляриане узнали тайну космического мирного послания: оно заключается в замедлении скорости света. Не зная, что местонахождение Трисоляриса скоро будет известно всей Вселенной, они не стали заморачивать-

ся созданием черного домена. Позже, узнав об осуществленной «Гравитацией» космической передаче, они попытались создать его, но у них не хватило времени — атака темного леса последовала слишком быстро…

Человечество, в распоряжении которого оказалось гораздо больше времени, тоже упустило эту возможность.

* * *

Тяньмину снилось, что он стал тем самым «Искателем», которого описывал Дух, и беспорядочно носится по космосу в поисках Скрывня. Он облетел тысячи звезд, обшарил один спиральный рукав за другим, но так ничего и не нашел. Напоследок он прибыл в центр Млечного Пути, где ядро светилось на порядки ярче, чем любой из спиральных рукавов, где миллионы древних звезд кружились в ослепительном космическом хороводе. А в ядре, в самой его сердцевине, висела невидимая чудовищная черная дыра, существование которой выдавал массивный аккреционный диск. Если Солнце положить на этот диск, оно было бы похоже на пылинку на древней виниловой пластинке.

Тяньмин вдруг осознал, что диск очень тонок —

так тонок, что его можно счесть двумерным. И, в точности как долгоиграющая пластинка, он медленно вращался вокруг черной дыры. Тяньмин приблизился, чтобы рассмотреть подробности, и обнаружил нарисованную на диске огромную картину, с поразительной точностью и во всех подробностях изображающую все звездные системы во Вселенной. Подлетев еще ближе, он смог различить отдельные космические корабли и странного вида внеземных существ. Каждая деталь каждого объекта была дотошно отображена в этой картине, хотя во всем этом не было жизни. Тяньмин почувствовал, как могучая сила затягивает его в картину. Он упорно сопротивлялся, но непреодолимая сила, словно магическое заклятие, влекла его к двумерной плоскости.

Он боролся изо всех сил и наконец преодолел таинственное заклятие и покинул аккреционный диск. Но тут же провалился в ужасающую черную дыру — прошел сквозь горизонт событий и канул в беспросветную бездну…

Во тьме затлел призрачный огонь, и в его свете Тяньмин увидел колдуна в черной мантии и остроконечной шляпе. Колдун злобно ухмылялся. Он деловито водил кистью по огромному свитку, который разматывал и по мере заполнения

выталкивал за пределы черной дыры, где бумага соединялась с аккреционным диском. Тяньмин видел, как Солнце, Луна и Земля становились изображениями на картине. Колдун взглянул на гостя, и в то же мгновение образ Тяньмина появился на бумаге — каждый его волосок, каждая морщинка на коже, даже выражение страха в глазах. А потом Тяньмина затянуло в рисунок, и он слился со своим двумерным портретом…

Он закричал и очнулся от кошмара.

«Некоторые уже переведены в пространство пониженной размерности, другие находятся в процессе, третьих скоро постигнет та же участь… пока наконец…»

«Все это часть их плана…»

Обрывки беседы с Духом вынырнули из потаенной части его памяти, почти забытые, и вдруг до Тяньмина дошел смысл сна.

* * *

— Удар по размерности! — Голос АА дрожал. Она вспомнила леденящую кровь картину схлопывания Солнечной системы: двумерные Нептун и Сатурн, похожие на глаза; космические города, каждая деталь которых запечатлена на плоскости; снежинки размером больше Луны…

Абсурдный сон Тяньмина претворился в реальность, и эта реальность была страшнее кошмара.

Тяньмин мрачно кивнул.

— Если твой сон и вправду был посланием от Духа, то двумерная фольга будет расширяться вечно. Означает ли это… — АА передернуло от ужаса, — …что все мироздание в конце концов станет двумерным?

— И не только это. — Тяньмин вздохнул. — Дух поведал, что наше собственное пространство стало трехмерным в результате подобной же атаки. Первоначальная Вселенная насчитывала больше измерений, чем нынешняя.

— Ты хочешь сказать… — Хотя то, о чем толковал Тяньмин, понять было нетрудно, это было слишком невероятно, чтобы поверить. — …Вселенная первоначально была четырехмерной? Тот четырехмерный фрагмент… так было везде?

Она вспомнила слова Кольца:

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужу. Лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

— Нет, Вселенная насчитывала не четыре, а десять измерений, — сказал Тяньмин. — Четырехмерное мироздание — тоже результат многократных атак на размерность. Десятимер-

ная вселенная, этот совершенный мир, была родным домом Духа. Пифагор называл десятку идеальным числом, и теперь я понимаю, что он имел в виду.

— Десять измерений! — АА удивлялась, впрочем, не так уж сильно. Для нее разница между четырьмя и десятью измерениями была лишь абстрактной разницей между двумя числами.

— Земные исследователи уже открыли, что элементарные частицы десятимерны, хотя полностью развернуты в бесконечность только три измерения, а остальные свернуты на квантовом уровне. Ученые предложили много теорий, объясняющих этот факт, но так и не догадались, что это результат войны. Разрушительная деятельность живого разума привела к краху фундаментальной архитектуры мироздания.

Мысли АА приобрели более практическую направленность:

— Думаешь, это Скрывень нанес пространственный удар по Солнечной системе?

— Не уверен. — Тяньмин немного подумал. — Возможно, какая-нибудь другая развитая цивилизация тоже использует вырождение пространства в качестве оружия в атаках темного леса. Но, думается, цель Скрывня — снизить размерность

всего космоса.

— Зачем?

— Не знаю. — Тяньмин испустил долгий вздох. — Похоже, в этом и состоит самая великая тайна мироздания. Помнишь слепые зоны софонов?

АА кивнула. Слепыми зонами называли загадочные участки пространства, в которых софоны теряли свои свойства, и такие участки можно было найти повсюду в космосе. Будучи астрономом, она кое-что знала об этом явлении.

— Как ты думаешь, на что была бы похожа Вселенная без этих слепых зон? — спросил Тяньмин.

АА содрогнулась. Этому гипотетическому вопросу когда-то придавалось большое практическое значение. В начале Эры Устрашения ученые вели дискуссии о том, применимо ли понятие темного леса ко всей Вселенной. Одна влиятельная группа исследователей считала, что любая цивилизация, достигшая технологического уровня трисоляриан, должна уметь изготовлять софоны или создавать софоноподобные способы коммуникации, основанные на квантовой запутанности. Наиболее продвинутые цивилизации, насчитывающие миллиарды лет, смогут послать софоны в любую часть космоса;

а поскольку со всеми уголками Вселенной можно будет связываться мгновенно, с состоянием темного леса будет покончено. Ученые полагали, что темный лес, эта угроза, приводящая в страх как людей, так и трисоляриан, — локальный феномен, который безосновательно посчитали присущим всему мирозданию.

Открытие слепых зон опровергло эту теорию. Самые разные свидетельства указывали на то, что слепые зоны были результатом искусственного вмешательства, а не природным явлением. Они «затемняли» Вселенную и искореняли последнюю надежду на мгновенное взаимопонимание. А значит, темный лес, скорее всего, царил повсюду.

Слепые зоны также ставили под сомнение и теорию темного леса. Представьте себе: если цивилизация достигла такого уровня могущества, что может создавать слепые зоны по всему космосу, то это значит, что она способна влиять на весь космос. Такой цивилизации вообще не нужны никакие слепые зоны. С помощью софонных технологий она будет наблюдать за всем мировым пространством и уничтожать любые молодые цивилизации по мере их зарождения, построив тем самым совершенную систему безопасности.

Если только она делает это не с какой-то иной целью.

— А возможно ли, что… что это Скрывень насаждает повсюду слепые зоны, поддерживая таким образом состояние темного леса? — АА озвучила самое страшное из возможных объяснений.

— Понятия не имею, — отозвался Тяньмин. — Но это возможно. Если бы какая-то сверхразвитая цивилизация вселенского масштаба не устанавливала повсюду эти барьеры, сомнительно, чтобы мы всё еще жили в темном лесу. Но в таком случае это должна быть неимоверно злокозненная цивилизация. Она не только уничтожила Эдем, но и обращается с мирозданием как с игрушкой. Неужели Сатана существует в реальности?

Они еще долго судили и рядили, кто же такой или что такое этот Скрывень, но ни к чему не пришли. Возможно, в мозгу Тяньмина содержалось больше информации, но даже сейчас, по прошествии столь долгого времени, он мог припомнить лишь разрозненные обрывки. Самые глубинные тайны Вселенной так и оставались тайнами.

Спустя некоторое время АА спросила:

— Ты сочинил историю о принцессе Росинке и принце Глубокой Воде, чтобы предупредить человечество об атаке на размерность?

— Не всю. Как я уже сказал, некоторые части мне приснились.

— Почему трисоляриане не заподозрили тебя? Метафоры в сказке были такими прозрачными!

— Одна из самых больших слабостей трисоляриан заключается в том, что у них бедное воображение, — объяснил Тяньмин. — Если бы им было известно об ударах по размерности, тогда, быть может, они и смогли бы расшифровать мои намеки. Но они совсем ничего о них не знали. Если даже люди не смогли разгадать мою загадку, то трисоляриане тем более. Они не обладали опытом, на который могли бы опереться.

Тяньмин не рассказал инопланетянам о своем открытии — он не видел, чем тот факт, что Вселенная теряет измерения, может способствовать разрешению конфликта между трисолярианами и людьми. Трисоляриане просканировали его сон, но среди многочисленных причудливых грез эта ничем не выделялась. Инопланетяне не сумели распознать истинный смысл сна, а помогать им Тяньмин не собирался.

Затем, больше года спустя, до флота наконец дошла новость о космической передаче с «Гравитации». Планы завоевания пошли прахом, потому что координаты как Трисоляриса, так и Земли

стали теперь известны всему мирозданию. Хотя с Тяньмина спал груз моральной ответственности за гибель человечества в результате вторжения трисоляриан, он сознавал, что теперь на него легло еще более тяжкое бремя: спасти Землю от удара темного леса, который рано или поздно будет нанесен более развитыми цивилизациями.

Хотя Дух происходил из десятимерной вселенной, он обладал обширными познаниями и о трехмерной. Дух сообщил Тяньмину о семи видах атак темного леса. Двумерная фольга была одним из наиболее передовых. За год, прошедший после встречи с Духом, Тяньмину удалось постепенно припомнить все семь разновидностей. Стремясь разработать меры защиты, трисоляриане сделали все возможное, чтобы вытянуть из него эту ценную информацию, и он поделился с ними шестью способами. Однако об уменьшении размерности он умолчал, инстинктивно чувствуя, что именно этот метод, скорее всего, будет применен против Солнечной системы. Он понимал также, что если откроет тайну трисолярианам, они, конечно, не передадут ее людям. И не разрешат ему контактировать с ними.

В обмен на информацию о шести способах атаки темного леса Тяньмин выторговал у своих

хозяев драгоценную возможность дистанционно, посредством софонов, встретиться с Чэн Синь. Во время этой беседы он рассказал ей три волшебные сказки, которые сочинил, осмотрительно подмешав в свой сон другие элементы. Тяньмин подобрал хитроумные метафоры, чтобы замаскировать данные, касающиеся черного домена и светового двигателя, зато атаку на размерность — явление, выходящее за пределы знаний и понимания трисоляриан — описал почти в открытую.

— А если бы твои предположения оказались неверны и развитые цивилизации ударили по Земле не понижением размерности, а каким-то другим оружием? — осведомилась АА.

— Не имеет значения. Скорости светолетов достаточно, чтобы спастись не только от атаки на размерность, но и от всех прочих напастей. Самый надежный способ. Я не мог впихнуть в свои сказки всё, пришлось выбрать наиболее существенное.

— Но тут еще одна проблема… Во время вашего свидания ты сказал, что вы с Чэн Синь были знакомы с детства и часто рассказывали друг другу разные истории. Но если бы трисоляриане прошерстили твою память, разве эта ложь не бросилась бы им в глаза? — АА давно уже хотела

задать этот вопрос, на это у нее имелись личные причины. До сих пор она не решалась вторгаться в память Тяньмина так глубоко. И вот наконец спросила, но не ради себя, а ради…

Тяньмин, глядя в черный купол неба, погрузился мыслями в прошлое, которое, казалось, принадлежало не ему, а другому человеку, давно умершему. Он тихо проговорил:

— Вообще-то… это была не совсем ложь. На самом деле, я знал девочку, похожую на Чэн Синь.

* * *

Когда Юнь Тяньмин был ребенком, в его жизнь вошла одна девочка. Племянница соседки, на три года моложе Тяньмина. Однажды летом она приехала в город на каникулы навестить тетю, и они с Тяньмином подружились. Тот часто пересказывал ей истории, вычитанные из книг: о Троянской войне, о сокровищах царя Соломона, рыцарях Круглого стола, венецианском купце и так далее. Это были те самые толстые книги, которые родители, помешанные на классическом образовании, заставляли его читать.

Девочка тоже рассказывала ему истории, которые выдумывала сама: о злом принце, умной принцессе, веселом толстом поросенке и тому

подобное. Она была слишком юна, чтобы выстроить толковый сюжет, а некоторые из ее фантазий можно было назвать историями лишь с натяжкой. Тяньмин обожал слушать ее. У него не было друзей, и родители запрещали ему играть с детьми, семьи которых, как они считали, относились к «низшему классу». Им не нравилось, что Тяньмин проводит так много времени с соседской девчонкой, потому что он ходил в среднюю школу и должен был, по их соображениям, думать об учебе, а не о девочках. Но сами родители в это время находились на пике собственного бурного развода, и им было не до того, чтобы следить за сыном.

Девочка провела в городе всего один месяц. В конце каникул, перед ее отъездом домой, они пообещали друг другу увидеться следующим летом. Однако вскоре после этого родители Тяньмина разошлись, и он переехал с отцом в другое место. Он больше никогда не встречал ту девочку. Еще более социально изолированный, Тяньмин полностью ушел в себя и схоронил воспоминания о ней в дальнем углу памяти.

Но девочка из детства оставила теплый след в его жизни, и ее истории стали прототипами сказок, которые он рассказал Чэн Синь.

«Чтобы погубить принцессу Росинку, Злой принц прибегнул к черной магии. Много, много метеоритов упало с неба… На помощь пришла маленькая фея; она сделала из облаков волшебный зонтик, который защищал принцессу от падающих с неба камней…

А потом маленькая фея, принцесса и капитан гвардии отправились на Остров-Без-Забот, где нашли принца Высокую Гору. Принц Высокая Гора тоже умел колдовать, он мог сделать себя огромным, как гора, и крошечным, как песчинка…

Принц Высокая Гора убил Злого принца, и принцесса с капитаном жили потом долго и счастливо. Принц Высокая Гора и маленькая фея покинули королевство и вернулись на Остров-Без-Забот, и там они поженились…»

Тяньмин еще смутно помнил серьезное личико девочки, рассказывавшей ему сказки. Он также припомнил свой тогдашний вопрос:

— А почему принц Высокая Гора не женился на принцессе Росинке?

— Ты что, не слушал? — Девочка надула губы. — Принц Высокая Гора — брат принцессы Росинки! Поэтому ему и пришлось жениться на маленькой фее, а принцессе выйти замуж за капитана…

Между той девочкой и Чэн Синь почти не бы-

ло сходства, но после знакомства с Чэн Синь Тяньмин иногда воображал, что они знали друг друга еще детьми и разлучились, когда стали подрастать. Он спроецировал образ Чэн Синь в свои детские воспоминания, и девочка, которую он знал всего одно лето, превратилась в маленькую Чэн Синь. От трисоляриан, копавшихся в его памяти, этот нюанс ускользнул. Поскольку Тяньмин нарочно внес путаницу в собственные воспоминания, ему не составило труда убедить хозяев, что они с Чэн Синь знали друг друга в детстве, а трисоляриане подмены не заметили.

— Что случилось с той девочкой? — спросила АА. В ее голос вкралась легкая дрожь. — Ты… ты больше никогда ее не видел?

— Нет. Мир так велик. Каковы шансы встретиться с ней опять? Я даже имени ее не помню. Знаю только, что все звали ее Вава́… Что с тобой, АА?

Тяньмин заметил, что ее глаза наполнились слезами, а дыхание участилось. И смотрела она на него с каким-то странным выражением…

Улыбка АА была больше похожа на гримасу.

— Даже имени не помнишь, значит? Могу помочь. Ее звали Ай Сяова́.

* * *

До сих пор Тяньмин полагал, что после того, как он узнал правду о десятимерной вселенной, его больше ничем не поразить. Он ошибался. Сильнее всего нас потрясают не великие тайны мироздания, а личные, дающие пищу для чувств открытия, которые и определяют пути наших судеб.

Тяньмин был совершенно сбит с толку. Он никогда и вообразить бы не смог, что девочка, которую он когда-то знал, имеет какое-то отношение к ⊠АА, ведь АА родилась через два века после того давно ушедшего лета.

Но АА была права. Ту девочку действительно звали Ай Сяова. Тяньмин на самом деле не забыл ее имя, он просто не желал помнить подробности. Подсознательно он все еще цеплялся за нелепую иллюзию, что той девочкой, возможно, была маленькая Чэн Синь.

«Откуда АА знает об этом?» — Тяньмин смотрел на собеседницу во все глаза. Да, когда она была рядом, у него постоянно возникало странное ощущение, что он знает ее очень давно. Неужели она просто угадала имя? Да нет, не может быть. Вглядываясь в АА, он постепенно стал улавли-

вать в ее чертах смутное сходство с Сяова. Правда, в те давние времена его подружке было всего одиннадцать, и если даже предположить, что ▯АА и Ай Сяова — один человек (что попросту невозможно), вряд ли бы он ее узнал.

Неужели АА происходит из Общей Эры? Нет, это невозможно. Тяньмин, конечно, не был досконально знаком с прошлым своей подруги, но ее привычки, речь и общая манера поведения, несомненно, были продуктами мира, на двести лет отстоящего от его детства. Подделать эти особенности невозможно. Все, что он узнал о ней — и раньше, через софоны, и за последний год, проживая с ней каждое мгновение каждого дня, — убеждало его в этом на все сто.

«Разве что она легла в гибернацию в одиннадцатилетнем возрасте. Но тогда, в… в девяностых годах XX века, такой технологии еще не существовало».

Многочисленные предположения теснились в голове Тяньмина, но ни одно не выглядело правдоподобным. Попросить бы АА рассказать обо всем, но выяснилось, что Тяньмин не способен даже составить вразумительную фразу:

— Как… ты… что…

— Перестань задавать вопросы, — сказала АА,

мягко закрывая ему рот рукой. — Просто слушай, хорошо? Есть кое-что важное, и я давно собиралась тебе это рассказать, но не знала, как подступиться.

Перестань винить себя в гибели человечества, мой дорогой. Единственный, кто ответствен за нее, — не ты и не Чэн Синь. Это… я.

— Что ты такое говоришь?!

— Я сыграла во всех событиях куда более значительную роль, чем ты думаешь. Но нужно начать с Общей Эры. Существовал один человек, вовлеченный в сложные отношения между тобой и Чэн Синь еще в тот период… но он оставался в тени, как этот твой Скрывень.

Ее имя было Ай Сяова, или Вава, как называли ее все. Девочка любила сказки и была большой фантазеркой. Однажды на летних каникулах она отправилась в гости к тете в другой город. Тетя жила в высотном здании — одном из целого леса таких же домов. Прошло несколько дней после приезда, а Вава все еще толком не ориентировалась в округе. Однажды она постучалась в дверь, которую сочла дверью своей тети. Когда ей открыл странный мальчик на несколько лет старше ее, она поняла, что заблудилась и попала не в тот дом. Испугавшись, она расплакалась.

Мальчик привел ее в гостиную и предложил мороженого. Девочка немного успокоилась.

Тяньмин вспомнил первую встречу с Вава, и уголки его рта приподнялись в улыбке. Напряженное желание узнать, в чем же тут дело, уступило место теплоте воспоминания.

— Мальчик предложил отвести ее домой, — продолжала АА, — но Вава не могла назвать точный адрес; она знала лишь, что дом где-то по соседству. Они обошли соответствующие квартиры в других домах микрорайона, но либо на звонок никто не отвечал, либо им говорили, что они ошиблись. Наконец, исчерпав все идеи, мальчик привел Вава в садик около своего дома. Оставалось надеяться, что тетя хватится племянницы и примется ее искать.

Они ждали несколько часов. Чтобы время шло быстрее, мальчик рассказывал Вава истории, а она в ответ рассказывала ему свои. Им было очень здорово вместе, но тут появилась тетя девочки и забрала ее домой.

АА ненадолго умолкла, а потом спросила:

— Тяньмин, помнишь историю, которую Вава не успела рассказать до конца?

Тяньмин покачал головой. Подробностей он и в самом деле не помнил.

— Сказка называлась «Даритель звезд». В ней юная принцесса, объезжая свое королевство, встречает странного юношу. Юноша говорит принцессе, что хочет подарить ей звезду, но она ему не верит и приказывает стражникам прогнать его с глаз долой.

Дальше в сказке много еще всего случается, а потом мачеха принцессы, королева, собирается убить падчерицу. Принцесса убегает из дворца. Королева гонится за ней во главе целой армии. И когда принцесса уже готова потерять надежду, со звезды падает веревочная лестница. Принцесса хватается за нее и карабкается все выше и выше. Королева и ее армия лезут за ней. Наконец со звезды протягивается рука и поднимает принцессу наверх. Это тот странный юноша. Они обрезают лестницу, королева и вся ее армия падают и разбиваются насмерть.

А принцесса с юношей жили потом долго и счастливо.

Давно похороненное воспоминание понемногу всплыло из глубин памяти Тяньмина. Он припомнил и эту историю, и много чего другого. В течение тысяч субъективных лет, пока он спал в плену у трисоляриан, эта нехитрая детская сказка оживала в его снах под разными личинами. Он

думал, что это отзвук его давнего поступка, когда он подарил Чэн Синь звезду. Сейчас же оказалось, что, скорее всего, дело было наоборот: у него родилась мысль подарить Чэн Синь звезду, потому что его подсознание помнило эту историю. Детская придумка изменила всю его жизнь, а он этого даже не сознавал.

— Потом Вава часто приходила и звала тебя гулять. То лето стало одним из самых прекрасных ее воспоминаний. Наверное, ты помнишь, что вы пообещали друг другу встретиться на следующее лето, но через год, когда она вернулась в твой город, оказалось, что ты переехал. Вы потерялись.

Веселость и беззаботность покинули АА. Ее голос звучал спокойно, но был пронизан осенней прохладой. Налетел ветер — такой же печальный и унылый, как ночной ветер на Земле. Тяньмин почувствовал, как увлажнились его глаза.

— Вот так и прервалась детская дружба. Прошло десять лет, Вава окончила колледж, поступила на работу. По совпадению она оказалась в том же городе, что и ты. Она не видела тебя с того лета, когда ей исполнилось одиннадцать. Иногда она думала о мальчике, которого знала когда-то, и задавалась вопросом, что с ним стало. Что у него за работа? Есть ли у него семья? Все это было

лишь праздное любопытство.

И тут вы встретились при совершенно неожиданных обстоятельствах.

— Мы встречались?! — От потрясения Тяньмин надолго замолчал. Он совсем не помнил, чтобы видел где-либо повзрослевшую Ай Сяова. Но глядя на нежное печальное лицо своей подруги, он снова почувствовал, как усиливается ощущение близкого знакомства. И наконец ему удалось сосредоточиться на одной сцене, подернутой туманной дымкой воспоминания.

— АА, я… я действительно видел тебя! В Общую Эру я где-то тебя встречал!

* * *

В голове Тяньмина воцарился хаос, когда он попытался найти среди своих воспоминаний обладательницу знакомого лица. Школа, колледж, работа в компании, больница… До ухода с Земли он вел очень простую жизнь и знал всего нескольких женщин своего возраста. Но как ни силился, не мог припомнить никого, похожего на ☒АА, хотя сейчас был уверен, что видел ее где-то. Где?

Может, она — та студентка, что сидела напротив него в библиотеке? Или они вместе поднимались

в лифте, когда он шел на работу? А может, она была соседкой по съемной квартире? Лица мелькали перед его мысленным взором, но ни одного подходящего среди них не было. Он вспомнил только один эпизод: кто-то, напоминающий АА, смотрит на него с выражением любопытства. Где же это было? Все остальное стерлось из памяти, осталось только лицо.

АА засмеялась — по-видимому, над самой собой:

— А я-то надеялась, что ты хоть что-нибудь помнишь! В твоей жизни это был важный момент, возможно, даже самый важный. В тот день… — она указала на садящееся солнце, — …ты купил эту звезду.

«Тот день!»

Воспоминание, упрятанное в дальний углу памяти, ожило — такое ясное, как будто все случилось вчера. Тяньмин получил эсэмэску от Ху Вэня, а затем попросил доктора Чжана ненадолго отпустить его из больницы. Он добрался на такси до пекинского офиса ЮНЕСКО, вошел в штаб-квартиру проекта «Наша цель — звезды». Там его встретили директор проекта и доктор Хэ… Погоди-ка, там был кто-то еще! Кто? «Думай!» Он вошел в офис, и первой, кого он там увидел,

была…

«О господи, неужели…»

Тяньмин втянул в себя воздух. Указав на АА, он, запинаясь, произнес:

— Ты… ты была секретарем приемной! Но… но… но как?..

— То была не я. — АА помотала головой. — То была твоя подруга детства Ай Сяова — мое… предыдущее воплощение.

Тяньмин не понял, что имела в виду АА, говоря про «предыдущее воплощение». Он мысленно вернулся в тот день: да, секретарь приемной была очень заботлива, принесла чаю, убедилась, что ему удобно, время от времени прерывала работу, чтобы взглянуть на него — иногда с любопытством, иногда с восхищением. Больше он ничего толком и не помнил. Необыкновенная красота девушки должна была бы произвести на него более глубокое впечатление, но он умирал, в его душе было пепелище, ум занят исключительно Чэн Синь. После этого эпизода он никогда не вспоминал о молодой секретарше, и уж конечно, ему никогда бы и в голову не пришло, что она имеет какое-то отношение к ▩ АА.

— Для тебя она была лишь незнакомкой, пересекшей дорогу твоей жизни и ничем не от-

личавшейся от тысяч других таких же прохожих. Но встреча с тобой изменила ее судьбу.

Сяова поначалу не узнала тебя. Когда ты сказал, что хочешь купить звезду, она подумала: «Ну вот, сынок богатенького папаши, денег куры не клюют». Внешне изображая энтузиазм, она втихомолку смеялась у тебя за спиной. Но потом, услышав, как ты объясняешь доктору Хэ, что покупаешь звезду для женщины, Сяова вспомнила сказку, которую рассказала когда-то странному мальчику. Присмотревшись к тебе, она поняла, что ты ей знаком. Однако ты отказался называть свое имя. Она знала лишь, что ты покупаешь звезду для женщины, которую зовут Чэн Синь. К тому времени, когда она набралась храбрости, чтобы спросить, тот ли ты, о ком она думает, доктор Хэ увез тебя за город посмотреть на покупку.

Это был последний раз, когда Сяова видела тебя.

Позже Вава узнала твое имя из анкеты, которую ты заполнил при покупке, и поняла, что была права. Она решила, что ты каким-то образом разбогател, и не хотела навязываться. А на следующий день доктор Хэ упомянул, что ты смертельно болен и, скорее всего, твои дни сочтены. Она почувствовала такую жалость, что

решила найти тебя. Но кроме имени ей больше ничего не было известно.

Знаешь, что она в конечном итоге сделала? Ее посетила блестящая идея: пойти на интернет-сайт, который назывался «Фейслук», и поискать тебя по имени. Поскольку имя у тебя довольно редкое, ей удалось найти твою страницу.

— Наверное, не «Фейслук», а «Фейсбук», — поправил Тяньмин.

— Да, кажется, ты прав. Что это был за сайт?

— Это… — Пытаясь рассказать АА о древней технологии, Тяньмин одновременно силился припомнить, когда зарегистрировался на «Фейсбуке». Кажется, он был там не особо активен. Скорее всего, его страница содержала лишь основные сведения.

— Понимаю, — сказала АА. — Помнится, у тебя в «друзьях» был молодой человек по имени Ху Вэнь. Похоже, хороший друг по колледжу…

— Мой единственный друг, — перебил Тяньмин.

— Он был успешным бизнесменом, и у него на «Фейсбуке» значились тысячи друзей. Через несколько дней Вава наконец удалось связаться с Ху Вэнем и получить твои контактные данные. Она помчалась в больницу, но там ей сказали,

что тебя уже увезли. По официальной версии, Чэн Синь забрала тебя в Соединенные Штаты — лечить самыми передовыми методами.

Для Вава это была самая красивая история любви, которую она когда-либо слышала, но она не знала правды… Как бы там ни было, а ее глубоко тронула твоя безнадежная романтичность. И, возможно, именно в этот день она… влюбилась в тебя и поклялась разыскать. Вава не питала никаких особенных надежд, знала лишь, что хочет увидеть тебя вновь. Ей не было известно, что ты в это время уже летишь сквозь космос.

Дальнейшая ее жизнь сложилась, можно сказать, трагично. Следующие три-четыре года она искала тебя. Уволилась с работы и отправилась в Америку — найти Чэн Синь. Но к тому моменту Чэн Синь уже легла в гибернацию, так что Вава ничего не добилась. Наконец до нее дошел слух, что ты тоже лег в гибернацию, чтобы попасть в будущее. У Вава такой возможности не было, и ей пришлось сдаться.

Позже она неплохо устроилась в жизни. Основала интернет-бизнес и сделала кое-какие деньги. Ее полюбил мужчина, и хотя он был небогат, он был почти так же романтичен, как ты, и это ее тронуло. Она стала его любовницей, и ей

выпал недолгий период счастья. Вскоре, однако, ее другу поставили смертельный диагноз, и Вава отдала ему все свое состояние на лечение. К несчастью, он оказался мошенником — исчез из ее жизни, забрав денежки. Полагаю, если бы он не напоминал ей тебя, она не поддалась бы на эту уловку так легко.

Тяньмин вздохнул, а голос АА помрачнел еще больше.

— Но это еще не самое плохое. Вава уже начала приходить в себя, как вдруг узнала, что тот мерзавец наградил ее ВИЧ. Через несколько мучительных лет она умерла.

Тяньмин и представить себе не мог, чтобы его подругу детства постиг такой ужасный конец. Он помнил цветущую молодую женщину с солнечным характером, встретившую его в офисе проекта «Наша цель — звезды». Как мог он в тот момент знать, что в прошлом их связывала теплая дружба, а впереди ждало непредсказуемое будущее?

— Вава понимала, что ее жизнь сломана, но отказывалась это принять. Отказывалась наотрез. — Глаза АА блестели от слез.

— Когда она умирала, ей едва исполнилось тридцать. Детей у нее не было. Вава продала то

немногое, что у нее оставалось, чтобы сохранить свои стволовые клетки в генетическом банке. Она надеялась, что когда-нибудь ее клонируют, и тогда она сможет прожить вторую жизнь. В те времена многие питали те же надежды, но у миллионов людей во всем мире не было возможности лечь в гибернацию и таким образом уйти в будущее, поэтому они тратили последние сбережения на то, чтобы сохранить свои стволовые клетки в генетических банках. Во время Великой пади и Эры Кризиса никто о банках не заботился и никто никого не клонировал. Бóльшая часть этого генетического материала погибла, но Вава повезло — ее клетки сохранились.

Согласно подписанному ею контракту, ее клетки должны были храниться в течение двухсот лет. Если к тому времени никто не выразит желания клонировать ее, клетки должны быть уничтожены. Прошло двести лет, и в середине Эры Устрашения человечество вернулось в стабильное состояние. Гуманизм и присущие ему ценности снова обрели значение. Появились люди, которые организовали Лигу защиты генетических материалов. Они ратовали за то, что клетки, ожидающие клонирования, — это тоже люди и у них есть право на жизнь. Эти активисты

собрали немного денег на наше клонирование. Фондов на всех не хватало, поэтому клонировали всего один-два процента всех сохранившихся клеток. Не знаю, почему выбрали меня — может, потому, что я была красивая. Вот так и получилось, что двести лет спустя надежды и мечты моего прежнего воплощения продолжали жить…

— Почему ты все время употребляешь этот термин? — спросил Тяньмин.

— Жаргон клонов. Если наши доноры на момент нашего возрождения были еще живы, мы называли их родителями, а если нет — мы звали их предыдущими воплощениями. По существу, мы были сиротами и таким образом пытались обрести корни во времени. Сяова, мое предыдущее воплощение, оставила мне длинное письмо, в котором во всех подробностях рассказывала историю своей жизни. Она также посоветовала мне не быть дурочкой и жить не напрягаясь. Вот так я и узнала твою историю, узнала про звезду DX3906. И вот почему я выбрала ее темой своей диссертации.

АА замолчала, будто собираясь с силами, прежде чем продолжить рассказ.

Семьсот лет превратностей судьбы соединяло

их. То, что выглядело случайной встречей, оказалось любовью, начавшейся еще в прошлой жизни. В этот момент каждый из них слышал биение сердца другого.

Пытаясь прогнать ощущение неловкости, АА рассмеялась:

— Пожалуйста, пойми меня правильно, Тяньмин. «Предыдущее воплощение» — это только термин, которым мы пользуемся. Я не Ай Сяова. И уж точно не такая глупенькая. Хотелось только, чтобы ты знал: ты никогда не был один. Даже в те годы, когда ты чувствовал себя полностью оторванным от мира, всегда был кто-то, кто думал о тебе. Когда твой замороженный мозг летел сквозь тьму космоса, кое-кто искал тебя на Земле… — Она еле удержалась, чтобы не выпалить то, что хотела сказать.

И это была не Чэн Синь.

После долгого молчания Тяньмин прошептал:

— Я Жан-Кристоф, а она моя Антуанетта.

* * *

Несколько мгновений спустя АА собралась с духом и продолжила открывать свои тайны.

— Собственно говоря, это я несу ответственность за пробуждение Чэн Синь. Узнав, что она

легла в гибернацию в период Общей Эры, я попыталась разыскать ее. В год, когда должны были избрать Держателя Меча, я наконец нашла записи о ней. Она не была какой-то значимой фигурой, и правительство не собиралось будить ее. Но этого хотела я — чтобы познакомиться с твоей первой любовью, женщиной, которую Сяова, мое предыдущее воплощение, никогда не встречала. Как раз в этот момент я обнаружила две планеты около звезды DX3906; одна из них — та, на которой мы сейчас живем. Поскольку каждый год открывалось по нескольку сотен экзопланет, большинство людей не обращали на подобные новости никакого внимания. И все же я рассказала о своем открытии одной знакомой журналистке, а та раскопала историю о том, как почти триста лет назад Чэн Синь подарили звезду. Она накатала очерк, снабдив его достаточным количеством преувеличений, чтобы пробудить интерес у публики и правительства. И вот результат — моими усилиями Чэн Синь вывели из гибернации. Я постаралась, чтобы меня назначили ее помощницей — мне хотелось узнать ее получше, — и нежданно-негаданно мы подружились… Вообще-то в мои намерения вовсе не входило поднимать такой шум, чтобы

общественность захотела сделать ее Держателем Меча.

Кровь отхлынула от щек Тяньмина. Подумать только — за судьбу Чэн Синь, оказывается, ответственна ее подруга!

— Очень сожалею, Тяньмин. Я просто поддалась любопытству. Правда не хотела ничего такого… — Голос АА затих, лицо выражало страдание.

Тяньмин не мог говорить. Он попытался представить, как бы все обернулось, если бы не вмешалась АА или если бы она разбудила Чэн Синь на несколько лет позже.

Что было бы, если бы вместо Чэн Синь в выборах приняли участие другие кандидаты с похожими взглядами? А вдруг игра Томаса Уэйда все-таки увенчалась бы успехом, и Земля тогда не была бы разрушена? В этом случае Чэн Синь тихо-мирно прожила бы остаток своей жизни на Земле… или, быть может…

— Я носила в себе эту тайну столько лет… Получается, что человек, на котором лежит наибольшая ответственность за гибель Земли, — это не Чэн Синь или ты, а я. После катастрофы я пыталась утешить Чэн Синь, но на самом деле я по большей части утешала себя. Если бы не мое

любопытство, все могло бы пойти по-другому.

Тяньмин закрыл глаза, его лицо напряглось, как будто он пытался что-то вспомнить. АА, побледнев, проговорила:

— Можешь обвинять меня, но, пожалуйста, не обвиняй Ай Сяова. Она не имеет к этому никакого отношения. Она хотела сказать тебе…

— Нет, — прервал ее Тяньмин. — Я не собираюсь ни в чем тебя обвинять. Я только подумал, что если бы кандидатом стал кто-то другой и Уэйд попытался его убить, я все равно спас бы этого человека.

У любого следствия есть причина, АА, но не все причины ответственны за следствия. Попытка установить все причины и все следствия заведет в бесконечный лабиринт. Ни один человек не принимает независимых решений; выбор каждого из нас зависит от мнений и действий множества других людей. Если посмотреть с более широкой перспективы, Чэн Синь стала Держателем Меча по воле всего человечества; ее выбор был выбором человечества, ее ценности были человеческими ценностями. Если посмотреть на конкретику, то Чэн Синь сделала то, что сделала, потому что ее разбудила ты; ты разбудила ее из-за меня; меня послали в космос из-за Чэн Синь; Чэн

Синь легла в гибернацию из-за меня… А начало всему этому положил Томас Уэйд, захотевший убить Чэн Синь. Вот такой запутанный клубок.

Если отступить еще на шаг назад — Е Вэньцзе, Ло Цзи и Чжан Бэйхай могли сделать иной выбор, чем изменили бы течение истории. Кто знает, что тогда могло бы случиться? Нет смысла обсуждать эти предположения, потому что факт остается фактом: человечество ушло в небытие… Хотя нет, не совсем. Судя по тому, что ты рассказала мне о Гуань Ифане, похоже, галактическое человечество проложило себе новый путь. Но Земли и Солнечной системы больше нет, и с этим ничего не поделаешь.

— Верно, — кивнула АА. — Ничего не поделаешь.

— Но это еще не все! — Тяньмин воодушевился. — Возможно, Земля и Солнечная система — это только маленькое, незаметное начало. Через тысячу лет, через десять тысяч или даже больше, оглядываясь на гибель Земли, мы будем смотреть на нее как на падение Константинополя. Знаешь, что произошло там?

АА кивнула, но тут же помотала головой.

— Читала в школьных учебниках, но подробностей не помню.

— Я тоже поначалу знал эту историю лишь в общих чертах, — сказал Тяньмин. — Но, пребывая на трисолярианском корабле, я посвятил бессчетные часы чтению и раздумьям о судьбе человечества и обнаружил, что история, этот непредсказуемый проводник, может завести не туда, куда ожидалось. Более двенадцати веков назад, в 1453 году, Константинополь пал под напором турок-османов. Это был конец Восточной Римской империи, просуществовавшей тысячу лет. Крепость Европы пала, весь континент трепетал перед могущественными османскими завоевателями.

Никто в те времена и помыслить не мог, что эта трагедия станет катализатором возрождения Европы и положит начало современной цивилизации. Многие ученые бежали из Константинополя в Западную Европу, взяв с собой лучшее из того, что могла предложить греко-римская культура, и тем самым способствовали наступлению эпохи Ренессанса. Вдобавок, поскольку Османская империя находилась между Европой и Азией, европейским торговцам пришлось разведывать новые пути в Индию и Китай — так началась Эпоха географических открытий. Прошло всего сто лет, и испанские, португальские, голландские

и английские первопроходцы обогнули земной шар и заложили основу для новой цивилизации, способной совершить такие чудеса, о каких не мечтали даже римляне, не говоря уже о людях Средневековья.

Учитывая все это, кто станет утверждать, что гибель Солнечной системы — это не начало намного более грандиозной и величественной Эпохи Галактического человечества?

Глаза АА загорелись. Собеседники с энтузиазмом принялись обсуждать перспективы человечества. Возможно, люди станут осваивать одну планетарную систему за другой, распространятся по всему Млечному Пути, учредят новые республики, империи и федерации; а может, они построят суперфлот, состоящий из миллиардов и миллиардов кораблей, и будут вечно скитаться между звезд; а может, их цивилизация разовьется настолько, что они, подобно богам, смогут повернуть вспять течение времени и изменить историю…

Но наконец Тяньмин вернулся в настоящее и горько расхохотался:

— Все это хорошо, да нам-то от этого никакого проку! Мы до конца своей жизни не вырвемся из этого черного домена, и даже если Галак-

тическая Эра наступит, мы обратимся в прах задолго до ее прихода. И все же я благодарен тебе, АА. — Тяньмин смотрел на нее глазами, полными любви. — Ты освободила меня от оков прошлого. Любовь к Чэн Синь, как и моя вина перед человечеством, отягощали меня. Но поскольку мы делали то, что считали правильным, нет причин связывать себя пустыми соображениями долга. Ни тебе, ни мне. Давай жить настоящим и наслаждаться радостями будущего. Договорились?

АА засмеялась, хотя из ее глаз текли слезы. Они обнялись, став ближе друг к другу, чем когда-либо раньше.

После долгой паузы АА нежно прошептала Тяньмину:

— В конце своего письма Сяова попросила передать тебе кое-что, на случай если я когда-нибудь тебя встречу.

Записка, проплывшая семьсот лет по реке времени, сейчас найдет своего адресата. Сердце Тяньмина бешено колотилось.

— Она написала: «Живи и будь счастлив».

Тяньмин ничего не сказал, но АА почувствовала, как что-то влажное упало ей на плечо.

– *Мы* будем жить счастливо, — проговорил Тяньмин.

Ночь на Голубой планете недолгая. Розовые персты показались над восточным горизонтом, и тепло окутало влюбленных, прошедших через столько испытаний и, возможно, только сейчас полюбивших друг друга по-настоящему. Вокруг них все живое на Голубой планете встрепенулось и обратилось на восток, чтобы начать свою утреннюю кантату, причудливую и притягательную, словно романс, только что написанный для этих двоих.

Влюбленные, поглощенные друг другом, не заметили, как на светлеющем небе вместе со звездами погасла маленькая движущаяся искорка. На этом корабле, путешествующем с пониженной скоростью света, прошла всего одна секунда. Чэн Синь и Гуань Ифань еще не оправились от ужаса и шока, постигших их при внезапном расширении линий смерти. Ифань обхватил голову Чэн Синь ладонями; их лица были прижаты друг к другу. Их, словно бутылочку, которую тибетский паренек бросил в ручей, подхватил бессердечный поток времени. Где они окажутся в конце — бог весть…

Две пары влюбленных, разделенные рекой времени, уносились друг от друга все дальше и дальше. Возможно, больше они никогда не

встретятся.

Возможно.

Часть II
Путь чая

Эра Голубой планеты,
год 63-й,
наша звезда, наш мир.

Еще один закат.

Солнце, наполовину скрывшееся за горами, понемногу угасало. Кантата жизни продолжалась, как обычно. Все было так же, как в тот вечер, когда состоялась их знаменательная беседа, шестьдесят один год Голубой планеты назад, — на Земле прошло бы около сорока лет.

Вот только наши герои больше не были молоды.

Серебряноволосая □ АА, завернутая в сплетенную из травы циновку, с умиротворенной улыбкой на морщинистом лице лежала в продолговатой яме. Ее тело занимало левую сторону ямы, оставляя правую свободной. Юнь Тяньмин, чья спина согнулась от старости, сидел на краю могилы в глубокой задумчивости.

Сегодня утром его жена наконец стряхнула

свою тленную оболочку[10] и погрузилась в долгий-долгий сон. Он скоро последует за ней.

Тяньмин вспоминал тот момент, когда увидел ее впервые много лет назад; вновь переживал их первое объятие и ту ночь, когда они впервые открыли друг другу сердца, последующие годы, наполненные радостью и трудом; он повторил слова, которые они вырезали на утесе в прошлом году: «Мы прожили счастливую жизнь вместе».

Он вспомнил благословение, пришедшее к ним из такого далекого времени, что казалось, будто оно явилось из глубин истории: «Живи и будь счастлив».

«Была ли моя жизнь счастливой?»

После одинокого детства и такой же одинокой молодости, после периода отчаяния в больнице, после нечеловеческого существования в виде замороженного мозга, пронизывающего глубины космоса, он десятилетие за десятилетием терпел пытки на борту трисолярианского корабля, — долгий кошмар, продлившийся десятки тысяч субъективных лет. А затем ему пришлось

---

[10] Примечания: 10

У. Шекспир, Гамлет: «Какие сны в дремоте смертной снятся, Лишь тленную стряхнем мы оболочку...» *(Перевод К. Р. Под этим псевдонимом скрывается великий князь Константин Константинович, внук императора Николая I.)*

испытать еще более страшное мучение: он беспомощно наблюдал, как его соплеменников поставили на грань вымирания. Но вот наконец, воспользовавшись помощью магического кольца, он оставил флот трисоляриан и прибыл к этой звезде, где они с Чэн Синь условились о свидании.

Но его встретила здесь другая женщина. Он узнал, что их связала сложная запутанная сеть судьбы, полюбил ее и провел вторую половину жизни рядом с ней.

Если подходить с материальной меркой, вторую половину его жизни тоже нельзя было назвать счастливой. Первые два года на Голубой планете прошли относительно легко, но на третий волшебное кольцо исчезло.

«Кольцо» не являлось твердым телом, оно представляло собой светящуюся нить из нематериального волокна. Его, как и ту мини-вселенную, подарил Тяньмину Дух.

Найди Скрывня и вступи в противоборство с ним… кольцо поможет тебе…

Очнувшись от последнего кошмара, в котором он видел Духа, Тяньмин расшифровал еще несколько идеабстракций, заложенных в его разум. Возможно, его пришедший в себя мозг

запустил некий механизм, и на пальце Тяньмина вдруг появилось кольцо. Его серебристое свечение напоминало о Духе.

Он потратил несколько дней, чтобы понять, как обращаться с кольцом. Оно подчинялось его разуму напрямую — тут действовали какие-то неслыханные технологии. Например, кольцо могло открыть вход в мини-вселенную; подобрать код и установить контроль над компьютерной системой трисолярианского корабля; модифицировать структуру корабля для придания ему невероятной скорости и других характеристик; могло материализовать любые маленькие объекты по желанию Тяньмина и т. п. Он освоил лишь малую часть бесконечных возможностей кольца. Чтобы овладеть всем его потенциалом, с кольцом надо говорить на языке идеабстракций, а этой способностью Тяньмин не обладал.

Что смущало — так это зачем Дух вручил ему такой мощный инструмент. Сам Дух, скорее всего, представлял собой искусственный интеллект, которому была необходима помощь в борьбе с таинственным Скрывнем. Но почему Дух решил, что ему, Тяньмину, по плечу такой груз? Как может самый обычный человек, значимый не более, чем сгусток ионизированного газа в огромной

Вселенной, противостоять дьяволу, погубившему богоподобные цивилизации? Это же абсурд!

Понемногу возвращались все новые заблокированные воспоминания. Во время разговора с Духом полубезумный и почти впавший в кому Тяньмин не согласился на просьбу Духа. Даже находясь в почти бессознательном состоянии, он и помыслить не мог о том, чтобы бороться со столь могущественной темной цивилизацией. Вот как проходил их разговор с Духом:

— Зачем вы мне все это рассказываете? Я не хочу становиться Искателем!

— У меня мало времени. С каждой секундой я слабею. Эта Вселенная слишком скудно населена. После того как я оставлю тебя, вряд ли мне удастся найти другую жизненную форму, подходящую для этой миссии.

— Я не подхожу. Эта задача мне не по силам! Я отказываюсь!

— Мне не нужно твое согласие.

— Не понимаю…

— Когда-нибудь поймешь.

Но Тяньмин так и не понял, что имел в виду его необычный собеседник. Наверно, решил он, Дух разглядел в глубине его разума что-то, давшее ему основания считать, что Тяньмин со временем

согласится на эту невозможную миссию. К тому моменту, когда Тяньмин покинул трисоляриан-ский флот и пустился в путь сквозь Галактику на светолете, он исполнился отваги и идеализма и поклялся уничтожить этого злого космического Сатану. Но, угодив в черный домен на маленькой голубой планете, он потерял боевой задор и надеялся лишь на то, чтобы обрести немного счастья, доживая свои дни с любимой женщиной.

Возможно, волшебное кольцо исчезло именно из-за этой перемены настроя? А может, что-то в планетарной системе, накрытой черным куполом, ослабило его силу. Ведь как бы там ни было, а $E = mc^2$. Если скорость света снизилась до нескольких километров в секунду, то, наверное, энергия тоже значительно сократилась? Тяньмин не был физиком-теоретиком и не смог найти ответ. Но в этом мире, где свет двигался с невероятно низкой скоростью, могло случиться всякое. Даже всезнающий Дух, вероятно, не способен был предугадать всё.

Тот же феномен, что забрал у кольца силу, вероятно, вытянул и всю энергию из его космического корабля. После исчезновения кольца Тяньмин и АА больше не имели доступа к передовым технологиям. Последние несколько десятилетий они

жили в доиндустриальном, нет, почти в каменном веке.

Единственным выходом отсюда могла служить мини-вселенная, но они сами отрезали себе путь туда.

Много лет спустя, когда Чэн Синь приземлилась на Голубую планету, она высказала кое-какие догадки относительно жизни Тяньмина и АА, и частично они были правильными. Первая из них та, что АА отказалась уйти в мини-вселенную. Услышав историю Тяньмина, АА стала воспринимать крохотную вселенную скорее как могилу, а не как дар. Ей не улыбалось пересечь временной океан в десять миллиардов лет, чтобы стать свидетелем конца мироздания. В АА жило предчувствие, что как только они войдут в мини-вселенную, Тяньмина охватит неудержимое желание исполнить миссию, о которой говорил Дух, и он отправится в конец всего известного и неизвестного, чтобы сразиться со Скрывнем и спасти этот неполноразмерный космос. Она отказалась войти туда, потому что не желала видеть, как ее любимый взвалит на себя неподъемный груз и рухнет под тяжестью неудачи.

А Тяньмин, само собой, не мог оставить АА в одиночестве. И так они подождали один день,

потом другой…

Позже, когда кольцо исчезло, для АА войти в мини-вселенную стало и вовсе невозможно. Тяньмин мог изменить параметры доступа только с помощью кольца, а правом на вход обладали лишь он и Чэн Синь. АА предстояло навсегда остаться снаружи.

Тяньмин предположил, что, возможно, ему удастся изменить настройки изнутри, но он боялся оставлять АА даже на одно мгновение. Он знал, что время внутри мини-вселенной течет независимо от времени в большой Вселенной, и если даже он сразу же вернется назад, на Голубой планете могут пройти миллионы лет. Ожидая, когда ей можно будет пойти вслед за ним, АА обратится в прах.

Он не мог покинуть ее, но еще больше он боялся остаться один. Все, что им оставалось, — стареть вместе на этой планете.

На третий год их жизни здесь АА забеременела. Без защиты волшебного кольца было очень трудно обеспечить здоровую беременность. На сроке в два месяца у АА случился выкидыш. Она потеряла огромное количество крови и выжила просто каким-то чудом. Получив сильнейшую травму, она больше не смогла забеременеть.

Тяньмин счел это скрытым благословением. Если бы у них появились дети, то без доступа к передовым технологиям им было бы трудно выживать на этой пустынной планете. Кроме того, чтобы размножаться, им пришлось бы пойти на кровосмешение, а тогда стали бы накапливаться наследственные дефекты. Он воображал, как через несколько поколений их потомки утеряют всякий налет цивилизованности и превратятся в отвратительных, жестоких полузверей. От одной только мысли об этом его бросало в дрожь.

А поскольку ему было известно, что в нескольких сотнях световых лет отсюда галактическое человечество — удачливые потомки команды «Гравитации» — продолжает жить и развиваться, распространяя колонии по всей Галактике, то на него не давило чувство долга, требующее обеспечить выживание расы.

Они с АА любили друг друга и жили вместе. Разве это не счастливая жизнь?

В материальном отношении они жили подобно большинству примитивных племен. В духовном плане их дни были наполнены болью и страхом — страхом потерять любимого человека и остаться в одиночестве. Во сне они жались друг к другу; бодрствуя, никогда не упускали друг

друга из вида. В моменты, когда один из них всего несколько секунд не видел другого, они впадали в панику; самое крохотное охлаждение в супруге ощущалось как удар в сердце. В их браке не было семилетнего кризиса; каждый день они смотрели друг на друга с нежностью, и не важно, сколько морщин прибавилось на их лицах и сколько седых волос на головах, ибо они знали: каждый взгляд может оказаться последним.

И все же боль и страх были перемешаны с не поддающейся описанию нежностью и сладостью. Во всей Галактике и во всем мироздании не было другой такой любви, как у них.

Да, они прожили счастливую жизнь.

Но вот пришел последний день. Сегодня утром АА уснула в его объятиях и больше не проснулась. Она умерла тихо, с улыбкой на устах. Тяньмин не ощущал сильной скорби, потому что знал, что скоро последует за ней.

Его больше ничто не удерживало в этом мире. Смерть могла прийти к нему уже очень давно — если быть точным, семь веков назад, в палате для эвтаназии. Он получил отсрочку на семьсот лет и жил дольше, чем любой другой представитель рода человеческого, исключая Чэн Синь.

«Единственный человек, который любил меня

в этом мире, мертв. Больше меня здесь ничто не держит».

Было мгновение, когда он подумывал о том, чтобы войти в мини-вселенную, взглянуть на этот таинственный приют, оберегающий от разрушительного воздействия времени. Но его охватил стариковский страх — он не мог вынести мысли о разлуке с женой во времени и пространстве, мысли о том, чтобы умереть в одиночестве и не иметь даже возможности пойти за утешением на могилу жены. Он был стар, слаб, немощен. Нечего ему делать в мини-вселенной. Ему хотелось уйти с миром. Любопытство в нем уже умерло; он и так знал слишком много.

Он знал, как будет выглядеть смерть Вселенной. Миллионы сверкающих галактик разгладятся в величественный свиток, который вытянется в бесконечную серебряную нить; та сожмется в яркую точку, а затем погаснет. Даже сама тьма исчезнет. После «конца» не будет ничего. Ничего.

Он видел будущее Вселенной: никакой тепловой смерти, никакого Большого сжатия и, разумеется, никакого нового Большого взрыва. Вселенная превратится в ничто и канет в пустоту. Такова была правда, стоящая за сокращением размерности: уничтожение каждого измерения

поглощает бесконечное количество материи и энергии, приводя к небытию.

Суета сует; всё суета.

Он вспомнил стихотворение, которое читал в колледже, когда-то очень давно:

Так кончится мир —
Не как взрыв, а как всхлип[11].

Ни до чего этого ему нет дела. Через несколько часов он уйдет в бессмысленность, которая переживет всё в мире, и вокруг не будет никого, кто бы всхлипнул по нему.

Зачем утруждаться стиранием пыли,
Когда само зеркало – ничто?[12]

Всю вторую половину дня Тяньмин копал могилу для АА и себя самого. Он был слишком стар для такой тяжелой работы и вскоре весь покрылся потом, появилась одышка. Пришлось много раз останавливаться для отдыха. Он подумывал, а не упасть ли попросту на месте, но мысль о том, чтобы умереть и не быть похороненным, претила

---

[11] Примечания: 11

Т. С. Элиот, «Полые люди».

[12] Примечания: 12

Коан мастера Хойнэна (638–713 гг. н. э.), шестого и последнего патриарха чань-буддизма. (*Прим. К. Л.*)

его человеческим привычкам, несмотря на то, что этим он облегчил бы жизнь червям Голубой планеты.

Солнце закатилось за горизонт, и его пламя затухло. Наконец угас и последний свет дня. Время пришло.

Зажав в левой ладони срезанный локон волос ☒АА, Тяньмин спустился в могилу и лег рядом с женой. Правой рукой он стал сгребать землю, наваленную по сторонам могилы, обратно в яму, засыпая нижнюю половину их тел. И, наконец, он взял в дрожащие руки старый ржавый кусок металла, который принес со своего старого ржавого корабля.

Тяньмин поднял глаза к небу, где из мрака ему подмигивало несколько холодных ярких звезд. Солнца среди них не было — оно погасло более трехсот лет назад. В молодости ему бы и во сне не приснилось, что Солнце умрет раньше него.

А еще по небу ползла мерцающая серебристая точка — корабль Чэн Синь и Гуань Ифаня. Все последние десятилетия Тяньмин часто видел, как он обращается вокруг планеты с характерной для этого черного домена пониженной скоростью света. Для обитателей корабля все эти годы продлятся несколько минут, а может, и вовсе

несколько секунд.

В один прекрасный день они приземлятся на поверхность планеты и, возможно, обнаружат мини-вселенную. Войдут ли они туда, чтобы дождаться конца света?

И станут ли они тоже мужем и женой, чтобы жить до конца дней своих, как Тяньмин с АА?

Не имеет значения. К тому времени его кости станут прахом. Он надеялся, что Чэн Синь и Ифань прочтут слова, которые они с АА выбили для них на камне.

Пора. Собрав последние силы, он вонзил щербатый кусок металла себе в сонную артерию и тут же выдернул. Кровь выплеснулась фонтаном, изливая его жизненную силу в почву Голубой планеты.

Он навсегда останется здесь как часть этого мира.

Прежде чем потерять сознание, Тяньмин улыбнулся небу. Он послал благословение женщине, которую когда-то любил всем сердцем и всей душой, — благословение, которое она никогда не услышит:

«Живи и будь счастлива!»

Конец.

* * *

Суета сует; всё суета.

Вначале была бездна, и он был единым целым с бездной. Но в бездне зазвучал, понемногу усиливаясь, голос далекой памяти:

…плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие[13].

Кажется, он в церкви — той, куда его ребенком водила мать. Уснул во время нудной проповеди. Сколько же он проспал? Полчаса, час? Почему мать не разбудила его?

И был свет. Не имеющая формы пустота превратилась в материальную тьму, а потом свет пронизал тьму и рассеял ее. Сквозь туман, окутывавший его едва ворочающийся разум, он ощутил сияние на своих веках. На него что-то светило!

Он открыл глаза. Последние остатки сна по-

---

[13] Примечания: 13
Новый Завет, 1-е послание Коринфянам 15:50–53.

блекли. Он лежал в яме, вырытой в земле, под призрачным темным небом. Лучи звезд — вот что коснулось его глаз.

Нет, не звезд. Источник света находился совсем рядом.

Он поднял левую руку. На безымянном пальце сияло полупрозрачное кольцо.

Внутри кольца помещались кольца поменьше и так далее до бесконечности. Но веса никакого не ощущалось, потому что кольцо было лишь нематериальной проекцией.

Ах вот оно что! Это же его волшебное кольцо — оно вернулось.

Теперь он вспомнил всё. Он не в своей старой церкви — здесь иная планета, иное время.

Сияние кольца осветило половину его обнаженного тела. Он чувствовал, что что-то в нем не так, что-то изменилось. Приподнял голову, взглянул… и застыл, пораженный увиденным.

Гладкая кожа, черные волосы, мускулистая грудь… и ощущение неисчерпаемой силы. Он выглядел и чувствовал себя моложе, здоровее, энергичнее, чем когда-либо в жизни. Вытащил ноги из-под насыпанной на них земли — они бугрились мышцами, словно у греческой статуи.

Изумленный, он повернулся и увидел рядом

полузасыпанную землей фигуру женщины — серебряные волосы, кожа такая морщинистая, словно она его бабушка. Кто бы мог подумать, что она была его женой, а до того как уснуть, он и сам был таким же старым и немощным?

Он вскинул руку и ощупал шею. Абсолютно гладкая. Никаких порезов, никаких шрамов.

Вообще ничего.

Прижал пальцы к сонной артерии — и не ощутил пульса. В ужасе положил ладонь на грудь — сердце не билось.

Он почувствовал импульсивный позыв схватить воздух ртом, но из этого ничего не вышло — он вообще не дышал. Приложил ладонь тыльной стороной ко лбу — лоб был холоден, как камень этой чужой планеты.

Вскочив на ноги, он пробежался вокруг могилы. По ощущениям, все было совершенно нормально. Даже больше: его движения были на удивление плавны и энергичны. Когда он был молод, его больное тело слушалось его гораздо хуже.

Он побежал к озеру. Стоило только мозгу отдать команду, и мышцы сами координировали свои действия так, чтобы выполнить работу с наибольшей эффективностью. Он бежал с грацией гепарда, с уверенностью стрелы. Ноги несли его

по голубой траве быстрее, чем лучших спринтеров в истории человечества. Всего пара-тройка секунд — и он пробежал несколько сот метров.

Он глянул на свое отражение в бледно-желтой воде и в мягком свечении кольца увидел…

…что ему опять восемнадцать.

Нет, даже в восемнадцать он не выглядел таким красивым и сильным. Сейчас он был подобен Аполлону и от него исходил божественный свет.

Через несколько секунд ошеломленного молчания он рассмеялся. Он хохотал так, что того и гляди слезы польются из глаз… но слез у него больше не было.

А ведь мог бы и догадаться. Дух вложил в него слишком много — уж конечно он не отпустил бы его так запросто!

Промедление в несколько десятков, или сотен, или даже тысяч лет не имело значения для Духа. Он попросту дал ему короткую передышку — попрощаться с дорогим ему миром. Сражения в войне, на которую его рекрутировали, длятся миллиарды лет; *что* такое человеческая жизнь по сравнению с этим! Дух терпеливо ждал, пока он умрет, чтобы заново вылепить его тело, чтобы тленное облеклось в нетленное, чтобы он мог лучше служить своей цели.

Он стал бессмертным.

Он подумал о миссии, порученной ему Духом, и был счастлив подчиниться. Сомнения, колебания, страх — все ушло. Сколько бы времени ни было отмерено ему в этом теле, он был готов посвятить всё без остатка этому невозможному предприятию.

Он понимал, что его энтузиазм отнюдь не доброволен. Дух поставил на него некую неизгладимую ментальную печать. Он мог только подчиняться, и делал это с радостью.

Однако во всех других отношениях он не утратил индивидуальности или ощущения собственной личности. Он по-прежнему оставался Юнь Тяньмином. Только сейчас до него дошло, что имел в виду Дух, говоря ему:

«Мне не нужно твое согласие».

Это правда — его согласие Духу было ни к чему; Дух попросту сам смастерил его согласие.

Истина за истиной открывались его разуму. Он понял причины каждого шага, приведшего его сюда, но был бессилен сопротивляться. Он знал, что станет верным рабом Духа, что посвятит себя достижению его головокружительной цели.

Он поднялся и помчался по голубой равнине, словно ветер, и через несколько мгновений уже

стоял около скалистого утеса с выбитой на нем надписью. *«Мы прожили счастливую жизнь»*. Весь последний год они с АА тяжело трудились, выбивая это послание Гуань Ифаню и Чэн Синь, — они прочтут его, когда вернутся сюда в будущем, через миллионы лет.

Прошлое было не чем иным, как краткой прелюдией; его жизнь только начинается. По сравнению с тем, что ему предстоит, последние несколько десятков лет или даже те десять тысячелетий, что он провел во сне, были лишь мгновенной вспышкой.

Рядом со скалой примерно на высоте человеческого роста тускло светилась прямоугольная рамка. Пустая. Но он знал, что за ней лежит новый мир. Стоит ему только войти туда — и Голубая планета навсегда останется позади.

Сколько миров он уже покинул? Землю Общей Эры, бесчисленные миры своих грез, трисолярианский флот… Что с того, если прибавится еще один?

Наконец-то время началось заново.

В тишине ночи он замешкался на пороге. Вспомнил о чем-то, развернулся и побежал обратно к могиле. Постоял, посмотрел на тело старой женщины в яме. Ему хотелось плакать, но новое тело

было на это не способно. Он принялся решительно сбрасывать в могилу землю, наваленную на ее краю. Земля покрыла лицо его жены — навсегда.

Когда яма была засыпана, он составил круг из камней, чтобы пометить это место, хотя и понимал, что вряд ли когда-нибудь вернется сюда. Он собирался уйти в другую вселенную.

«АА, я ухожу. Но знай — ты будешь со мной всегда».

Он долго стоял над могилой — пока небо на востоке не загорелось обещанием нового дня, а затем направился к светящейся рамке.

На этот раз он без колебаний перешагнул порог и растворился в пустоте за ним.

Так Юнь Тяньмин вступил во Вселенную № 647 — свою вселенную.

Вне времени,
наша вселенная

В этой вселенной небеса еще не отделились от земли, и всюду царил первобытный хаос. Свет не отличался от тьмы, и даже само время еще не начало свой бег.

Тяньмин остановился на краю вселенной и оглянулся на «дверь», через которую прошел, но, к своему удивлению, обнаружил, что та уже исчезла. Он парил в блеклом тумане, словно в

какой-то недоработанной виртуальной реальности. Куда ни глянь — нигде не просматривалась глубина, и он засомневался, что сам все еще состоит из вещества.

Но вскоре до него донесся голос — он не мог разобрать, то ли из пустоты, то ли из его собственного сознания:

— Искатель Юнь Тяньмин, добро пожаловать во Вселенную № 647. Я ее управляющий. — Голос, мягкий и нейтральный, был лишен каких-либо опознавательных черт. Невозможно было даже определить, женский он или мужской.

«Вселенная № 647…» Тяньмин саркастически усмехнулся. Ну конечно же он был не единственным избранником Духа. Столько миллиардов лет, столько измерений… Несомненно, Дух входил в контакт с сотнями тысяч цивилизаций. Даже если многие из них, подобно трисолярианам, не способны общаться с помощью идеабстракций, то наверняка имеется и немало других, кто, подобно Тяньмину, может это делать или даже превосходит его в этом отношении. И наверняка Дух всем им поручил то же задание.

А что случилось с 646 остальными вселенными? Должно быть, никто из их обитателей не достиг успеха. Или, во всяком случае, признаков

удачи не видно.

А голос продолжал:

— Мне дали ключевую информацию о тебе. В этой вселенной ты обладаешь высшими полномочиями и поэтому можешь настроить ее базовые параметры.

— Базовые параметры? — сдавленным голосом спросил Тяньмин. Он отвык общаться с кем-то, кроме своей жены.

— Да, такие как количество измерений, физические постоянные, распределение материи, пропорции основных элементов и так далее. Но помни, что энергетические ресурсы мини-вселенной ограниченны и базовые параметры, единожды установленные, изменить нельзя. Если ты решишь, что в ней должно быть меньше трех измерений, твое тело в момент творения схлопнется по одному из измерений. Хотя твое тело и было реструктурировано, уменьшение размерности приведет к мгновенной смерти. Если ты решишь довести количество измерений до шести или выше, твое тело не впишется в геометрические размеры получившейся вселенной, и тогда ты мгновенно распадешься на высокоразмерные фрагменты. Предлагаю выбрать между тремя, четырьмя или пятью измерениями, — тер-

пеливо пояснял голос.

«Что это за невероятное могущество?!» — дивился Тяньмин.

Он понял теперь, что Дух, утверждающий, будто существует в десяти измерениях, наверняка также обитает в изолированной мини-вселенной и лишь проецирует себя в трехмерную Вселенную. Скорее всего, в этом и кроется ключ к тайне, почему он не теряет размерности, в то время как вся большая Вселенная меняется, а также почему может стоять на месте, когда все остальное вокруг движется.

«Десятимерная вселенная вне нашей Вселенной! И какое же существо может там обитать?»

Хорошенько поразмыслив, Тяньмин проговорил:

— Я предпочитаю трехмерную вселенную с гравитацией в 1g… Ах да, я могу создавать жизнь?

— Ты можешь воссоздать любую форму жизни из моей базы данных. Я сконструирую для тебя экосистему, но она будет подчиняться ограничениям в соответствии с базовыми параметрами вселенной.

— Прекрасно. Я хочу небо, землю, солнце, дома и поля вокруг… ну и деревья какие-нибудь. Словом, что-то вроде сельской усадьбы на Земле.

Понятно, что я имею в виду?

— Да, — последовал ответ «управляющего».

У Тяньмина возникло ощущение веса, ноги его коснулись твердой почвы. Над головой простерлось небо, солнце щедро осыпало землю золотыми лучами. Над горсткой белых домиков неподалеку на ветерке покачивались деревья. Листья отбрасывали на домики дрожащие тени.

— Ничего себе, как быстро!

— Это нормальная скорость Вселенной, — был ответ. Смысл этих слов Тяньмин понял лишь некоторое время спустя.

Он взглянул вдаль и увидел на горизонте себя. Посмотрел направо, налево, оглянулся назад… Во всех направлениях он видел отражения самого себя, колоннами уходящие в бесконечность.

— Эта вселенная невелика. Ты видишь ее как куб со стороной в один километр. Она замкнута на себя и топологически представляет собой трехмерную сферу — иными словами, куда бы ты ни двинулся, через тысячу метров вернешься в исходную точку.

— Да это и правда настоящая вселенная! — восхищенно произнес Тяньмин.

— Конечно. Вдобавок, чтобы сделать общение более удобным, я могу предстать в виде человека.

Ты можешь сейчас определить мои основные параметры — фигуру, голос, личность, форму обращения и так далее.

— И как это сделать? — Тяньмин никогда не отличался талантом по части создания аватаров в видеоиграх, поэтому немного напрягся.

— Просто подумай, каким ты хочешь меня видеть, и я стану таким.

— А, ну тогда это легко. — Тяньмин расслабился. — Через столько лет я наконец увижу еще одного человека.

Он прикинул возможные решения. Нет, вид Чэн Синь или АА он этой чуждой сущности не придаст. А других людей он знал плохо. Однако существовал один «персонаж», с которым он был очень даже неплохо знаком и который, по сути, являлся порождением его собственного разума. И этот персонаж был таким же чуждым существом, как и «управляющий».

— Как насчет Ран Аса… то есть Томоко?

— Уверен?

— Э-э… нужно подумать…

— Не нужно. Твой мозг уже просканирован, и я знаю, что ты уверен.

И прежде чем он успел возразить, дверь одного из белых домиков открылась и на порог выступи-

ла женская фигура: длинные волосы падают на плечи, каждое движение исполнено соблазна. Томоко. Робот. Робот убийственный и прекрасный.

Томоко грациозно пересекла лужок и, остановившись перед Тяньмином, глубоко поклонилась. Прошло несколько секунд, прежде чем Тяньмин смог отвести от нее взгляд.

— Почему… почему ты раздета?

— И ты еще спрашиваешь? — подмигнула Томоко. — Этих параметров ты мне не задавал!

* * *

Тяньмин сидел в гостиной, с любопытством разглядывая обстановку. Томоко, теперь одетая в изысканное кимоно, сидела на татами, подогнув колени, и бережно манипулировала принадлежностями для чайной церемонии. На мгновение Тяньмину показалось, будто он попал на Землю в Эру Устрашения и присутствует на чайной церемонии, на которой Чэн Синь впервые встретилась с Томоко, — разумеется, тогда он следил за чаепитием с очень далекого расстояния.

— Поскольку твое тело еще совсем новое, ты не можешь обмениваться со мной идеабстракциями напрямую, — сказала Томоко. — Мы вынуждены покуда пользоваться человеческим языком, за

что я прошу прощения.

— Ты не настоящая Томоко, — пробормотал Тяньмин, возвращаясь в реальность.

— Ты знал это с самого начала, — ответила Томоко с загадочной улыбкой Моны Лизы.

— Но ты и правда выглядишь в точности как она.

— Так и должно быть. Интеллектуальный модуль — твое кольцо — содержит всю информацию, имевшуюся у трисолярианского флота. Когда Хозяин встретил корабли в первый раз, он просканировал их и скопировал с компьютеров все данные, включая и характеристики Томоко. Если не считать, что я гораздо умнее ее и моя конструкция основана на других принципах, физически я точная копия Томоко. Удовлетворен? — Она широко улыбнулась.

Тяньмин немного поразмыслил.

— Означает ли это, что в тебе хранится и вся информация относительно Земли?

— Само собой. Для Хозяина это обычное дело. Например, у нас есть генетический код всех растений, которые ты принес на трисолярианский флот. — Томоко указала пальчиком в угол комнаты, где Тяньмин увидел мешок с семенами. Теперь ему стало понятно, как эта мини-все-

ленная воспроизвела земную усадьбу с такой точностью. Деревья и прочая зелень, которые он видел снаружи, были не иллюзией и не моделью, но настоящими земными растениями, воссозданными согласно имеющейся генетической информации.

Тяньмин обрадовался. Он знал, насколько совершенна трисолярианская система обмена информацией, а это означало, что мини-вселенная теперь содержит все сведения, касающиеся Земли и Трисоляриса. Если Чэн Синь и Гуань Ифань появятся здесь и увидят все это, они, несомненно, тоже придут в восторг.

Но что будет с ним самим? Он ведь теперь только инструмент, не более.

— Хозяин, о котором ты говоришь… это Дух?

— Да, Дух — это дух Хозяина, но для нас это все равно что сам Хозяин.

— Хорошо. Так какое отношение ты имеешь к Хозяину или Духу?

— Я всего лишь программа, созданная Хозяином. Теперь ты мой хозяин. — Томоко закончила чайную церемонию и подала Тяньмину чашку обеими руками. — Вот почему я разговариваю с тобой по-человечески. Но Хозяин может общаться с тобой только с помощью идеабстракций.

— Ох уж эти идеабстракции! Я чуть не помер.

— Неудивительно. Большинство разумных форм жизни не способны принимать идеабстракции, потому что их умственные возможности ограниченны и расширить их нельзя. Способность к обмену идеабстракциями — решающий критерий при отборе Искателей.

— Искателей?

— Искателям Хозяин поручает поиски Скрывня.

— Понимаю. И сколько их, этих Искателей?

— Когда-то было много, но сейчас осталось всего ничего. Возможно, ты вообще единственный. Вселенная № 647 — последняя, пригодная для разумной формы жизни. Тебе повезло.

— Почему Хозяин отдал мне эту вселенную? — Тяньмин принял чашку.

— Он хочет освободить тебя от пут скорости света, чтобы ты смог обшарить все закоулки большой Вселенной, когда будешь искать Скрывня.

Так он и думал. Тяньмин понимал, что Хозяин наделил его маленьким личным раем вовсе не для того, чтобы он тихо-мирно прожил там остаток своих дней. И все же могущество Хозяина поразило его.

— А как насчет времени? Я смогу отправить-

ся в прошлое большой Вселенной? — спросил Тяньмин, стараясь не показать овладевшего им радостного волнения. Если можно произвольно переместиться в любой момент времени, включая и прошлое, то сколько же ошибок можно исправить и сколько жизней прожить заново!

— Мини-вселенная следует собственной временно́й линии, полностью независимой от течения времени в большой Вселенной. Но в тот момент, когда ты вошел сюда, во Вселенной образовалась абсолютная точка отсчета. Мы не можем отправиться в прошлое, лежащее раньше этой точки, но после нее — куда угодно во Вселенной в любой момент времени. Все же я советую тебе не пускаться в слишком отдаленное будущее. Если к тому моменту большая Вселенная вступит в эру двумерности, то, оказавшись там, ты превратишься в плоскую фигуру и умрешь.

— Что случилось с остальными шестьюстами сорока шестью мини-вселенными?

Тяньмин смотрел на разворачивающиеся в чашке чайные листья, все еще не в силах поверить, что обсуждает глубочайшие вопросы мироздания с компьютерным алгоритмом во время чайной церемонии.

Томоко улыбнулась.

— Мне жаль, но я не знаю ответа. Наблюдатель, находящийся внутри одной мини-вселенной, не может в точности знать обстановку в других мини-вселенных. Однако мне известно, что большинство Искателей из прочих шестисот сорока шести вселенных вернулись в большую Вселенную, чтобы выполнить задание Хозяина. К несчастью, многие из них погибли, и ни один не добился успеха.

— Значит, все же кто-то из Искателей уцелел?

— Большинство мини-вселенных берут свое начало в тех эпохах в истории большой Вселенной, когда в ней было больше измерений. Поэтому, когда количество измерений дошло до трех, их обитатели не смогли функционировать. Только девятнадцать мини-вселенных остались активными, и из их числа лишь немногие еще пригодны для использования. Я не знаю, что с ними и как.

— А среди Искателей есть еще люди? — спросил Тяньмин с надеждой, что для него найдется хотя бы один компаньон, относящийся к тому же биологическому виду.

— Насколько мне известно — нет. Но на пороге смерти Искатель может передать свою миссию другому разумному существу, так что, чисто тео-

ретически, среди Искателей могут быть другие люди. Конечно, вероятность этого исчезающе мала.

Разочарованный, Тяньмин пригубил чай.

— Но почему Хозяин выбрал меня?

— Ты и в самом деле был для него не самым подходящим кандидатом. Но у Хозяина мало времени, и с каждым днем он становится все слабее. Три измерения — это самое малое количество, при котором проекция Хозяина во Вселенную может оказывать на нее какое-то воздействие. Как только космос схлопнется в два измерения, то, хотя Хозяин еще сможет проецировать себя в него, такая проекция не будет обладать разумом и не сможет остановить Скрывня. И тогда Вселенная будет обречена.

— Ах вот как. Значит, насколько я понимаю, Хозяин все же не всемогущ.

Томоко не обратила внимания на прозвучавший в его тоне сарказм.

— У Хозяина достаточно силы, чтобы возродить Вселенную. Но… Хозяин — это лишь сознание, вышедшее из совершенного десятимерного мира. Когда этот мир был разрушен, Хозяин сумел выжить в мини-вселенной и стал систематически проецировать себя во Вселенную низших

измерений, чтобы найти другие разумы и общаться с ними посредством идеабстракций. Без подходящего посредника, способного выполнить ключевые шаги его плана, сила Хозяина не может проявить себя во всей полноте.

— Ты только что сказала, что Хозяин существует в мини-вселенной? А что такое, собственно, мини-вселенная?

— Это фрагмент десятимерной вселенной. Все маленькие вселенные — фрагменты исходного, совершенного мироздания.

— Но как это возможно?! — изумился Тяньмин.

— Происхождение мини-вселенных — не тайна. По сути, это просто небольшие сгустки материи. Но чтобы отделить вещество каждой мини-вселенной от остального мироздания, требуется неимоверное количество энергии — малый взрыв, если хочешь, — как и полное развертывание всех измерений в материальном мире. Только в десятимерной вселенной было достаточно энергии и размерности для того, чтобы сотворить мини-вселенные и дать им существование, не зависящее от большой Вселенной. После гибели этого Эдема теоретически ни одна цивилизация не способна создавать мини-вселенные.

Тяньмин сделал еще один глоток и задумчиво кивнул. Такая невероятная вещь, как мини-вселенная, просто не может быть распространенным явлением. Если бы их могла создавать любая цивилизация, дошедшая до определенной степени развития, то к настоящему моменту большую Вселенную уже раздергали бы по кусочкам.

— Какова цель Хозяина? Воссоздать совершенную десятимерную вселенную?

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос. — Томоко слегка поклонилась. Тяньмин понял то, чего она не сказала, но что подразумевалось: «Ты ведь тоже посвятил себя достижению этой высшей цели, разве не так?»

— Верно. Но я знаю недостаточно. Чтобы я мог хорошо служить Хозяину, ты должна рассказать мне всё. С какой целью я должен найти Скрывня? Как это поможет восстановлению десятимерной вселенной?

Томоко выпрямилась, и лицо ее стало серьезным.

— Скрывень — единственный враг Хозяина и причина, почему ему требуются твои услуги. До других бесчисленных цивилизаций и разумов ему нет дела. Стоит только Хозяину захотеть — и он инициирует процесс инверсии размерно-

сти. Но его очень беспокоит Скрывень — также происходящий из десятимерной вселенной, он единственный, кто способен помешать Хозяину и предотвратить инверсию размерности.

— Что такое инверсия размерности?

— На макроуровне в большой Вселенной сейчас три измерения. Более высокие измерения по-прежнему существуют, но они заключены в квантовом мире — такова фундаментальная структура материи в трехмерной Вселенной. Инверсия размерности — это процесс, привлекающий распад вакуума для расщепления существующей материи на базовом уровне. В результате основные элементарные частицы могут вернуться к своему естественному состоянию и вновь объединиться в структуры высших измерений, таким образом воссоздав десятимерную вселенную. — Томоко аккуратно сняла с чайника крышку и вновь опустила ее на место, словно бы говоря: «Видишь, как все просто».

Но Тяньмин понял скрытое значение ее слов. С точки зрения его низкоразмерного бытия, инверсия размерности приведет ко всеобщему разрушению. В конце этого процесса останутся лишь элементарные частицы, ничто другое не выживет. Хозяин способен на такое?!

Томоко почувствовала его тревогу и замешательство.

— Хозяин хочет лишь остановить деградацию мира и вернуть его в естественное состояние.

— Инверсия размерности — она восстановит… сплющенную Солнечную систему? — спросил Тяньмин.

— Сожалею, но это невозможно. — Томоко улыбнулась и деликатно покачала головой, будто учитель, столкнувшийся с особо тупым учеником. — Трехмерная Солнечная система сама является результатом деградации. Инверсия размерности вернет космос в его первоначальное состояние. Количество измерений в нем будет не три или четыре, а десять.

Последний луч надежды в душе Тяньмина угас.

— Если Хозяин обладает такой силой, то почему он не начинает процесс?

— Это не так-то просто. Скрывень расставил по Вселенной особые барьеры. Если Хозяин будет неосторожен и начнет инверсию размерности, пока эти барьеры еще не убраны, местоположение Хозяина будет раскрыто.

— Особого вида барьеры… — Тяньмина осенило. — Погоди-ка! А это случайно не… слепые зоны

софонов?

— Именно, — кивнула Томоко. — Люди много размышляли о природе слепых зон, но большинство ваших теорий очень далеки от реальности. Собственно говоря, слепые зоны были образованы не для того, чтобы вызвать состояние темного леса, хотя это в конечном итоге и стало незначительным побочным эффектом. Истинное назначение слепых зон в том, чтобы обнаруживать суперструнные волны, порождаемые энергетическими реакциями Хозяина. Как только он положит начало инверсии размерности, Скрывень сможет обнаружить местонахождение Хозяина и уничтожить его.

Тяньмин онемел. У него не укладывалось в голове, что темный лес, погубивший Землю и Трисолярис и управляющий поведением бесчисленных других космических цивилизаций, был всего лишь «незначительным побочным эффектом» минных полей, которые устроили друг для друга две враждующие сверхсилы.

— Но я думал, что в мини-вселенной Хозяин в безопасности. Как может Скрывень атаковать его?

Томоко терпеливо объяснила:

— Все вселенные — как большая, так и малые

— расположены на супермембране… — Она заметила озадаченность на лице Тяньмина. — Ох, извини. Супермембрана — это первооснова космоса, и сейчас я не смогу дать тебе исчерпывающее объяснение. Мини-вселенная должна располагаться на супермембране близко к большой Вселенной, иначе проецировать себя из одной в другую и устанавливать связь будет невозможно. А это значит, что наиболее развитые цивилизации большой Вселенной способны нанести удар по мини-вселенным через супермембрану — если найдут их.

— И… и как вы производите такой удар?

— По большей части используется разность в уровнях потенциальной энергии. В тонкостях ты, пожалуй, пока не разберешься, однако скажу, что время от времени выбирается несколько галактик, их масса преобразуется в чистую энергию и направляется на супермембрану. — Томоко беспечно пригубила чай, как будто объясняла нечто тривиальное, вроде «Сначала нужно вскипятить воду и лишь потом добавить чайные листья».

— Но как это возможно? Ведь в процесс будут вовлечены сотни миллиардов звезд и миллиарды цивилизаций, разбросанных на десятки тысяч световых лет! Наверно, ты просто строишь

догадки?

— Вовсе нет. Зондирующие удары наподобие тех, о которых я толкую, происходили много-много раз. Скрывень умеет изменять конфигурацию тяготения в пределах галактики и, манипулируя силами Черкоффа, заставляет звезды быстро падать в ее центр, где под действием эффекта Стеффанкина образуется сверхмассивная черная дыра. И эта дыра способна искривить пространство так, что становится возможно пробить барьер между вселенными. После этого энергия направляется на супермембрану и производится межвселенский удар. Мы понесли тяжелые потери от подобного рода атак. Когда-то Хозяин обладал двенадцатью копиями самого себя. До того как большая Вселенная схлопнулась в три измерения, Скрывень сумел уничтожить семь из двенадцати копий, а потом, в первые дни существования трехмерной Вселенной, истребил еще четыре. Сейчас осталась только одна.

— Ты хочешь сказать, Скрывень уже обратил четыре галактики трехмерной Вселенной в чистую энергию? — потрясенно спросил Тяньмин.

Томоко сочувственно улыбнулась — «ученику» явно не хватало воображения.

— Не четыре, а сотни тысяч. Ударом через

супермембрану трудно поразить цель, так что энергия большинства этих галактик пропала втуне. Собственно говоря, земные ученые давным-давно обнаружили останки галактик, которыми воспользовались подобным образом, и соответствующее вторичное излучение.

— Что? Я ни о чем таком никогда не слышал!

— Слышал, слышал. Еще в Общую Эру земные исследователи обнаружили необычные астрономические образования. Они выглядели как звезды, но излучали больше, чем целые галактики, а по яркости превосходили их на порядки. Ученые не могли объяснить, что это такое, и назвали их квазарами.

— Что… — Тяньмин забыл про чай во рту и забрызгал им все лицо Томоко. — Ох, прости! Но ты говоришь, что квазары — это…

Тяньмин был ошеломлен масштабом конфликта, в который его втянули. Когда-то схлопывание Солнечной системы в плоское состояние казалось ему чем-то грандиозным, но по сравнению с войной между этими двумя древними титанами оно выглядело просто мышиной возней.

Томоко отерла лицо салфеткой и продолжила:

— Квазары — это пустяк. Чудес во Вселенной гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Люди дивились причудливым формам многих галактик и не могли предложить этому явлению никакого объяснения. Неправильные галактики — это то, что осталось от правильных после того, как Скрывень извлек из них энергию, — давным-давно, в изначальные дни трехмерной Вселенной.

Тяньмин несколько мгновений помолчал, осмысливая новую информацию.

— Ну хорошо… Но если Скрывень такой могучий, почему же он прячется?

— Он по-прежнему находится в большой Вселенной. Из своей десятимерной мини-вселенной Хозяин способен инициировать инверсию размерности в любой точке большой Вселенной — нужны лишь координаты этой точки. «Точка», понятно, может насчитывать тысячи световых лет в поперечнике. Против такой межвселенской атаки в большой Вселенной защиты нет. Если бы Скрывень не прятался, Хозяин давно устранил бы его.

Вообще-то в ранний период трехмерной Вселенной Хозяин инициировал инверсию размерности и ему удалось разрушить центр управления Скрывня, — продолжала Томоко. — Но Хозяин не догадался, что у противника есть запасной

центр управления. Скрывень воспользовался его промахом, чтобы уничтожить несколько копий Хозяина и остановить процесс инверсии размерности. Эта древняя война обусловила базовую топографию трехмерной Вселенной: области, где произошла инверсия размерности, превратились в «войды» — пустоты шириной от ста миллионов до трехсот миллионов световых лет. В этих дырах не только пространственные измерения были искажены до неузнаваемости — все вещество в них превратилось в темную материю. Области Вселенной, не затронутые инверсией размерности, образовали решетку, состоящую из галактик.

Одно за другим перед Тяньмином выкладывались решения космологических головоломок, над которыми когда-то бились лучшие умы человечества. Открывшаяся ему истинная картина повергла его в трепет, но сейчас он был лишь пешкой, прорвавшейся на вражескую территорию в этой Великой Космической Игре, и иного выбора, кроме как двигаться вперед, не оставалось.

— Давай-ка я подведу итог, — сказал он. — Хозяин живет где-то на супермембране вне большой Вселенной. Если бы Скрывню стали известны координаты Хозяина, он смог бы его ликвидировать. Сам Скрывень тоже прячется — в глубинах

большой Вселенной. Если бы Хозяин обнаружил его местопребывание, он тоже сумел бы его устранить. Я прав?

— Да, — ответила Томоко.

— Однако, если любая из сторон ошибется и нанесет удар мимо цели, она таким образом выдаст себя другой стороне, что приведет к ее собственной гибели. Значит, имеем патовую ситуацию.

— Верно, — подтвердила Томоко. — Так что темный лес действительно существует, но уровень у него другой: не между миллиардами чуждых друг другу цивилизаций, а между двумя противниками, близко знающими друг друга.

— И… чем я-то могу быть полезен? — Тяньмин скривил рот в усмешке. «Что может сделать муравей в битве двух армий?»

Томоко не замедлила с ответом:

— Ты должен найти Скрывня до того, как мироздание схлопнется в два измерения. Хозяин может проецировать себя во Вселенную лишь время от времени, в виде призрака. Причем он может создать не больше девяти проекций, потому что в противном случае Скрывень получит возможность вычислить положение его мини-вселенной на супермембране, исходя из координат различных проекций. Вот почему

Хозяину требуется помощь разумных существ вроде тебя.

Голос Томоко звучал все более воодушевленно.

— Это очень нелегкая задача, но у тебя будет по меньшей мере десять миллиардов лет, чтобы выполнить ее. К тому же Хозяин наделил тебя нетленным телом и дал кольцо. Пока кольцо у тебя на пальце, ты в любое мгновение можешь вернуться в эту мини-вселенную.

— Хорошо. У тебя есть какие-то другие подсказки относительно Скрывня?

— Не слишком много. В настоящий момент мы подозреваем, что загадочная группа под названием «Нулевики» имеет какое-то отношение к Скрывню.

Тяньмин нахмурился:

— Нулевики?

— Так они называют себя. За последние несколько миллионов лет они приобрели очень большое влияние. Может быть, это одна цивилизация, а может, группа цивилизаций. Хозяину мало что известно о них кроме того, что они хотят «перезагрузить» Вселенную и вернуть ее в состояние Эдемского сада.

— Гм… но разве Хозяин желает не того же самого?

— Да, но подходы у них диаметрально противоположные. Нулевики считают, что для того чтобы восстановить вселенную десяти измерений, ее сначала надо свести к нулю измерений, после чего она вернется к десяти. Это совершеннейшая чушь. Нуль измерений означает абсолютную и всеобщую смерть, никакая цивилизация не выживет. Либо эти Нулевики полные идиоты, ничего не знающие о принципах восстановления размерности, либо ими из-за кулис манипулирует Скрывень. А может, и то, и другое.

— И где же они?

— Мы не знаем, откуда Нулевики родом. В течение последних сотен миллионов лет они основали свои базы во множестве галактик. Ближайшая к твоему миру находится в галактике Млечный Путь, в скоплении Дикая Утка, также известном как Мессье 11, или NGC 6705, а самая дальняя — примерно в семи миллиардах световых лет от нее. Но по отношению к мини-вселенной № 647 до всех баз одинаково близко. Предлагаю тебе первым делом наведаться в Дикую Утку — в последнее время Нулевики проявляют значительную активность в Млечном Пути. По космическим масштабам ты практически из той же деревни. Уверена, у тебя легко

получится найти с ними общий язык.

— Из той же деревни? Да ты шутишь!.. Постой… Я вспомнил. Это не те ублюдки, что создали линии смерти на Серой планете около звезды DX3906?

— В моей базе данных об этом ничего нет, — ответила Томоко. — Но если речь о линиях смерти… да, пожалуй, это похоже на них.

— Прекрасно! С удовольствием поквитаюсь с ними. — Мысль о том, что по вине Нулевиков он застрял на Голубой планете на десятки лет, привела было его в ярость, но он быстро остыл. — Дикая Утка огромна. Когда я попаду туда, что мне предпринять?

— Там уже находится другой Искатель. Может быть, он тебе поможет.

Глаза Тяньмина загорелись при этой доброй вести.

— И как мне его найти?

— Придется поискать самому, поможешь Мастеру и в этом. По имеющимся у Хозяина сведениям, Искатель из мини-вселенной № 589 побывал в скоплении Дикая Утка и оставил там следы своего пребывания, но затем пропал и прервал связь с мини-вселенной. Это в крайней степени необычное происшествие. Хозяин хочет, чтобы ты нашел Искателя, — тот может располагать

нужной нам информацией.

— А что это за… существо этот Искатель из мини-вселенной № 589?

— Точно не знаю, — призналась Томоко. — Передача информации по супермембране требует колоссальных затрат энергии, поэтому в моем распоряжении имеются только ключевые фрагменты. Мини-вселенная № 589 — одна из пока еще функционирующих мини-вселенных, и Хозяин отдал ее Искателю еще в те времена, когда Вселенная была четырехмерной. Искатель, по-видимому, разумное существо из четырехмерной вселенной, впоследствии редуцированной до трех, или, может, он преемник первоначального Искателя. У него тоже должно быть кольцо, как у тебя. Как только ты прибудешь в скопление Дикая Утка, ты сможешь прочитать сообщение, оставленное Искателем, или инициировать контакт через кольцо. Сориентируешься, когда доберешься туда. Когда отправляешься?

— Минутку, я еще не все вопросы задал, — возразил Тяньмин. — Почему началась эта война? Почему Скрывень разрушил совершенную десятимерную Вселенную?

— Этого не знает даже Хозяин, — ответила Томоко. — Но я могу переслать тебе идеабстракции

о том времени. Может, тебе удастся самому найти ответ.

Тяньмин застыл. Томоко поспешила его успокоить:

— Не волнуйся! Хозяин модифицировал твое тело и мозг так, чтобы ты мог принимать простейшие идеабстракции. Они не навредят тебе.

Снедаемый любопытством, Тяньмин сцепил зубы и кивнул. Томоко улыбнулась, поднялась на ноги, поклонилась и проговорила:

— Приготовься, — после чего взяла его за плечи и уставилась в глаза.

Тяньмин не отводил взгляда от ее глаз — они казались двумя бездонными водоворотами, затягивающими его в себя. В следующее мгновение его затопил бескрайний океан образов и концепций.

* * *

Восприятие идеабстракций, наверное, входит в число самых необыкновенных переживаний во Вселенной. Для Тяньмина эта информационная буря была как штормовое море, в котором он едва не утонул. Но на сей раз ему было значительно легче: некая сила подняла его над океаном данных и озарила его ментальный ландшафт ярким

солнечным светом. Внезапно все стало кристально ясно. Все идеи, формы и образы обрели общий смысл. Связанные между собой, превращенные в базисные единицы логики и грамматики, а затем уложенные ярусами, элементы идеабстракции собрались в целостность, описывающую миллионы концепций одновременно. Это было понимание, равного которому Тяньмин до сих пор не испытывал. Прежде он мельком видел лишь контуры. На этот раз он увидел всё — от начала до конца, сверху донизу.

Он увидел начало Вселенной: из одной-единственной точки возникли бесконечные материя и энергия. Нет, в это мгновение материя *была* энергией, между ними не существовало разницы. Вспышка — и явилась десятимерная вселенная. Тяньмин наконец узрел само совершенство.

Это трудно описать словами. Свет путешествовал от одного края вселенной до другого без затрат времени. Ограничения в скорости не существовало. Во всех концах десятимерного космоса возникли миллиарды форм жизни. По причине неограниченной скорости света вся жизнь во вселенной слилась воедино. Разум эволюционировал, развились цивилизации, науки, культура, искусство, и все это в одно мгновение достигло

совершенства.

Лишь теперь Тяньмин понял смысл реплики Томоко «Такова нормальная скорость Вселенной» в начале их разговора.

В этом изумительном мироздании гулко звенел голос Томоко, наводя дополнительный глянец на идеабстракции:

— Десятимерная вселенная была миром света. Она строилась на обмене энергией между фотонами. Все частицы и античастицы были сформированы из фотонов, а их взаимная аннигиляция приводила к увеличению количества фотонов. И все это происходило со скоростью света, равной бесконечности. Что еще более удивительно, общий уровень энергии во Вселенной был нулевым, потому что частицы и античастицы уравновешивали друг друга. Это невероятное состояние симметрии стало основой для зарождения разума в десятимерье.

Вещество, жизнь, разум, цивилизация… В этом саду Эдема все являлось частью целого. Вся материя обладала жизнью, вся жизнь обладала разумом, и весь разум находился в состоянии гармоничной цивилизации. В отличие от трехмерной вселенной, в которой одинокие звезды висят в необъятной пустоте пространства, тогда

мироздание было живым существом. Жизнь была не чем иным, как частью этой великой Жизни, а разум — не чем иным, как компонентом высшего Разума. В таком трансцендентном единстве материи и духа состоянию темного леса не было места.

Тяньмин ощутил, как из глубины его души поднимается благоговейный страх. Значит, вот какова была исходная форма Хозяина! Десятимерная вселенная — живое существо…

Томоко продолжала объяснять:

— Хозяин — не индивидуум наподобие человека. Скорее он сумма бесконечного числа разумов. Каждый из них осознаёт и самое себя, и все другие разумы, а также присутствие собственно Вселенной. При этом каждый из них по отдельности обладает свободной волей. Это бытие, немыслимое для человека: индивидуум абсолютно, органично слит со Вселенной — подобно той геометрической конструкции Духа, которую ты видел.

Наконец Тяньмин понял, почему Хозяин так жаждет воссоздать прекрасный Эдемский сад. Разве может кто-нибудь, увидевший блеск и силу этого мира, смириться с пустотой и грубостью трехмерной вселенной? Недоумение Тяньмина

росло: почему Скрывень стремится разрушить эту великолепную гармонию? Каким же надо быть злобным, отвратительным и безумным существом!

И тут он стал свидетелем разрушения.

В одном уголке этого мира мягкий свет жизни вдруг угас, оставив после себя крошечный лоскуток тьмы, похожий на безобразную чернильную кляксу на чистом листе белой бумаги. Тьма, поначалу ничтожная, не осталась на ограниченном островке — она начала разрастаться со скоростью света. А поскольку скорость света была бесконечна, то и тьма распространилась с бесконечной скоростью. Вся десятимерная вселенная канула во мрак.

Хотя на разрушение потребовался бесконечно краткий промежуток времени, события, составляющие его, происходили в определенном, четком порядке. Благодаря идеабстракциям Тяньмин смог расшифровать детали. Это преображение было невозможно описать с помощью языков трехмерной вселенной. Аналогией, хотя и очень отдаленной, могла бы послужить картина, составленная из бесчисленных костяшек домино, поставленных стоймя: когда все костяшки падают, «сплющенная» картина все равно остается

узнаваемой.

Вселенная схлопнулась из десяти измерений в девять. Вероломное дитя Эдемского сада убило собственную мать, давшую ему жизнь.

— Один из бесчисленного количества составлявших Хозяина разумов внезапно поднял бунт, приведший к сокращению размерности вселенной. — В голосе Томоко зазвучал гнев. — Застигнутый врасплох, Хозяин не мог ни остановить восстание, ни понять его. Если ребенок, все еще находящийся в утробе матери, вдруг решает напасть на нее изнутри, разве может мать быть к этому готова? Вот почему Скрывню удался его замысел.

Но незадолго до того, как процесс сокращения размерности завершился, то, что осталось от десятимерной вселенной, начало изо всех сил сопротивляться. Там, где тьма сшибалась со светом, вспыхивали ослепительные фейерверки. Блеск Млечного Пути по сравнению с этим сиянием — как огонек свечки против всей мощи Солнца. И в этот момент Тяньмин получил идеабстракцию от Скрывня. Посреди финального апокалиптического сражения за судьбу десятимерной вселенной раздался вопль ярости:

«Эта Вселенная слишком мала! Мне нужно

больше!»

Тяньмин стал в тупик: да разве может девятимерная вселенная быть больше, чем десятимерная?

И тут в яростном свете последней битвы от коллапсирующей десятимерной вселенной стали откалываться и исчезать фрагменты. Тяньмин понял, что это Хозяин создает мини-вселенные.

— Хозяин попытался остановить снижение размерности, но было поздно. Он смог лишь откололоть от большой Вселенной несколько кусочков и превратить их в независимые мини-вселенные, тем самым не дав надежде угаснуть. К счастью, каждый фрагмент содержал полную копию всей информации, хранящейся в Хозяине.

Теперь Тяньмин понимал, что Хозяин — душа десятимерной вселенной, или, точнее, последний фрагмент этой души. Вот почему он так беззаветно стремится восстановить размерность: если потерянный рай возродится, возродится и Хозяин.

Затем в идеабстракциях появилась девятимерная вселенная — надколотая версия десятимерной, словно треснувшее яйцо. В китайской мифологии есть бог Паньгу. Когда он умер, различные части его тела превратились в солнце,

луну, горы и реки. Так и девятимерная вселенная образовалась из мертвого тела десятимерной. И хотя теперь это был лишь безжизненный труп, он оставался полем битвы бесчисленных живых сущностей. Да, полем битвы. Эта вселенная была городом, лежащим в руинах, разрушенным войной и хаосом.

— История девятимерья была продолжением истории десятимерья, — говорила Томоко. — В отличие от того, что происходит при сокращении размерности в низких измерениях, жизнь, существовавшая в десятимерье, не погибла при переходе в девять измерений. Объединенные разумы разделились и превратились в бесчисленное множество параллельных цивилизаций. Большинство из них, однако, сохранили память и культуру, унаследованные от предыдущей вселенной, и многие из них соединили усилия ради ее возрождения. Однако некоторые из них были обмануты и соблазнены Скрывнем и примкнули к вражескому лагерю.

Обмануты? Как? Тяньмин не мог этого уразуметь.

Продолжая интерпретировать идеабстракции, Тяньмин заметил, что, хотя свет по-прежнему двигался невероятно быстро и мог пролететь всю

девятимерную вселенную за одну секунду, скорость его, однако, больше не была бесконечной. Войны теперь завершались не в то же мгновение, когда начались, — сейчас для этого требовалась сложная серия шагов. Попытки инверсии размерности и, наоборот, ее понижения зачастую происходили одновременно, что приводило к фантастическим световым вспышкам. И наконец после одной такой вспышки — ярчайшей, не поддающейся описанию словами, — свет во всей вселенной погас.

— В течение этого периода, как и предполагали ваши космологи, произошла взаимная аннигиляция частиц и античастиц. Из-за нарушения базовой симметрии вселенной и снижения скорости света все античастицы и практически все частицы прекратили существование — осталось лишь около одной миллиардной доли былого богатства. Вот из этих остатков и образовалось нынешнее мироздание. Энергия, выделившаяся при взаимном уничтожении частиц и античастиц, затем стала причиной быстрого расширения вселенной.

— Но почему там было больше частиц, чем античастиц? — поинтересовался Тяньмин. В свое время этот вопрос ставил космологов в тупик.

— Снижение размерности нарушило баланс во Вселенной. С исчезновением одного измерения большое количество античастиц распались на нейтрино, что привело к странному феномену, который вы называете несохранением чётности.

Пока частицы и античастицы аннигилировали, произошло следующее резкое понижение размерности. Настала тьма, и миллионы цивилизаций возопили в отчаянии. Вселенная, словно сдувающийся воздушный шар, потеряла еще одно измерение. Девятимерную вселенную сменила восьмимерная.

Ну и странное же это было образование! Мироздание в целом представляло собой гигантский гипершар, пронизанный миллиардами и миллиардами туннелей и каверн (восьмимерных, разумеется). Вселенная походила на швейцарский сыр — если использовать неадекватный трехмерный образ. Внутри каверн одна за другой возродились цивилизации, пережившие сокращение размерности, — возродились и начали воевать друг с другом. Несмотря на то что скорость света в этой вселенной была еще меньше, война завершилась быстро. Краткий миг — и стенки толщиной в десять тысяч световых лет были пробурены насквозь, каверны размером с

несколько галактик заполнены. Конечно, все это было только прикидками Тяньмина: определить размеры восьмимерных объектов, используя сравнения и единицы трехмерного пространства, невозможно.

Война привела к дальнейшему коллапсу — в семь измерений. Этот мир был гораздо проще по структуре, чем предыдущий. Шестимерная «плоскость» разделила вселенную надвое: одна половина была твердым телом, другая — пустым пространством. Все цивилизации вселенной разбросало по этой шестимерной плоскости в несколько миллиардов световых лет в поперечнике, зато сама плоскость была в миллиарды раз сложнее, чем трехмерная вселенная. Как и предшественники, семимерье с момента своего рождения было охвачено войной между различными цивилизациями. Среди последних лишь немногие были выходцами из десятимерного Эдемского сада, сумевшими выжить во всех катастрофах. Новые, только что народившиеся цивилизации доминировали в космосе. Состояние темного леса стало нормой, всюду шла беспощадная борьба. «Размерное» оружие применялось во всех уголках космоса, что приводило к дальнейшему понижению размерности.

— Девяти-, восьми- и семимерье были продолжениями десятимерья, — говорила Томоко. — Две воюющие стороны прошли через все эти последовательные стадии, и с каждым понижением размерности партия Хозяина становилась все слабее. Конечно, партия Скрывня тоже теряла силы, но по большому счету происходящее их устраивало. Сокращение количества измерений было целью Скрывня и его сторонников, и они были к нему готовы. Хотя пространственное оружие сокращало количество измерений и для них тоже, война продолжалась в каждой последующей вселенной.

В шестимерье уже было практически невозможно увидеть никаких следов первоначальных, древних цивилизаций. Эта вселенная отличалась очень необычной структурой: в обширном море энергии плавал архипелаг миллиардов островов, состоящих из темной материи, — шестимерные острова в шестимерном море. Каждый остров имел размеры в десятки тысяч световых лет и мог считаться обособленной вселенной, а сами острова отделялись друг от друга миллионами световых лет. Энергетическое море и острова темной материи породили множество разных цивилизаций, героические и грандиозные сражения

между которыми были намного удивительнее, чем в любом фэнтези или научной фантастике. Огненный феникс, восставший из моря энергии; мглистый дракон, круживший вокруг островов; королевства цветов, танцующих под ветрами… Победы, одержанные этими цивилизациями, внушали священный трепет, подобный тому, что возникает при лицезрении божественной мощи, а их гибель вызывала то же щемящее чувство, что и лебединая песнь.

Понижение размерности, еще одно понижение и еще одно…

Пяти- и четырехмерные вселенные во многих отношениях походили на нынешнюю, только измерений в них было больше. Их базовую структуру составляло безграничное темное пространство, в котором тусклые огни энергии собирались в системы, основанные на взаимном тяготении. Скорость света и другие постоянные подверглись дальнейшему уменьшению. Теперь время, затрачиваемое на прохождение от одного конца вселенной до другого, измерялось уже не секундами или минутами, не днями или даже месяцами, а десятками миллионов лет. Пропасти, пролегшие между мирами, навсегда отделили цивилизации друг от друга, и в космосе воцарил-

ся темный лес, этот дар Скрывня. Всякая зрелая цивилизация старалась затаиться во тьме, готовая нанести сокрушительный удар по любой неосторожной жертве, и каждая из них жила в постоянном страхе стать добычей более сильного охотника.

Вселенные рождались и умирали, цивилизации поднимались и падали, словно приливы и отливы. Прошли эпохи, числом равные песчинкам на берегах Ганга, — и вот теперь все это созерцал клоп по имени Юнь Тяньмин.

Наконец Тяньмин отвел глаза от глаз Томоко. Хотя его модифицированное тело выносило наплыв идеабстракций намного лучше, чем прежнее, он все равно так ослабел, что едва мог говорить. Это была не усталость тела, а скорее усталость сознания.

— Не понимаю… Почему Скрывень сказал: «Эта вселенная слишком мала»? — пробормотал Тяньмин.

Томоко недоуменно покачала головой:

— Этого даже Хозяин не понимает. Но чтобы исполнить свою миссию, тебе и не обязательно понимать. Скрывня невозможно убедить доводами разума.

Тяньмин кивнул. Сущность, желающую разру-

шить совершенство десятимерной Вселенной, вразумить нельзя.

Тяньмин вышел из домика. В отдалении возник прямоугольник, образованный бледно светящимися линиями, — дверь. Он направился к ней, Томоко безмолвно пошла следом. Подойдя к двери, Тяньмин повернулся к своей спутнице:

— Сколько времени прошло в большой Вселенной?

— Время в мини-вселенной течет независимо от времени в большой Вселенной. В некотором смысле ты можешь считать, что время в большой Вселенной остановилось в тот момент, когда ты вошел сюда. Мы можем также настроить соотношение между обеими временными линиями по твоему желанию. Но, как я уже говорила, не ходи слишком далеко в будущее — можешь, чего доброго, угодить в двумерье. Времени у нас осталось совсем немного.

— Сколько именно?

— Не больше пятнадцати миллиардов лет.

Тяньмин саркастически ухмыльнулся. Ну и ну — пятнадцать миллиардов лет, оказывается, «совсем немного времени»! Всего сутки назад он считал семь столетий, через которые перескочил, целой эпохой.

Когда-то он жил в кошмаре, длящемся тысячи лет; однако по сравнению с тем, что ему предстояло, это был сущий пустяк. Его ожидал кошмар, который растянется, возможно, на миллиарды лет, и от него он никогда не сможет очнуться.

Его решимость несколько поколебалась перед лицом столь невообразимого будущего в безграничной тьме межзвездного пространства. Был кое-кто, с кем он желал бы повидаться. Раньше Тяньмин не хотел, чтобы женщина, которая, скорее всего, еще полна обещанием молодости, видела его слабым и умирающим, но сейчас ситуация изменилась.

— Можно мне немного подождать? — спросил он. — Я бы хотел дождаться, когда… они войдут сюда.

Томоко, конечно же, знала, кого он имеет в виду.

— Не проблема, — ответила она. — Если только ожидание не затянется больше чем на сто миллионов лет. Если хочешь, можешь жить здесь долгие годы, прежде чем отправиться с миссией. А можешь настроить течение времени так, чтобы они пришли сюда поскорее.

Радость Тяньмина продлилась недолго. Как-никак, он прожил целую жизнь с другой женщиной.

Встреча с Чэн Синь после смерти жены и после того, как Чэн Синь и Гуань Ифань, возможно, полюбили друг друга, показалась ему неуместной. Он будет чувствовать себя третьим лишним.

«Кого же я на самом деле люблю — Чэн Синь или ☒АА? Или, может, Ай Сяова, которая давным-давно умерла?»

Тяньмин озадаченно потряс головой. Ни один из этих вопросов не имел бы смысла, если бы не те линии смерти, что лишили его возможной счастливой жизни с Чэн Синь. Пониженная скорость света и многие миллионы лет разделили их. Он стоял у истока реки времени, она — в устье; озирались, искали друг друга, но им не суждено было встретиться. Вот если бы они жили в десятимерной вселенной, где скорость света была бесконечной…

«Постой-ка!»

Некая мысль, едва возникнув в голове Тяньмина, вскоре оказалась в фокусе его внимания. Это был ключевой момент, но поскольку он воспринимался как нечто само собой разумеющееся, до Тяньмина только сейчас дошла вся его важность.

— Сколько времени существует трехмерная Вселенная? — Он устремил на Томоко напряжен-

ный взгляд.

— Примерно тринадцать миллиардов, восемьсот девяносто четыре миллиона лет, — ответила та.

— Сколько лет просуществовала четырехмерная вселенная?

— Около миллиона.

— А пятимерная?

— Сто тридцать один год.

— Шестимерная?

— Девять суток и одиннадцать часов.

— Семимерная?

— Две минуты и три секунды.

— Восьмимерная?

— Двенадцать миллисекунд.

— Девятимерная?

— Тридцать одну наносекунду.

Тяньмин подавил растущее возбуждение и задал финальный вопрос:

— А сколько времени существовала десятимерная вселенная?

Внезапно повисла тишина. Наконец Томоко произнесла:

— Вечно. В десятимерье не было времени.

— Ну конечно, — пробормотал Тяньмин. — Бесконечная скорость, бесконечная эффективность,

все завершается сразу после начала, в тот же миг… Это была вселенная без времени. Ни времени, ни движения, ни перемен… Начало было концом. Мгновение вечностью. Никакой реальной, бьющей ключом жизни, лишь стопки застывших картинок. Это был мир… смерти.

— Не понимаю, — сказала Томоко. — Не возьму в толк, что ты говоришь. У совершенного мира нет нужды во времени. Время — это… не что иное, как досадные промедления.

— Ты думаешь так, потому что ты слуга Хозяина, — возразил Тяньмин. — Как и для него, время для тебя находится в слепой зоне. Ты не живешь во времени, а потому не можешь видеть его само. Дай-ка расскажу тебе один земной миф.

— Я знаю все мифы Земли, — сказала Томоко, не проявляя ни малейшего интереса.

— Однако сомневаюсь, что ты по-настоящему понимаешь их. Иначе тебе бы стали ясны мотивы Скрывня. В греческой мифологии мир начался так:

«Уран, бог неба, сошелся с Геей, богиней земли, и вместе они породили множество богов. Но Уран возненавидел своих детей и затолкал их фаллосом обратно в лоно Геи. Так небо и земля соединились друг с другом, и их нельзя было

разделить. Гея, страдая в удушающих объятиях Урана, воззвала к своим детям и попросила их убить отца. Наконец ее сын Кронос отхватил Урану детородный орган, разъединив таким образом мать и отца, отделив землю от неба и позволив богам родиться на свет. Так жизнь вышла во вселенную».

— Примитивная, вульгарная история, изложенная в «Теогонии» Гесиода, — сказала Томоко, презрительно скривив губы. — Какое она имеет отношение к десятимерной Вселенной?

— Поскольку ты так хорошо подкована во всех мифах земной цивилизации, тебе должно быть известно, что «хронос» означает «время». Этот миф — метафора: время — начало всего. Скрывню нужно было время. Вселенная без времени будет слишком мала при любых обстоятельствах. Скрывень не мог с этим примириться, и ему потребовалось уменьшить размерность Вселенной. С каждым схлопыванием время растягивалось в десятки тысяч раз. Скрывень вовсе не безумен и даже не злонамерен. Ему нужна только одна вещь — время. Для него потеря размерности с избытком компенсируется выигрышем в обретении времени. Измерение, или по крайней мере его часть, переводилось во время. Такова чистая

прибыль от сокращения размерности: не будь его, не существовало бы времени.

Томоко призадумалась.

— Никогда не смотрела на это под таким углом зрения. Но еще в тот ранний период мы обнаружили, что само время, по всей видимости, является компенсирующим эффектом уменьшенной скорости света.

— В точности как Кронос, разъединивший небо и землю, время разделило мироздание и погубило вечную, неизменную сущность — десятимерную вселенную. После этого все цивилизации вынуждены были существовать в границах времени и пространства. Вселенная превратилась в бесконечную неизвестную величину. Вместе со временем пришли надежда, ожидание, удивление, воспоминания, забвение… и то, что стоит выше всего, — свобода.

— Бессмыслица, — сухо осадила его Томоко. — Вечность — вот единственная форма сущего.

— Скрывень считал иначе. Он задыхался под гнетом десятимерной вселенной с ее идеальной симметрией и вечной неизменностью. По мере уменьшения размерности все больше и больше разумов, отделенных от единства Эдемского сада, становились приверженцами Скрывня и присо-

единялись к его легиону. Рискуя подвергнуться аннигиляции, они хотели присоединиться ко времени и призвать еще больше времени. Вот в чем причина неудачи Хозяина. Разве ты не видишь? Им нужно время. Оно нужно всем живым существам, кроме Хозяина.

— Но мне известно также, что время — источник большинства человеческих трагедий, — возразила Томоко. — Например, без него вы с Чэн Синь были бы по-прежнему вместе.

Тяньмин грустно улыбнулся.

— Не будь времени, у нас не было бы и счастья. Не было бы лета, когда мы с Вава рассказывали друг другу истории, или того часа у озера с Чэн Синь, или тех тысячелетий, которые я провел в изумительных грезах. Не было бы и четырех десятилетий, когда мы с ▨АА жили как муж и жена. Не будь времени, возможно, я бы даже не обладал сознанием.

— Это всего лишь гипотезы, — отрезала Томоко. — Даже если ты и прав — в девятимерной вселенной у Скрывня уже появилось время. Так зачем же он продолжал сокращать размерность?

— Могу только догадываться, — ответил Тяньмин. Возрождение в новом теле сделало его ум исключительно острым и ясным. — Сокращая

размерность, Скрывень не только создал время, но и сам подвергся его ошеломляющему воздействию. Однажды открыв волшебную шкатулку, он больше не смог остановиться. Вместе со временем появилось рождение, но появилась и смерть. Разумеется, Скрывень не удовлетворился бы несколькими миллисекундами, днями, годами. Он не хотел умереть, когда пришел бы его черед; он хотел длиться вечно — вот и пришлось понижать размерность снова и снова. Он делал это по двум причинам: чтобы скрыться от Искателей и чтобы выиграть больше времени. Позже, когда возникли другие цивилизации, они тоже присоединились к игре. Вселенная стала темным лесом, а атаки на размерность — оружием. Всякой цивилизации хочется продлить свое существование, и поэтому она предпочитает понизить размерность, но не погибнуть.

Игра продолжалась, и каждая последующая Вселенная существовала в десять тысяч раз дольше предыдущей — за счет очередного драгоценного измерения. К моменту, когда мы попадем во вселенную нулевой размерности, она станет пустотой, в которой нет ничего, кроме времени.

Проговорив это, Тяньмин вздрогнул. Такая Вселенная тоже будет царством смерти. Итак, с

одной стороны совершенная красота смерти, с другой — пустота смерти, а посередине темный лес. Истинная жизнь могла существовать только в жестоком и грозном темном лесу; смерть была обязательным условием жизни.

— Вот поэтому Хозяин и должен остановить Скрывня! — Томоко вернула беседу в прежнее русло. — Скрывень безумен! Он хочет положить всю Вселенную на алтарь времени. Если размерность Вселенной понизится до нуля, ничего нельзя будет поделать. К тому моменту в ней не останется ни жизни, ни разума. Если бы даже что-то и могло существовать в такой вселенной, оно застряло бы в бесконечном потоке времени. Даже миллиард миллиардов лет будет лишь секундой в этом нескончаемом тюремном заключении.

— Но Хозяин-то живет вне нашего мироздания, — возразил Тяньмин. — Почему бы ему не инициировать инверсию размерности, когда Вселенная станет нуль-размерной? В таком мире, я уверен, даже Скрывень не уцелеет, и тогда Хозяина будет некому остановить.

— Ты ошибаешься. Поскольку в этом мироздании не будет измерений, оно станет независимым от супермембраны. Хозяин не сможет его найти. Когда такое происходит с той или иной

вселенной (а это время от времени случается на супермембране), говорят, что она испаряется. Могу поспорить, что эти испарившиеся вселенные были разрушены собственными жителями, поклоняющимися времени. Вот почему ты должен помочь нам и остановить Скрывня в трехмерной вселенной.

Тяньмин покачал головой:

— Мне нужен стимул. Не понимаю, почему я должен бороться против одного вида смерти только затем, чтобы заменить его другим.

— Не нужен тебе никакой стимул. Я знаю, что Хозяин уже вдохнул в тебя свою волю. Тебе остается лишь выполнить ее. — Голос Томоко звучал чуточку озадаченно.

— Верно. Ментальная печать!

Лицо Тяньмина исказилось от боли. Он схватился за голову, мысленно борясь с невидимым противником. Томоко поняла, что сейчас заработала воля Хозяина, принуждающая человека подчиниться, и не мешала, ждала, пока человек уступит. Однако через несколько секунд Тяньмин поднял голову.

— Ментальная печать Хозяина потеряла свою силу. С этого момента я свободен.

Томоко даже пошатнулась от потрясения и с

опаской воззрилась на собеседника.

— Как… Разве это возможно?! До сих пор ни одно разумное существо не сумело воспротивиться ментальной печати Хозяина. Что ты сделал?

— Сейчас расскажу, что я сделал. Способность Хозяина навязывать свою волю базируется на апелляции к рассудку и требует безупречной концептуальной основы. Но если исходные условия содержат критическую ошибку, сила печати Хозяина исчезает. Хозяин совершенен и редко допускает ошибки — вот почему он так твердо уверен в этом своем методе. Но в моем случае он допустил критическую ошибку. Из-за того, что он не понимает значения времени, он не видит фундаментального изъяна в десятимерной вселенной, а именно: она вовсе не является совершенным миром. Хозяин приказал мне восстановить совершенный мир; но я теперь знаю, что такого мира нет, и поэтому приказ Хозяина утратил смысл. Я уже выбросил его директиву из своего разума и с этого мгновения не подчиняюсь никому и ничему — ни личности, ни силе.

Томоко молчала и лишь смотрела на Тяньмина со странным выражением. Тяньмин отступил на шаг — мало ли чего от нее можно ожидать.

Но через мгновение Томоко беспомощно улыб-

нулась:

— Не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Хозяин и вообразить не мог, что ты не послушаешься, а я запрограммирована на подчинение твоим приказам. Ты особенный. Из шестисот сорока семи разумных индивидуумов — обитателей мини-вселенных ты далеко не самый интеллектуально развитый. И все же ты оказался единственным, кто способен противостоять воле Хозяина. Это невероятно.

— За это я должен благодарить трисолярианам, — проговорил Тяньмин. — Десятилетия умственных пыток многому меня научили. Даже под, казалось бы, всесокрушающим потоком идеабстракций я смог сохранить в своем разуме маленький черный ящик, в котором мыслительный процесс не останавливался. Если бы не это, я бы давно сломался и стал послушным орудием Хозяина.

— Поскольку я впервые сталкиваюсь с такой беспрецедентной ситуацией, мне придется заняться вычислениями — возможно, удастся найти для тебя веский стимул помочь нам.

Томоко закрыла глаза и, казалось, погрузилась в медитацию. Тяньмин безмолвно ждал, устремив взгляд на горизонт, где солнце озаряло

своими лучами две странные фигуры — одну мужскую и одну женскую. Наконец веки Томоко разомкнулись, открывая два сияющих глаза.

— Я нашла стимул!

Тяньмин подозрительно уставился на нее, и Томоко улыбнулась.

— Помнишь, ты спрашивал, может ли инверсия размерности возродить Солнце и Землю?

— Да, и ты ответила, что это невозможно.

— То была лишь половина ответа. А полный звучит так: возродить *только* Солнце и Землю невозможно, но если возродить *всё*, мы, безусловно, сможем восстановить вашу звездную систему, твой родной мир.

Глаза Тяньмина просветлели.

— В каком смысле «всё»?

Томоко заговорила — медленно и взвешенно:

— Инверсия размерности позволит каждой частице следовать своему естественному поведению. Вернувшись в исходное состояние, частицы высвободят все измерения, которые в настоящее время свернуты на квантовом уровне, и восстановят десятимерную вселенную. Даже Хозяин не может по своей воле определять форму мира после инверсии размерности. Единственный выбор — это абсолютно, дотошно и в полном объеме

восстановить исходное состояние, не отклоняясь ни на йоту.

Тяньмин все еще не понимал.

Томоко разъяснила:

— Даже вневременная десятимерная вселенная подчиняется законам природы, и в ней выполняется принцип причины и следствия. Если все вернется в исходное состояние, то развитие пойдет теми же путями, что и раньше.

— Вот как! — наконец сообразил Тяньмин. — Ты хочешь сказать…

— Да, в одно мгновение сформируется десятимерное живое сознание, и одновременно поднимет бунт Скрывень. Вселенная, как и раньше, снова схлопнется в девять измерений, а затем, когда разразится война, — в восемь, семь, шесть и так далее, пока не превратится в вашу Вселенную.

Звезды снова соберутся в Млечный Путь, и Солнце загорится на периферии Галактики. Появятся Земля и другие планеты, озаряемые теми же солнечными лучами. В первобытном океане Земли в период, идентичный тому, что был четыре миллиарда лет назад, опять сформируется жизнь. Длительный процесс эволюции приведет к появлению многоклеточных организмов.

Первые амфибии выйдут на сушу. Рептилии распространятся по всей планете, а затем астероид убьет динозавров. Ничем не примечательная обезьяна спустится с деревьев, создаст цивилизации, государства, религии, науку… и твоя родина возродится наряду с другими нациями. Древние императоры снова будут царствовать в Поднебесной, будут греметь войны и полыхать восстания. Поэты снова сложат свои знаменитые стихи, и ученые станут биться над теми же загадками. Е Вэньцзе призовет трисоляриан на Землю; Ло Цзи выведет законы темного леса; Чэн Синь станет Держателем Меча… и, в точности как раньше, родишься ты — в тот же самый день, в ту же минуту и в ту же секунду. Все повторится сначала.

— Повторится сначала… — пробормотал Тянь-мин. Эта простая, но невероятная идея ошеломила его.

— Да, все повторится, включая мельчайшие подробности. Когда ты снова увидишь Чэн Синь или Ай Сяова, они будут одеты в ту же одежду и будут говорить с тобой теми же словами. Вы с Чэн Синь будете беседовать у озера, и тот же ветерок будет ласкать ваши волосы, и так же будет моросить дождь. В день твоей эвтаназии Чэн Синь остановит процедуру в тот же момент, ни секун-

дой раньше или позже. Тебе будут сниться те же сны, а затем ты спасешь Чэн Синь от выстрела, сделанного Уэйдом. Ты встретишь духа Хозяина, вернешься на Голубую планету и полюбишь ▯АА. Даже целоваться вы будете одинаково! Наконец, двадцать или сто миллиардов лет спустя — кто знает, сколько пройдет времени — мы с тобой снова будем стоять здесь, ведя этот же самый разговор. Конечно, ни ты, ни я не будем ничего помнить.

Так говорят мои расчеты.

— Повторять все то же самое заново? В чем смысл?

— Смысл? На это я ответить не могу. Но поскольку каждая итерация в точности повторяет предыдущую, можно сделать вывод, что если первый раз имеет смысл, то каждое последующее повторение также будет иметь смысл.

— Тогда, получается, цель Хозяина в том, чтобы история Вселенной повторялась бесконечно? Десятимерье просуществует только один миг, за которым последуют десять миллиардов лет сокращения размерности. А потом все сбросится на нуль, чтобы разрушение могло повторяться снова и снова. Так?

— Ты забываешь, что для Хозяина времени

не существует. Вечная десятимерная вселенная ничем не отличается от своего вечного повтора. Один миг равен бесконечности.

Тяньмин истерически расхохотался:

— Я когда-то думал, что Скрывень безумен, но, оказывается, Хозяин безумен еще больше! Конец Вселенной — не Ничто, а склеенная в кольцо кинопленка!

И тут он резко оборвал смех — в голове его сверкнула еще одна ужасающая мысль:

— Если все повторится в точности, то такое, наверное, уже происходило раньше, и даже, возможно, бесчисленное количество раз! Мы, скорее всего, просто сегодняшние воплощения бесконечной последовательности идентичных Томоко и Тяньминов…

Он смотрел на их с Томоко проекцию на горизонте; Тяньмин, которого он там видел, тоже смотрел на другую проекцию себя на своем горизонте; а тот невидимый Тяньмин также, должно быть, смотрел на еще более далекого Тяньмина — и так до бесконечности. Каждое отображение было на самом деле им самим.

— Весьма возможно, — спокойно сказала Томоко.

— А вы… А Хозяин — он тоже не знает?

— Напоминаю: после инверсии размерности даже Хозяин должен все начинать сначала, не имея никаких воспоминаний о предыдущей вселенной.

— Ладно. Ты считаешь, возможность повторить все в точности, как раньше, — для меня это веская причина помогать вам?

— Да, я так считаю.

— Тогда мой ответ прост: нет. Ни за что. Когда-то давно я видел идиотский аниме-сериал «Бесконечная восьмерка» — в нем каждый эпизод был почти полным повторением любого другого. Юная девица — я бы сказал, примерно такая же чокнутая, как Хозяин, — захватила власть над миром и заставила всех повторять одни и те же действия в одной и той же последовательности; при этом никто не помнил, что уже проделывал нечто подобное. Сюжетные точки оставались одинаковыми и повторялись снова и снова, пока сериал не показал практически одну и ту же историю восемь раз. Я до того разозлился, что едва не разбил свой компьютер. И ты думаешь, я заинтересован в том, чтобы превратить Вселенную в такой же дурацкий мультик?

— Ты говоришь только о внешнем сходстве, — возразила Томоко, не обращая внимания на

резкий тон Тяньмина. — Если эта вселенная и является мультиком, то зрителя, который бы разбил компьютер, не существует, — ну, по крайней мере, если не считать зрителями нас с тобой. Как и у персонажей этого аниме, у вас не сохранится воспоминаний о предыдущих версиях. Даже если вы повторите одни и те же действия и слова, каждая итерация будет казаться вам уникальной и совершенно новой. Помнишь, я говорила: если первый раз имеет смысл, то каждый последующий также будет иметь смысл.

Тяньмин понемногу успокоился и принялся обдумывать слова Томоко. Приходилось признать — в этом что-то было.

Приступ ярости при мысли о том, что одно и то же происходит снова и снова, был порожден его памятью о событиях. Без памяти не будет повторения. Посмотрите на бактерий, насекомых и низшие организмы: поколение за поколением они живут той же жизнью, что и их предки, повторяя всё практически без изменений. Но жизнь для них вовсе не лишена смысла. Если человек прожил свой срок в радости, с чего бы ему отказываться прожить его точно так же еще раз? Он опять будет рожден, опять научится ходить, опять научится говорить, опять пойдет в школу,

опять поцелует свою возлюбленную… Нет, это не будет бесцельным.

А что до самого Тяньмина… Когда-то он был уверен, что его жизнь бесполезна; считал себя ответственным за непростительные преступления; раз за разом хотел убить себя… Но думал ли он теперь, после всего пережитого, что его собственная жизнь была растрачена впустую? Неужели он не захотел бы прожить ее еще раз? Не захотел бы, открыв дверь, увидеть на пороге растерянную Ай Сяова? Не захотел бы посидеть у озера с Чэн Синь, украдкой поглядывая на нее? Или, замирая от предвкушения, впервые купить DVD с Ран Асакавой? Не захотел бы снова пережить тот счастливый, долгий сон? Или поцеловать АА в памятный вечер на Голубой планете?

Конечно, захотел бы! Как и Хозяин, даже если бы ему пришлось ждать миллионы лет, даже если бы ему пришлось страдать от бесчисленных неудач и невообразимой боли, — если он сможет вновь раствориться в этих волшебных мгновениях, он готов пройти весь цикл дважды, трижды, тысячу тысяч раз.

А еще он знал: жизнь на Земле и человеческая цивилизация, рожденная в первородном грехе и неисчислимых страданиях, сделала бы тот же

выбор.

— Ты права, — наконец произнес Тяньмин. — Это и правда хороший стимул. Чертовски хороший стимул.

* * *

Некоторое время спустя Тяньмин покинул свою маленькую вселенную и вернулся в большую. Он собирался найти неизвестного Искателя, для чего ему придется обшарить миллиарды световых лет темного леса, посетить неисчислимые скрытые от глаза миры. И все это ради невозможной задачи — обнаружить глубоко затаившегося Скрывня.

Перед уходом он поручил Томоко добавить Гуань Ифаня в список тех, кому разрешен доступ в мини-вселенную. Он знал, что Гуань Ифань и Чэн Синь в конце концов придут сюда, и велел Томоко не говорить им, что он уже здесь побывал, чтобы не омрачать их счастье своей тенью. Тяньмин распорядился также, чтобы Томоко вела себя как та, земная посланница трисоляриан.

— Кесарю кесарево, а Богу Богово, — сказал он. Пусть Гуань Ифаню и Чэн Синь достанется их радость, а ему, Юнь Тяньмину, пусть достанется… ничто.

И все же, прежде чем выйти за дверь, он вручил Томоко локон АА.

— Если я вернусь раньше конца большой Вселенной, ты сможешь клонировать ее? Не хочется ждать встречи с ней, пока весь цикл не повторится заново.

— Никаких проблем. Могу клонировать ее хоть сейчас.

— Нет, будь добра, дождись моего возвращения. Клон будет, конечно, не совсем то, что ее… предыдущее воплощение. Не знаю, как я смогу предстать перед этой новой АА…

Каким-то шестым чувством он догадывался, что эта женщина, судьба которой уже переплеталась с его судьбой на протяжении двух жизней, еще вернется к нему в будущем. Вселенная велика, но жизнь больше. Возможно, они увидятся вновь…

— Послушай, почему бы тебе не отправиться со мной? — спросил он у красавицы-робота. Он ничего не знал о своих новых обязанностях, а если бы Томоко пошла с ним, это наверняка облегчило бы ему задачу.

— По сути, я всего лишь система управления этой мини-вселенной. Если уйду, мини-вселенная рухнет, — сказала Томоко. — Но если ты найдешь Искателя из Вселенной № 589, он смо-

жет тебе помочь.

Тяньмин кивнул. Бросив последний взгляд на этот рай, которым ему не суждено было насладиться, он повернулся и ушел. Его фигура исчезла в прямоугольном контуре и возникла вновь посреди яркого звездного скопления примерно в шести тысячах световых лет от Вселенной № 647.

Ему больше не нужен был космический корабль, потому что он сам стал космическим кораблем. Кроме внешнего вида, его тело больше не имело ничего общего с биологическим человеческим существом. За исключением того факта, что он все еще мыслил, как человек, и хранил в себе человеческие воспоминания, он был практически таким же, как Томоко, — роботом, созданным из чистой энергии. Словно обычные люди, он тоже состоял из клеток, однако каждая клетка его тела была наномашиной, более сложной, чем любой компьютер. Его тело было даже способно искривлять пространство и двигаться по необозримой Вселенной со скоростью 300 000 километров в секунду.

* * *

После паузы (а может, паузы и вовсе не было) появился сигнал. Но пришел он не от Тяньмина.

Томоко открыла глаза. Она сразу же определила, что в большой Вселенной минуло 18,9 миллиона лет.

Тяньмин не вернулся, зато явились двое других — те самые, с правом доступа.

Хотя Томоко не обладала чувством времени, она понимала, что́ 18,9 миллиона лет значат для людей.

Возможно, Тяньмин давно обратился в пыль и не вернется никогда. В конце концов, даже его улучшенному и перестроенному телу не тягаться с черными дырами, квазарами и нейтронными звездами. А может, Тяньмин все еще бродит по дальним мирам, ища еле заметные следы Скрывня. Или, возможно, он просто живет в свое удовольствие в каком-то уголке Вселенной, давно позабыв о своей миссии…

Будучи роботом, чье поведение определяется программой, Томоко не ощущала ни разочарования, ни беспокойства, ни страха, ни даже любопытства; уж конечно она не станет скорбеть по Юнь Тяньмину, возможно, давно сгинувшему. Все эти эмоции — не для нее. Она собиралась просто следовать инструкциям Тяньмина и выполнять свои обязанности.

Томоко вышла из дома, прошагала через луг,

приблизилась к дереву, под которым недавно — всего 18,9 миллиона лет назад — встретила Юнь Тяньмина, и глубоко поклонилась удивленным мужчине и женщине.

— Вселенная велика, но жизнь больше. Судьба и в самом деле опять свела нас.

Часть III
Небесный цветок

Зерно времени 1 325 436 564,
звездное облако «звездощипов»

Певун не ожидал, что Король призовет его.

Пройдя карьеру в несколько миллиардов зерен времени, он возвысился до старейшины на одном из семян. Но с точки зрения Короля он, Жесткий четвертой степени, был лишь одним из сотен тысяч старейшин низкого ранга и выделялся среди других лишь своей любовью к пению. Певун терялся в догадках, почему Король захотела встретиться с ним. Неужели ее беспокоило, что… что он скоро умрет?

Бесчисленные миры в радиусе десяти миллионов структур вокруг Певуна уже были колонизированы потомками тех древних звездощипов, родную систему которых он когда-то зачистил. Кто знает, как им удалось так скоро размножиться. Плодятся еще быстрее, чем отвратительные матрисекомые. Теперь эти наглецы чуть ли не щеголяют своими координатами! Однако другие низкоэнтропийные сущности больше не осмели-

ваются их зачищать. Должно быть, звездощипы научились справляться с горошинами массы и дуал-векторной фольгой. А применять против них более мощное оружие опасно: даже если они не смогут от него защититься, они, вполне вероятно, в состоянии отследить, откуда пришел удар, и определить местонахождение родного мира. Певун лично стал свидетелем тому, как несколько рас были зачищены подобным образом.

Из-за этих выскочек пришлось даже изменить древнюю пословицу. Когда-то все твердили: «Прячься как следует, зачищай как следует», а теперь: «Прячься как следует, не зачищай вообще».

Но Певун не боялся, что звездощипы обнаружат его семя. Оно путешествовало по космосу с абсолютно-предельной скоростью и было словно дух, предвещающий смерть. Время от времени семя выстреливало светоотвод или инверсионное кольцо в какой-нибудь мир, населенный звездощипами. Против такого мощного оружия те пока что были бессильны.

И все же зачистки одного мира звездощипов за другим не приносили Певуну особой радости. Он видел много рас, культура которых разгорелась ярким пламенем, и тем не менее все они были погашены в течение каких-то сотен мил-

лионов зерен времени. Их гибель была столь же неизбежна, как падение в звездную пропасть. Звездощипы не стали бы чем-то из ряда вон.

Все умирает, лишь родной мир вечен.

Такова фундаментальная истина мироздания. Было время, когда окраинный мир возомнил себя достаточно сильным, чтобы побороться с родным миром, и ринулся в атаку, но родной мир в одно мгновение уничтожил бунтарей и стер все их следы.

Предания повествовали, что родной мир был построен самим Творцом и наделен силой древних богов, достаточной для разрушения Вселенной. Когда-то это считалось просто мифом. Но после разрушения окраинного мира все поняли, что легенда говорит правду в буквальном смысле. Родной мир обладал внушающей ужас мощью, позволяющей ему превращать материю спиральной звездной реки в фейерверк.

Им не страшна горстка звездощипов. Ни в малейшей мере.

За свою карьеру Певун зачистил более четырехсот их миров. Он знал, что в этом звездном облаке все остальные низкоэнтропийные сущности мертвы или окутались тишиной. Он был единственным зачистителем, работавшим со

звездощипами. По временам он испытывал гордость за свои достижения и вспоминал древнюю песню:

Я последний зачиститель на космическом

поле битвы.

Одно за другим я бросаю тела врагов к стопам

своей возлюбленной.

Когда все миры будут зачищены,

Я перестану скрывать свою любовь,

И любимая выйдет из своего брачного кокона

моей невестой.

Невероятно, но звездощипы сумели локализовать его семя и послали к нему рой межзвездных червей. Черви метнули в семя кольцо-удавку, пытаясь обездвижить его. Вот недотепы! Семя легко разорвало кольцо, но рой метнул другое. Безумцы ухитрились выстрелить десятки тысяч колец, потратив на это энергию сотен звезд.

«Хотите, значит, поиграть! — подумал Певун. — Ладно, давайте поиграем».

Семя прорывалось сквозь кольца легко, будто

сквозь нежную кожу светоэльфов.

Певун планировал сначала избавить семя от всех колец-удавок и лишь потом приступить к истреблению гнусных межзвездных червей. Но рой, несомненно перепуганный, рассеялся — противник удрал на абсолютно-предельной скорости, не дожидаясь, пока Певун полностью освободится от оков. Трусы!

Певун-победитель собрался было покинуть эту область космоса, когда вдруг взвыла тревога. Главное ядро семени обнаружило активную дуал-векторную фольгу, которая быстро раскатывала окружающее пространство в два измерения.

Певун немедленно пустился в бегство, но было слишком поздно. Только тогда он осознал, что звездощипы провели его. Кольца-удавки отвлекли его внимание, а высвобождение большого количества энергии замаскировало сигнатуру развертки дуал-векторной фольги. Фольга находилась теперь слишком близко, чтобы семя смогло убежать от нее, разогнавшись до абсолютно-предельной скорости.

«Ах вы хитроумные ничтожные гаденыши! — подумал Певун. — Неужели и впрямь считаете, что можете победить меня так легко?»

Он приказал главному ядру запечатать фольгу.

В принципе это была не такая уж сложная задача. Но примитивная дуал-векторная фольга, сработанная звездощипами, была настолько грубой и захватила уже такую большую область пространства, что главному ядру пришлось бросить все свои ресурсы на формирование силового поля достаточной мощности, чтобы не дать плоскости расширяться дальше. У семени не осталось энергии для собственных двигателей. Стоит только попробовать уйти, как фольга в тот же момент вырвется из силков и схлопнет этот регион космоса в два измерения.

Семя застряло намертво.

Хотя оно временно удерживало фольгу от дальнейшего расширения, его ресурсы не были беспредельными. Каждое мгновение вытягивало из семени огромное количество энергии. По подсчетам главного ядра, семя сможет поддерживать нынешнюю выходную мощность всего лишь одну десятую зерна времени. Певун уже воочию видел свою гибель: сплющенный дуал-векторной фольгой в фигуру без толщины, он уходит в ничто, не оставив после себя даже музыкальной ноты.

Он немного подосадовал, что родной мир так и не предпринял активных действий по переходу в плоское состояние: если бы они там пошеве-

лились вовремя, сейчас ему эта атака была бы нипочем. Впрочем, Певун скоро успокоился. Он уже достиг солидного возраста и в двумерном состоянии долго бы не протянул. Вместо того чтобы доживать оставшиеся зерна времени в виде плоской фигуры, лучше умереть в знакомом пространстве трех измерений.

По крайней мере у него будет время пропеть свою любимую песню.

Певун настроил колебательный орган и вытащил на свет ноты нескольких древних песен. Но лишь собрался запеть, как его вызвала Король.

Король не стала утруждать себя обращением через главное ядро; она активировала большое око и осмотрела все семя, включая Певуна. Такова была прерогатива Короля — она имела право входить во все большие очи и наблюдать за тем, что происходит на всех семенах. Однако семян было больше, чем яиц матрисекомых на морском берегу; Певун никогда и вообразить бы не мог, что Король заинтересуется его жалким семечком, застрявшим в сорока миллиардах структур от нее. То, что жизнь Певуна скоро окончится, Короля, отделенную от него тысячами звездных облаков, ни в малейшей степени не волновало. Певун значил для нее не больше, чем пылинка на

алтаре святилища во Дворце Тысячи Измерений. Пылинку, во всяком случае, Король могла видеть невооруженным глазом.

Большое око требует величайшей аккуратности в обращении. Это единственный инструмент, способный обойти ограничение абсолютно-предельной скорости и мгновенно соединить любые две точки пространства. Хотя другие низкоэнтропийные сущности тоже создавали похожие приспособления, их инструменты не умели пробить завесу небытия, как это делало большое око, подарок древних богов. Но, согласно мудрости, содержащейся в традиционных песнях, к колдовству нельзя прибегать слишком часто — Изгнанница-Смерть, жаждущая уничтожения Вселенной, может обнаружить колдунов.

Призыв через большое око на дальние расстояния применялся только для вызова членов королевской семьи и важных министров, или когда шел суд над особо опасным преступником.

Певун не принадлежал ни к одной из вышеперечисленных категорий.

И все же Король обратилась к нему. Она предстала перед Певуном в большом оке, и его поразило ее величие. Он простерся на полу, не решаясь оскорбить Ее Величество даже взглядом.

Почти инстинктивно пробормотал ритуальные формулы поклонения.

Это был второй раз в его жизни, когда он лицезрел Короля.

В его далеком детстве карета Короля однажды проходила по небу родного мира. Маленький Певун сидел тогда в кроне каменного дерева и сумел разглядеть Короля. Какое у нее было чудесное лицо — слишком красивое, чтобы смотреть на него в непосредственной близи. Король была прекраснее всех Гибких, которых он когда-либо видел. Но она была Король — вечно юная, не идущая ни в какое сравнение с другими Гибкими. В сердце Певуна не было плотского желания Жесткого по отношению к Гибкой, в нем жила только чистая духовная любовь, подобная восхищению, которое питают бездноделфины к звездным облакам. По примеру древних поэтов, он научился претворять свою страсть к Королю в красивые, но печальные песни.

В тот далекий день Король, конечно же, не подозревала о существовании Певуна и даже не глянула в его сторону. Прошло огромное количество зерен времени, и теперь он — старик-Жесткий на пороге смерти, а она осталась точно такой же, как в тот день. И она будет жить

вечно.

— Ты старейшина Певун? — спросила Король. Холодный и прекрасный голос. Ах если бы она запела! Каким удовольствием было бы слушать ее! Певун постарался прогнать мысль, едва она возникла. Нельзя, чтобы Король обнаружила эту дерзость в его органе мышления.

— Я и впрямь тот недостойный, что носит это имя, — проговорил Певун, трепеща всем телом.

— Явись во Дворец Тысячи Измерений. Я желаю задать тебе кое-какие вопросы.

— Повинуюсь.

Вызов удивил Певуна, но он не стал ни о чем расспрашивать. Быстро включив усик-детектор электрического поля, он попытался установить дальнюю связь. Частота родного мира уже была открыта, и соединение установилось без проблем. Певун отключил большинство своих сенсоров, и его охватило удивительное чувство — как будто он парил на крыльях неописуемо прекрасной мелодии.

Давно забытое тяготение родного мира пробудило его от забытья. Он находился в теле-носителе. Тело-носитель было молодо, и Певун почувствовал прилив сил. Набравшись храбрости, он огляделся по сторонам. С помощью

большого ока его орган мышления пересек сорок миллиардов структур, чтобы обеспечить удаленное присутствие Певуна во Дворце Тысячи Измерений, раскинувшемся под звездной пропастью. У Певуна возникло ощущение, будто он сам вернулся в родной мир. Он восхищался открывавшимися его взору видами страны чудес, в которой до этого мгновения никогда не бывал.

Но вскоре он понял: что-то не так. Дворец больше не являл собой воплощение совершенной красоты. Хотя Певун никогда не посещал его раньше, он был уверен, что дворец не всегда выглядел как сейчас. Все вокруг лежало в руинах. Каменные деревья, образующие стены и колонны дворца, засохли; землю под ними устилали алые листья — некоторые из них еще шевелились. Большой зал был наполовину разрушен, и даже алтарь у дальней стены был поврежден до неузнаваемости. Фотонные фрески на стенах затянуты путаницей червеструн. Сквозь разбитые стены он видел остальную часть столицы — тоже сплошные развалины. Повсюду валялись трупы гигантских черепах-земленосцев, и лишь в отдалении одна-две из них еще держались на ногах.

Певун посмотрел вверх. В небе господствовала тьма звездной пропасти. Великолепное

сверкающее живое море, некогда обрамлявшее пропасть, по большей части исчезло, а из сотни с лишним летающих городов осталась горстка. Балансоптица, жалобно крича, изо всех сил била израненными крыльями, но едва удерживалась в небе. Надо всем витала аура смерти.

Наконец Певун обратил взор к Королю. Безупречное тело Короля все еще одевало священное пламя, но огонь был очень слабым. А ведь когда-то его ослепительный свет затмевал сияние звездных облаков! Лицо Короля, все еще несравненно прекрасное, выражало безмерную печаль. Король больше не была высшим, несокрушимым символом власти; она выглядела как обычная, отчаявшаяся Гибкая.

Орган мышления Певуна затрепетал: Король и родной мир, как и семя Певуна, стояли на пороге смерти. Но как это может быть? Ведь родной мир вечен, а Король бессмертна!

И тут он услышал ее голос:

— Мне жаль, что твоя смерть близка, старейшина.

— Для меня честь умереть за вас, Ваше Величество. Все умирает, но Ваше Величество живет вечно. — Хотя это была ритуальная фраза, Певун вложил в нее искреннее чувство.

— Благодарю за верную службу. Но… я тоже скоро умру. — Голос Короля звучал ясно и ровно.

— Но это же невозможно! — Певун и сам догадался о страшной правде, но, даже услышав подтверждение от Короля, поверить все равно не мог.

— Пришла загадочная низкоэнтропийная сущность, — сказала Король. — И теперь мой дворец лежит в руинах, мой город разрушен, мой народ погублен и мой мир сожжен дотла. Хотя сущность исчезла на время, она в любой момент может вернуться. Я и родной мир… мы скоро умрем.

Певуна затрясло. Грядущее разрушение родного мира наполнило его яростью и отчаянием, но он не мог понять, почему Король выбрала именно его, Певуна, чтобы поделиться этой новостью. Следующие слова Короля утолили его любопытство, но одновременно поразили до глубины души.

— Поскольку все это как-то связано с тобой, мне требуется доступ к твоей памяти.

— Не понимаю… — промолвил Певун. Не озаботившись объяснениями, Король протянула огненный усик и погрузила его в орган мышления собеседника. Певун остолбенел. Он и не подозревал, что, оказывается, через большое

око можно осуществить прямой доступ к органу мышления, находящемуся на удалении в сорок миллиардов структур.

Король прикоснулась к нему! Певун млел от удовольствия, пока она шарила в его органе мышления. Она искала долго, но, похоже, найти желаемое не удалось. В конце концов Король разочарованно втянула огненное щупальце.

— Не вижу никаких сведений о загадочной низкоэнтропийной сущности.

— Я никогда не слышал об этой загадочной низкоэнтропийной сущности, поэтому неудивительно, что у меня нет о ней никаких сведений. — Певун все еще был сбит с толку.

Король вздохнула. Она указала огненным усиком в небо и произнесла:

— Мы подозреваем, что загадочная низкоэнтропийная сущность — звездощип из твоего участка звездного облака. Поскольку ты был первым, кто обнаружил эту расу, я призвала тебя, чтобы отыскать хоть какие-нибудь подсказки.

— Этого не может быть! — воскликнул Певун. — Несмотря на то что звездощипы развились весьма быстро, они и своим-то клочком космоса едва овладели. До сих пор не могут выйти за пределы своего звездного облака, которое назы-

вают Путем Белой Питательной Жидкости! Как могли они пересечь сорок миллиардов структур, чтобы напасть на родной мир? Да если бы они и пришли, то с их примитивными технологиями им не удалось бы убить даже одну-единственную черепаху-земленосца!

— Не «они», а «она», — сказала Король. — Загадочная низкоэнтропийная сущность — это отдельный индивидуум. Мы никогда не сталкивались со столь ужасным существом ни в одном из бесчисленных известных нам миров. Но, основываясь на сообщениях свидетелей, нам удалось сопоставить описание таинственного незнакомца с одной записью в сверхъядре. Очень похоже на тех самых звездощипов, которых ты зачистил.

— Наверняка это лишь совпадение! Во Вселенной триллионы видов низкоэнтропийных сущностей. Неудивительно, что некоторые из них похожи друг на друга.

— Возможно. Но я все же хочу услышать, что ты думаешь о звездощипах. Может быть, в твоих мыслях мы почерпнем что-нибудь полезное для нас.

— О звездощипах? По-моему, они немного странные. После зачистки их родной системы я

о них почти позабыл. Но позже, после того как некий вид низкоэнтропийных сущностей начал распространяться по всему моему участку звездного облака, мне захотелось больше узнать о его происхождении. Однажды мне удалось поймать одного из их межзвездных червей, и тогда обнаружилось, что они — потомки тех самых звездощипов. Во время войны между ними и соседней системой кое-кто из звездощипов удрал в космос. Все это произошло до моей зачистки, и поэтому нынешние звездощипы — не потомки тех, кого я зачистил. Уж там-то никто не выжил.

Объясняя, Певун тщательно подбирал слова. Хотя он был уверен, что Король, обыскавшая его память, уже знает все, что знал он сам, он по-прежнему стремился прояснить любое возможное недоразумение. Стоя на пороге смерти, он не очень-то волновался о наказании, но не хотел, чтобы его любимая Король посчитала, что он плохо выполнил свою работу.

— Не тревожься, старейшина Певун. Ты следовал установленным инструкциям зачистки, и никто не собирается обвинять тебя в случившемся. Возможно, загадочная низкоэнтропийная сущность на самом деле не имеет никакого отношения к звездощипам. — Произнеся это, Король

замолчала.

Согласно придворным протоколам, молчание Короля означало конец аудиенции. Хотя Король прямо не приказывала посетителю уйти, сейчас ему следовало бы попрощаться и покинуть телоноситель, чтобы вернуться в терпящее крушение семя на другом конце Вселенной. Но Певуну хотелось провести рядом с Королем как можно больше времени, поэтому, немного поколебавшись, он остался на месте.

— Расскажи мне больше о звездощипах, — попросила Король. — Я заметила, что они захватили почти все свое звездное облако, — не такой уж частый успех для низкоэнтропийных сущностей.

— О да, конечно. Эти безродные выскочки коварны и злы, но при этом полны чуткости. Они ксенофобы и наглецы, но при этом вечно чем-то встревожены. Они считают себя хозяевами своего звездного облака, но при этом выдумали множество религий, в которых поклоняются ему, называя матерью. Собственно говоря, в некотором смысле, я думаю, что они… они…

— Не волнуйся так. Мне интересно все, что ты скажешь.

— Хорошо, но, пожалуйста, простите, если я невольно оскорблю вас. Я думаю, что они… в

чем-то похожи на нас. — Едва произнеся эти слова, Певун пожалел о них. Как он мог сравнить презренных звездощипов с благородными Созерцающими Бездну? К тому же перед кем — перед Королем!

Но Король, похоже, не имела ничего против.

— Думаю, ты прав, старейшина Певун. Мы называем себя потомками богов, но по своей природе мы не слишком отличаемся от этих низких звездощипов.

Пока Певун обдумывал слова Короля, та продолжала говорить. Она, казалось, обращалась не столько к посетителю, сколько к себе самой.

— Давно ходят легенды о разрушениях, учиненных такими вот загадочными низкоэнтропийными сущностями. Кое-кто утверждает, что это один индивидуум; другие — что два отдельных или, возможно, две ветви одного корня. Мы никогда не обращали особого внимания на такие истории. Между тем миллионы зерен времени назад исчезли Нулевики; четыреста тысяч зерен времени назад исчезли Мыслители; триста пятьдесят тысяч зерен времени назад был разрушен мир Предотвратителей. Поговаривали, что всех их уничтожила одна и та же загадочная сила — возможно, даже одна и та же низкоэнтропийная

сущность.

Певуну мало что было известно об упомянутых Королем исчезнувших видах, за исключением того, что они являлись одними из древнейших цивилизаций во Вселенной. Они давно вышли за рамки правил, обязательных для менее великих рас, и не скрывали себя. За исключением некоторых туго соображающих недотеп, их никто не осмеливался зачищать, — ну разве что недотепы желали покончить жизнь самоубийством. Какая ужасная сила могла уничтожить эти виды один за другим? Если даже *с ними* расправились, то неудивительно, что сейчас настал черед столь же древнего родного мира.

— Помимо сокрушительной атаки, что еще низкоэнтропийная сущность сделала с родным миром? — спросил Певун. Его ранг был слишком низок, чтобы задавать Королю такие вопросы, и он был готов к тому, что Король отругает его и немедленно прогонит с глаз долой.

Но Король ответила:

— Именно это и беспокоит меня больше всего. Низкоэнтропийная сущность просмотрела банк данных в нашем сверхъядре в поисках информации о… скрытой расе.

— Но Ваше величество! Практически каждая

раса во Вселенной скрывает себя. Ген затаивания — естественная составляющая всех низкоэнтропийных сущностей. Кроме считаного количества древних или, наоборот, несмышленых молодых видов, остальные изо всех сил стараются не высовываться, — недоумевал Певун.

— Нет, не думаю, что таинственный незнакомец пытался найти какой-то ординарный вид; наверняка он искал наследников Творца. Вероятно, это как-то связано с войной богов в далеком прошлом. Сейчас родной мир полон слухов о том, что загадочная низкоэнтропийная сущность — посланница Бога Смерти и явилась сюда, чтобы уничтожить мир по приказу своего хозяина. Министры опровергли слухи по официальным каналам, но я… я не знаю. — Голос Короля дрожал, как испуганная спектрорыба.

Певун понял теперь, почему Король поведала ему все эти тайны. В этот момент правительница ничем не отличалась от любого обывателя. Ей нужно было, чтобы ее кто-то выслушал, но она не могла признаться в своих страхах и тревогах перед ближайшим окружением. Певун, ничем не примечательный старик, готовящийся встретить смерть в миллиардах структур отсюда, был идеальным слушателем. Король могла обнаружить

при нем свою уязвимость и при этом не беспокоиться, что он добавит пищи слухам.

Певун смотрел в слегка побледневшее лицо Короля. Она была где-то за многие звездные облака от него и одновременно так близко, что он мог бы коснуться ее. Певун был счастлив, но все же сердце его щемило.

Моя Король – благороднейшая дочь Творца,

Стоящая на страже мира по велению родителя.

Мрак звездной пропасти лежит у ног ее,

И вечное пламя окутывает ее светом.

Певун вспомнил древнюю песнь, а заодно и мифы о сотворении мира, передававшиеся на протяжении миллиардов зерен времени.

Первым богом была Смерть, и смерть властвовала над изначальной вселенной. Затем старший сын Бога Смерти восстал против своей матери и в конце концов изгнал ее. Он сделал это, чтобы принести в мироздание жизнь и создать новую вселенную, став таким образом Творцом. Но вскоре Изгнанница-Смерть нанесла ответный удар. Так Творец и Смерть начали войну, которая

потрясла само основание космоса и закончилась тем, что Бог Смерти снова была изгнана. Однако Творец вскоре тоже ушел, оставив после себя Созерцающих Бездну — своих потомков, соплеменников Певуна.

Это был не просто миф. Лучшим доказательством тому служила сама Король, родившаяся в давнюю эпоху богов и живущая до сих пор. Она была не такая, как остальные Созерцающие Бездну. Историки родного мира досконально изучили немногие документы, сохранившиеся с тех давних времен, с целью узнать, откуда пошла их раса.

Созерцающие Бездну зародились в облаке, плавающем в живом море, которое окружало звездную пропасть. В самом начале становления их цивилизации они, как и звездощипы, понятия не имели о законах выживания и не скрывали своих координат. В результате их едва не зачистили, но некая сверхцивилизация пришла им на помощь и обучила передовым технологиям. Она даже создала для них постоянное убежище — родной мир. Эта сверхцивилизация и была Творец, и древние мифы по большей части зародились именно в те времена. Вполне возможно, что Король изначально принадлежала к цивили-

зации Творца.

Историки не могли понять, почему эта древняя раса пошла наперекор правилам выживания и помогла Созерцающим Бездну, даже реструктурировала их цивилизацию. Подробности контакта между Созерцающими Бездну и Творцом затерялись во времени. Созерцающим Бездну оставалось лишь предположить, что Творец был одной из тех редких цивилизаций, которые воплощали в себе всеобщую любовь и милосердие. Конечно, у этой теории имелись и изъяны. Например, в мифах повествовалось, что ради безопасности своих подопечных Творец помог им истребить сотни близлежащих цивилизаций.

Возможно, только Король знала правду. Она была единственной, кто существовал в эпоху мифов и дожил до сегодняшнего дня, и единственной, кто видел эволюцию Созерцающих Бездну от жалких обитателей облака в живом море до одного из самых могущественных видов во Вселенной. Одним из ее титулов был «Дочь Творца». Король не мешала народу строить догадки на ее счет, но и на вопросы не отвечала. По существу, она принимала участие только в решениях, которые влияли на выживание вида, а в прочую политику не вмешивалась — политикой занимался

Совет старейшин. По большей части Короля почитали только как чисто декоративную фигуру. Однако все верили, что она обладает великой силой, унаследованной от древней цивилизации Творца. Король, будучи неизменным хранителем Созерцающих Бездну и родного мира, спасла свой народ от множества бед.

Певун припомнил славный рассказ о том, как она шла во главе армии, чтобы утихомирить восставший окраинный мир. Об этом даже песню сложили:

О Дочь Творца, о Король-полководец!

Звездное облако ее боевой плащ,

Волны длинной мембраны – ее усики.

Словно на суперструнах, она играет на всем сущем.

Она перемалывает космос в темную материю

И швыряет ее в вечный мрак звездной пропасти.

Но Король, с которой он сейчас беседовал, не производила такого грозного впечатления. Снедаемый любопытством, Певун спросил:

— Простите мою самонадеянность, Ваше Ве-

личество, но наследники Творца, которых ищет эта загадочная низкоэнтропийная сущность… это ведь мы?

Король вздрогнула, однако вспышка окутывавшего ее света указывала скорее на тревогу, чем на гнев. Она явно думала о том же.

— Не знаю, — ответила она. — Возможно, низкоэнтропийная сущность — это нечто, чего мы вообще не в состоянии уразуметь.

Певуну пришлось некоторое время подумать, чтобы понять значение слов Короля. А когда понял, озноб пробрал его до глубины души.

— Если низкоэнтропийная сущность и вправду посланница Бога Смерти, то…

— То тогда она ищет нас, — закончила Король.

Певун не нашел что ответить.

— Не знаю, зачем я рассказываю тебе это, старейшина Певун, — произнесла Король. — Но да ладно. Тайна умрет вместе с тобой. Я хранила ее миллиард и триста миллионов зерен времени. Больше я не хочу ее хранить.

Певун видел, как тускнеет защитное пламя, окружающее Короля. Это означало, что ее жизненная сила убывает. Король все больше становилась похожа на обычную Гибкую.

Гибкую, которую он мог бы любить…

Певун подавил непочтительную мысль и приготовился выслушать рассказ Короля.

* * *

— Война между Смертью и Творцом — не миф; она произошла в действительности еще до зарождения нашей расы. Сама звездная пропасть образовалась в результате великой битвы. Чтобы избежать расправы со стороны Изгнанницы-Смерти, Творец спрятался в живом море вблизи звездной пропасти. Но Творец был слишком слаб, и жить ему оставалось всего несколько миллионов зерен времени, поэтому он создал Созерцающих Бездну. Мы не потомки Творца, мы его творение. Как только у нас развился примитивный разум, Творец дал нам цивилизацию, научил технологиям и сделал меня Королем. И после этого умер.

Я не дочь бога, и я не воскресала через три дня. Я была когда-то обычной Гибкой, как и все прочие Гибкие. Но Творец избрал меня и наделил нетленным телом и неукротимым духом. У меня только одна миссия: защищать родной мир. Наш мир — это гигантская машина, которую создал Творец. Она скрывает в себе механизмы невероятной мощности, цель которых — наблюдать за

космосом и следить, не предпримет ли Изгнанница-Смерть попытку реванша. Стоит только Богу Смерти приступить к финальному заклинанию, как машина узнает об этом и сможет найти ее жилище. И в тот же миг звездная пропасть и двадцать звездных облаков вокруг нее будут обращены в чистую энергию и направлены за пределы нашей Вселенной, чтобы разрушить дворец Смерти.

— О небеса! — воскликнул Певун. — А я и понятия не имел, что родной мир обладает такими мощными технологиями!

Певун хорошо знал, что значит преобразовать звездные облака в энергию. Этой энергии хватило бы, чтобы уничтожить все между родным миром и семенем Певуна, находящимся за сорок миллиардов структур отсюда.

— Это не технология, разработанная нашей расой, а механизм, созданный самим Творцом. Если бог-изгнанница сотворит свое роковое заклинание смерти, машина включится автоматически, без постороннего вмешательства. Наше единственное предназначение — защищать родной мир. Ради этого Творец наделил нас мощью, достаточной, чтобы господствовать над Вселенной. В древних мифах эта мысль неоднократно

подчеркивается.

— Но… разве подобное мироустройство не привлекает внимания к нашей планете? — озадаченно вопросил Певун.

— Вселенная полна жизни, в том числе и разумной. Созерцающие Бездну лишь одна из бесчисленных цивилизаций, и никто не обратил бы на нас внимания, если бы не наша ошибка — слишком быстрая экспансия. В течение последних сотен миллионов зерен времени мы называли себя народом Творца и росли, зачищая все на своем пути до тех пор, пока наши усики не раскинулись на пол-Вселенной. Мы оправдывались стремлением как можно лучше скрыть родной мир. Но, действуя таким образом, спрятаться весьма трудно. К тому же я забыла о собственной миссии. После того как было подавлено восстание окраинного мира, я самонадеянно уверовала, что Творец будет покровительствовать нам вечно. Вот почему нас постигла божественная кара.

Певун не знал что ответить. Наконец он нашелся:

— Но та загадочная низкоэнтропийная сущность наверняка ведь пока еще не докопалась до тайны, которую вы храните?

— Ей удалось найти мифы и песни древности, —

ответила Король голосом, полным печали. — Если эта сущность и вправду послана богом-изгнанницей, ей нетрудно расшифровать правду, стоящую за мифами. Даже если ей и неизвестно истинное предназначение Созерцающих Бездну, она не оставит нас в покое. Многие утверждают, что сущность уже ушла, но я-то знаю, что это не так. Столь разрушительное первое нападение было нужно только для того, чтобы добраться до нашей информации. Настоящая атака еще впереди. Это всего лишь вопрос времени.

А времени с каждым его уходящим волоском оставалось все меньше.

И вдруг Певун испытал странное ощущение — как будто в его тело проникло нечто невидимое, нематериальное. Инстинкт Созерцающего Бездну подсказал ему, что это не иллюзия, а реальное изменение физической среды, хотя Певун и не мог понять, что происходит. Он увидел, как Король пытается встать, но внезапно стена позади нее рухнула. Яркая фигура Короля исчезла, погребенная под грудой обломков. Певун в панике закричал:

— Нет!..

Напрягая все силы, он пополз к Королю, но перед ним упало массивное каменное дерево и

перегородило путь. Отовсюду доносились сирены тревоги — по-видимому, бедствие обрушилось на весь город. Внезапно Певун почувствовал, что его тело-носитель стало невесомым и поплыло вверх, но в следующий момент тяжело грохнулось на землю. Воздух наполнили горестные крики. Пол дворца накренился, и тело-носитель Певуна покатилось в угол. Боль пронзила его, и тогда он понял, что черепаха, которая держала на своей спине Дворец Тысячи Измерений, умерла.

Как и многие другие низкоэнтропийные сущности родного мира, черепахи-земленосцы были одновременно и живыми существами, и разумными машинами. Гигантские создания служили базовыми элементами в архитектуре городов родного мира. В далеком прошлом Созерцающие Бездну кочевали на них по всей планете в поисках подходящих мест для поселения. Ныне черепах контролировало сверхъядро, и они не могли упасть вот так неожиданно, без предупреждения. Хотя Дворец Тысячи Измерений выглядел как классическое здание, составленное из каменных деревьев, сверхъядро полностью модифицировало его, чтобы держать под контролем каждый несущий стык. Живые стены или деревья-колонны не могли рухнуть внезапно;

а если бы такая катастрофа и произошла, немедленно включились бы защитные силовые поля, которые не допустили бы дальнейшего урона. Однако нападение неизвестной сущности вывело интеллектуальные системы из строя. Родной мир, сотни миллионов зерен времени наслаждавшийся безопасностью в теплице сверхсовременных технологий, теперь содрогался в пароксизме землетрясений, подобных тем, что происходят в мирах, населенных примитивными видами.

Землетрясение! Но это невозможно! В родном мире никогда не случалось землетрясений, потому что в нем не было тектонических плит или жидкой мантии. Певун только что узнал, что родной мир — это гигантская машина, созданная Творцом. Неужели его внутренним механизмам нанесен непоправимый ущерб?

Певун почувствовал, как ужасная тяжесть придавила его к земле и не дает подняться. Он едва мог выполнять самые основные движения, необходимые для поддержания жизни. Его собственное жизненное поле подавало сигнал величайшей опасности. В этот момент с неба, жалобно вскрикнув, упала балансоптица и рухнула рядом с ним, не в силах пошевельнуть крыльями. Прежде чем Певун успел среагировать, на

землю опустился целый рой матрисекомых. Они жужжали, силясь раскрыть крылья, но взлететь не могли. Певун поднял глаза к небу: все, что летало, — падало, словно начался метеоритный дождь.

Певун в любой момент мог покинуть свое тело-носитель и вернуться в звездное облако звездощипов, за сорок миллиардов структур отсюда, где ни одна из сил, разрушающих родной мир, не сможет причинить ему вреда. Но он не хотел уходить, потому что… потому что Король оставалась здесь. Он силился разглядеть, что с ней случилось, но упавшее каменное дерево загородило обзор.

Небо прочертила серебристая полоса — это потерявшее управление семя пикировало прямо на дворец. Певун решил, что семя врежется в алтарь, но оно не долетело до земли, превратившись во вспышку ослепительно белого света. Огненные обломки полетели во все стороны, и этот фейерверк, словно цветок драконоеда, угрожал проглотить Певуна. Но огонь тут же потух — защитное поле Дворца Тысячи Измерений все еще действовало. Певун пытался успокоить свой впавший в панику орган мышления, но ничего не выходило. Все кругом рушилось, здания рас-

сыпались в щебень, отовсюду слышались крики умирающих соплеменников.

Невидимый враг пошел в атаку. Певун не знал ни каким оружием он воспользовался, ни где он находится. Наступил апокалипсис. Почему-то Певун подумал о звездощипах. Много зерен времени назад, когда их мир погружался в ловушку дуал-векторной фольги, — что они ощущали тогда? Такой же ужас, такую же беспомощность?

Теперь подобная судьба постигла его родной мир.

Взлетел фонтан обломков, и яркий красочный луч выстрелил в небо. Король взмыла в воздух, словно бессмертная богиня. Она мягко приземлилась рядом с Певуном и спросила:

— С тобой все в порядке?

Поток священного огня вырвался из нее и обволок тело Певуна. Певун почувствовал, как уходит гнетущая тяжесть. Он легко, без усилий встал.

— Антигравитация, — с улыбкой пояснила Король. Певун снова почувствовал себя полным сил и радости. Король не погибла, а продолжала бороться. Надежда не покинула родной мир.

— Ваше Величество, что произошло? Мы включили планетарные двигатели? Мы покидаем край звездной пропасти? — Теперь, когда Певуну

предоставилась возможность успокоиться, он наконец понял, почему не мог подняться с земли, почему рухнули стены и колонны дворца и почему упали летающие создания. Такое происходит при ускорении, значит, двигатели родного мира были приведены в действие. Говорили, что их планета способна за короткий промежуток времени разогнаться до абсолютно-предельной скорости. Как правило, такого не происходило без заблаговременного предупреждения или принятия мер защиты, но ведь сейчас ситуация чрезвычайная… И все же, если родной мир собирался изменить курс, почему Король, казалось, не ведала об этом заранее?

Огненные усики Короля замерцали в отрицании:

— Не думаю, что это возможно. Мы не можем уйти от звездной пропасти, иначе контрмеры против Изгнанницы-Смерти окажутся неэффективными. Оставаться здесь — таков был самый важный наказ Творца. Мог ли Совет старейшин решиться на это? Но у них нет полномочий включать планетарные двигатели. Разве что…

Певун подумал об иной возможности: по другую сторону родного мира внезапно материализовался чрезвычайно массивный объект, и планета

стала проваливаться в его гравитационный колодец. В этой экстренной ситуации, чтобы родной мир не отклонился от своей орбиты, включились планетарные двигатели, и сила тяжести на поверхности родного мира резко возросла.

Но что это за объект? Звезда? Планета-гигант? Певун не мог представить, какая сила способна внезапно переместить массивное небесное тело к границам родного мира, минуя при этом заслоны систем заблаговременного оповещения, простирающиеся в космос на несколько структур. Певун застыл от ужаса, вообразив, как родной мир погружается в огненную пучину звезды.

— Не нужно бояться. — Король почувствовала тревогу в органе мышления собеседника и попыталась его успокоить. — Даже если бы внезапное увеличение гравитации произошло из-за гигантской звезды, ни с того ни с сего оказавшейся поблизости, автоматические системы защиты погасили бы ее, словно огонек химической горелки, за один волосок времени.

Король повернулась к алтарю и спросила:

— Сверхъядро, что это за новый источник гравитации?

Над алтарем появилась виртуальная огненная сфера.

— Я не обнаруживаю никакого нового источника гравитации, — ответило ядро.

Король и Певун переглянулись. Король проговорила:

— Но как же так? Гравитация в родном мире усилилась как минимум в десять раз! Заработали планетарные двигатели?

— Нет. Вы единственная, кто имеет право запускать планетарные двигатели, Ваше Величество.

— Но тогда… что происходит?

— Прошу прощения, — сказало ядро. — Сложившиеся условия беспрецедентны. В настоящий момент я пытаюсь проанализировать данные, полученные из двух миллионов четырехсот тысяч точек наблюдения в родном мире и вокруг него. Надеюсь скоро получить результаты анализа.

Последовавшее ожидание чуть не свело их с ума. Наконец пламя сверхъядра полыхнуло ярче, обозначая, что результаты получены.

— Ваше Величество, предварительный анализ показывает, что мы подверглись атаке через изменение основной физической константы. Согласно системе координат звездной пропасти, эпицентр находится здесь: □142.522▽624.713◇64.214. Затронутая область представляет собой сферу диаметром 1,43 структуры и с центром в обозначенной

точке. В пределах целевой области все гравитоны увеличили скорость своего вращения под влиянием неизвестных высокоэнергетических частиц, в результате чего местная гравитационная постоянная возросла с 31,772 до 381,213, то есть примерно в 12 раз.

«Изменение основной физической константы?» Певун не понимал, что это значит, но поначалу слегка успокоился: это по крайней мере казалось не таким страшным, как неизвестно откуда взявшееся массивное небесное тело или атака на размерность. Пока их защищает антигравитация, дела не так плохи.

Но тут Певун глянул на Короля и изумился: ее лицо выражало одновременно и шок, и умиротворение — как будто безысходность и неизбежность парадоксальным образом принесли ей покой. Певун понял: что-то не так. Он пробормотал:

— Ваше Величество… что это значит?..

Король молчала.

Певун повторил свой вопрос.

Король беспомощно вытянула щупальце и указала в небо. Певун взглянул вверх. Все летающие существа и машины упали. Наверху зияла лишь звездная пропасть.

«Звездная пропасть! О Творец!»

Певун понял. Согласно простым физическим уравнениям, гравитационная постоянная прямо пропорциональна радиусу коллапса звездной пропасти. Если гравитационная постоянная возросла в двенадцать раз, то радиус коллапса звездной пропасти тоже увеличился в двенадцать раз, выйдя за орбиту родного мира.

«Родной мир упадет в звездную пропасть.

Нет, не «упадет». Уже падает».

Родной мир находился внутри радиуса коллапса и быстро и неуклонно погружался в пучину абсолютной тьмы.

У них имелось 120 000 космических двигателей. Если запустить все, родной мир может достичь абсолютно-предельной скорости за очень короткий промежуток времени, достаточный, чтобы убежать от любой обычной атаки. Но сейчас этот способ был бесполезен. Даже если бы они достигли предельной скорости мгновенно, от звездной пропасти все равно не убежать. Радиус коллапса обозначил границу, за которую не могут вырваться даже длинные и короткие мембраны, всегда движущиеся с абсолютно-предельной скоростью.

Звездная пропасть вот-вот поглотит родной мир.

Это и была настоящая атака загадочной низкоэнтропийной сущности. Она не оставила родному миру ни малейшей возможности для спасения.

Король и Певун переплели щупальца, утешая друг друга. В этот момент они больше не были правителем и подданным, стоящими на двух краях непреодолимой классовой бездны, больше не были незнакомцами, разделенными расстоянием в миллиарды структур. Обычный Жесткий и обычная Гибкая вместе шли навстречу ужасной судьбе.

* * *

В темном пространстве высоко над Дворцом Тысячи Измерений открылась дверь, обозначенная слабо светящимся прямоугольником.

В двери появился ангел, принесший смерть родному миру. Он дрейфовал в космосе, словно гравитация на него не действовала. Ангел молча, бесстрастно наблюдал, как родной мир внизу превращается в огненную преисподнюю.

Он не гордился тем, что сделал, но и вины не испытывал. Выходец из этого мира однажды уничтожил его собственную планету, а теперь он, ангел смерти, сделал то же самое с его миром. Все честно. Это была не месть — это была судьба.

Жизнь требовала смерти, а разрушение давало начало возрождению. Все пойдет прежними путями. Миллиарды и миллиарды лет спустя этот мир возникнет вновь и повторит свою долгую и славную историю: процветание и мечта, любовь и заговор, демократия и наука, война и смерть…

Все будет так же, как уже происходило раньше.

Так же, как и с любым другим миром.

Точно так же.

Тот же момент времени,
в 2,5 структурах от родного мира

За пределами мира звездной пропасти, не слишком далеко от густой сети межзвездных маршрутов, которыми пользовались Созерцающие Бездну, дрейфовал маленький, незаметный клочок космической пыли. Созерцающие Бездну считали пылевое облачко бесплодной пустошью. Внутри облачка прятались кусочки темной материи, но их количество было ничтожным. Никто не думал, что в этом сгустке пыли есть что-то стоящее, а если бы кто-то и попытался там покопаться, ничего бы не накопал.

Тем не менее в темной материи пылевого облака скрывалось нечто интересное.

Активизировалось пробуждающее устройство. Один огонек, два, три…

Это означало тревогу третьей степени. Случилось что-то из ряда вон.

Спящее долгим сном поле познания пробудилось. Прошло немало времени, прежде чем оно поняло, что произошло, и тогда оно обратилось ко второму полю познания:

— Номер 2012, проснись! Иди сюда, глянь!

— Слушай, Номер 2046, сколько раз тебе повторять? Если только это не *то событие*, не смей меня будить!

— Вот балда! Говорю ж тебе — событие как раз и произошло! То самое, которое мы ждали тридцать тысяч великолет!

Поле познания выпустило воспринимающую нить. Информация, с которой нить вернулась, была настолько невероятной, что поле познания проверило результат еще раз. Все правильно!

Поля восприятия, поля познания, поля энергии — все возвращалось к жизни. Ликование вспыхнуло в пылевом облаке.

— Вот это да! Значит, нас ожидает шоу, какого и за миллион жизней не увидишь!

Тот же самый момент,
в радиусе коллапса
звездной пропасти

Король не поддалась отчаянию. Она отпустила

щупальца Певуна и отдала приказ сверхъядру:

— Все планетарные двигатели на максимум. Направление — прочь от звездной пропасти. Вполне возможно, что ресурсы нашего врага ограниченны, и состояние повышенной гравитации не продлится долго. У нас еще есть шанс.

— Во время первой атаки мы потеряли 55 144 двигателя, — сообщило сверхъядро. — У нас недостаточно мощности.

Король с горькой улыбкой процитировала древнюю пословицу: «Мертвая балансоптица не умрет повторно».

— Немедленно приступаю к выполнению вашего приказа, — отчеканило сверхъядро.

Планетарные двигатели с рокотом ожили. Родной мир отчаянно старался удержаться над пропастью. Земля тряслась — так кривизнорыба хлопает плавниками в слишком мелкой луже, стремясь хоть на несколько мгновений отсрочить неизбежную гибель.

Но сверхъядро уже вычислило точный момент, когда родному миру придет конец:

— Мощности двигателей хватит, чтобы продержаться еще 18,53 узла времени. Затем родной мир начнет ускоряться в направлении пропасти и еще через 22,12 узла времени достигнет порога

разрыва и будет разнесен на куски приливными силами.

Иными словами, если в течение приблизительно сорока узлов времени местная гравитационная постоянная не вернется к прежнему значению, родной мир погибнет. Оба, и Король и Певун, понимали, что могучий враг, вероятно, просчитал все варианты и не позволит им выбраться из ловушки, но попробовать все же стоило.

Сверхъядро сообщило Королю, что на поверхности родного мира воцарился полный хаос. Представители Совета старейшин, Исполнительного совета, Военного совета и Ассамблеи, а также должностные лица всех рангов требовали у Короля аудиенции. Она отклонила все запросы и утомленно сказала сверхъядру:

— У меня нет желания провести последние несколько узлов времени в компании политиков. И потом, о чем тут разговаривать?

— Но ваш долг — утешать подданных и вселять в них мужество.

— Я исполняла свой долг в течение 1,3 миллиарда зерен времени. Думаю, я заслужила право отдохнуть в последнюю оставшуюся крупицу зерна. А вообще-то почему бы тебе тоже не отдохнуть?

— Немедленно приступаю к выполнению вашего приказа, — сказало ядро.

Его светящаяся сфера исчезла, а во Дворец Тысячи Измерений вернулся покой. Однако снаружи, из далеких развалин города, продолжали просачиваться вопли и крики. Король нетерпеливо взмахнула щупальцами, и этот жест, похоже, активировал некий механизм подавления шума, потому что жалобные крики смолкли.

Певун смотрел на Короля в ужасе. Он боялся не смерти — он боялся, что Король прогонит его, чтобы остаться со смертью один на один.

Король вспомнила о присутствии собеседника. Повернувшись к нему, она сказала:

— Родной мир вот-вот погибнет. Тебе следовало бы уйти. Ты, по крайней мере, все еще в безопасности.

И верно, стоит только Певуну покинуть телоноситель, как он вернется в звездное облако за сорок миллиардов структур отсюда. Даже если бы родной мир схлопнулся в сингулярность, на Певуне это никак бы не отразилось.

Он покачал головой:

— Какая разница. Тамошние клопы едва не раскатали меня в плоскость. Лучше умереть здесь, чем на дальнем краю известной Вселенной. Мне

как верноподданному повезло встретить смерть бок о бок со своим монархом. Будьте милостивы, окажите мне честь остаться с вами, Ваше Величество.

Король кивнула и улыбнулась:

— Мне приятно твое общество.

Певуна так переполняло счастье, что его голосовой орган слегка расстроился, и он не смог выразить подобающую благодарность.

Король спросила:

— Знаешь, почему я разрешаю тебе остаться?

Певун всем своим видом выразил, что не догадывается. Король усмехнулась:

— Потому что я увидела в твоем органе мышления, что ты любишь петь старые песни. Это верно?

— Простите меня, — смущенно проговорил Певун. — Есть такая глупая привычка.

— Вовсе она не глупая. Некоторые из твоих любимых песен родились в ту же эпоху, что и я. Мало кто умеет теперь исполнять их. Споешь мне?

— Боюсь, что… мой грубый колебательный орган оскорбит ваши небесные уши.

— Брось стесняться. Я люблю слушать пение Жестких. Большинство Жестких не любят петь, и это выделяет тебя из общего ряда.

— Ну… тогда ладно. Я постараюсь. Что бы вам хотелось услышать?

— На твой выбор.

Певун немного подумал, а потом запел песню, которую знал лучше прочих:

Я вижу любовь свою,
Я лечу рядом с ней,
Я дарю ей подарок –
Кусочек затвердевшего времени.
Чудесные знаки вырезаны на нем,
Мягком на ощупь, как ил в мелком озере…

Голос Певуна постепенно затухал, пока не смолк окончательно, — уж очень странным взглядом смотрела на него Король.

— Что не так, Ваше Величество? Я… я неправильно пел?

— Нет, ты пел очень хорошо. Просто… я написала текст этой песни.

Певун опешил.

— Вы ее автор?!

— Нет, эта песня — откровение Творца, — сказала Король. — Творец внедрил ее идеи в мой орган мышления в форме крайне сложных, глубоких

мыслефигур. Я лишь записала нашими письменами то, что было наиболее доступно. На первый взгляд это просто песня о любви, но я уверена, что в откровении Творца содержится важное послание, хоть я и не знаю, как его расшифровать. Что скажешь?

— Я тоже понятия не имею, — признался Певун. — Меня, например, всегда ставило в тупик выражение «затвердевшее время». Сначала я думал, что, возможно, в древности это просто была популярная метафора, смысл которой со временем утратился.

— Нет, — уверенно заявила Король. — Это не какая-то древняя метафора, чей смысл утерян. «Затвердевшее время» — понятие из прорицания Творца, в этом нет ни малейшего сомнения. Пой дальше, старейшина. Возможно, вместе нам удастся докопаться до истины.

И Певун продолжил:

Она окутывает свое тело временем,

И влечет меня за собой на край существования.

Это полет духа.

В наших глазах звезды как призраки,

В глазах звезд мы как призраки.

Когда Певун пел эту песню, его орган мышления всегда исполнялся сладкой печали. Но теперь, узнав, что слова песни — тайна, продиктованная самим Творцом, он увидел эти стихи в новом свете: казалось, к каждому слову можно было подойти с бесчисленным множеством разноречивых эзотерических толкований.

«Затвердевшее время… полет духа… звезды как призраки…»

Орган мышления Певуна затрепетал.

— Ваше Величество, если эти стихи действительно воплощают в себе истину Творца, тогда, возможно… Нет, забудьте. Это слишком абсурдно.

— Расскажи, что ты надумал, старейшина. Разве есть что-то более абсурдное, чем то, что происходит с нами сейчас?

— Хорошо. — Певун попытался разобраться в своих мыслях. — Я думаю, что стихотворение можно истолковать как расширенную метафору. «Я» относится к Творцу; «моя любовь» — к нашей Вселенной; «затвердевшее время» — дар Творца. Создатель сделал время твердым, придал ему форму и наделил им Вселенную.

Семь глаз Короля расширились — признак того, что она сосредоточенно размышляет. Через

некоторое время она подняла взгляд к небу.

— Сверхъядро, ты слышало? Что думаешь? Можно ли сделать время твердым?

Сверхъядро сразу же ожило:

— Поскольку это метафора, ее можно интерпретировать по-разному. Но если мы ограничимся областью физики, затвердевание времени может быть истолковано как превращение времени в одно из измерений. Иными словами, это был процесс, благодаря которому время стало… временем.

— Но разве время по сути своей не измерение? — спросила Король.

— Нет. Время само по себе — не измерение, а форма распределения энергии. Ученые давно поняли, что преобразование времени в одно из измерений — это способ компенсировать дифференциал размерности во Вселенной.

— Что значит «дифференциал размерности»?

— Единственное сбалансированное состояние для Вселенной — это существование в десяти измерениях. Когда число измерений уменьшается, сворачивание определенных измерений в квантовой области нарушает баланс между веществом и энергией и приводит к взаимной аннигиляции частиц и античастиц. Дисбаланс

совокупной энергии во вселенных приводит к разделению энергии и гравитации, которые должны быть уравновешены преобразованием времени.

Кажется, Певуна это объяснение не удовлетворило. У Короля тоже был ошарашенный вид. Сверхъядро продолжало:

— Ученые считают, что исходное состояние Вселенной — десятимерное, но в ней идет процесс понижения размерности. Каждое схлопывание сопровождается драматическим нарушением равновесия между веществом и энергией, что приводит к постоянному расширению пространства в оставшихся измерениях. Поскольку в расширяющейся Вселенной энергия распределена неравномерно, высокоэнтропийная Вселенная становится низкоэнтропийной, а это в свою очередь приводит к обратному процессу — преобразованию низкоэнтропийной Вселенной в высокоэнтропийную. В этом и заключается смысл времени.

— Ты хочешь сказать, что в десятимерье не существовало времени? — уточнил Певун.

— На этот вопрос нет простого ответа. Десятимерная Вселенная была неизменна, и поэтому ее можно было бы описать как длящуюся, но

длилась ли она одно мгновение или вечность, сказать нельзя. Все, что мы можем предположить, — это что в ней не было времени в нашем понимании.

Певун задумался над идеями, высказанными сверхъядром, и в его органе мышления засверкали вспышки света. А через несколько мгновений он крикнул ядру:

— Значит, Творец создал время! И подарил его нам! Я прав?

— Это предположение не имеет под собой научных оснований, — сухо отчеканило ядро. — Я не могу дать никакого вразумительного ответа.

— Тогда объяснение очевидно. Назначение времени — подвести нас к краю существования. Это еще один способ описать непрерывный процесс сокращения размерности во Вселенной. Так вот что такое «полет духа»! — Певун разволновался: стихи, значение которых так долго оставалось для него непонятным, оказывается, несли в себе глубочайший смысл.

— А что насчет двух строк о призраках и звездах? — спросила Король. Поскольку сверхъядро не было экспертом в литературе, оно промолчало.

— Похоже на описание космического полета,

но что-то в нем не совсем… — Певун стих на полуслове и задумался, но затем его орган мышления засверкал снова. — Призрак — это нечто *видимое*, но нематериальное. Все в мироздании зависит от абсолютно-предельной скорости. Чтобы добраться от одного звездного облака до другого, требуются как минимум сотни миллионов зерен времени, и даже перелет от одной звезды до другой часто длится больше отведенного тебе срока жизни. Для большинства низкоэнтропийных сущностей, с которыми я сталкивался, звезды все равно что призраки — они недостижимы; а сами разумные виды, тщательно прячущиеся от чужого взгляда, — тоже призраки для обитателей других миров. Все разделены между собой неимоверными безднами времени и пространства. Только задумайтесь: из миллиардов и миллиардов миров в каждом звездном облаке большинство живут и умирают, не замеченные нами, и большинству из них тоже ничего не известно о Созерцающих Бездну. Мы и остальная часть Вселенной увязли во времени.

— Но обстоятельство, которое ты описываешь, обусловлено абсолютно-предельной скоростью и никак не связано со временем, — возразила Король. — На самом деле сложившаяся ситуация,

можно сказать, — это следствие нехватки времени во Вселенной.

Певун решил, что в этом есть смысл, и задался вопросом, не отклонились ли его собственные предположения слишком далеко от верного пути.

— Я в этом не уверено, Ваше Величество, — подало голос сверхъядро. — Теория предполагает, что абсолютно-предельная скорость и время тесно взаимосвязаны. Похоже, что с потерей каждого измерения и вследствие расширения пространства-времени абсолютно-предельная скорость уменьшается на один-два порядка, а время увеличивается на несколько порядков. Хотя объяснение старейшины Певуна невозможно доказать, оно, во всяком случае, логично.

Король и Певун в изумлении уставились друг на друга. Перед ними открывалась величайшая тайна мироздания.

Творец подарил Вселенной время. Время не только принесло с собой возможность перемен и прогресса, но и дало жизнь низкоэнтропийным сущностям. Время и абсолютно-предельная скорость — это обоюдоострый клинок, разделивший Вселенную, изолировавший низкоэнтропийные сущности и их цивилизации в крошечных зако-

улках необъятного космоса. Для большинства из них истинная тайна мира оставалась непознанной, а безумие превентивной бойни ради собственного выживания стало нормой.

Но в некотором смысле сложившуюся во Вселенной ситуацию можно считать своего рода милостью. Мрак космоса служит для слабых защитным покровом. Это означает, что те, кого мы любим, могут спрятаться и избежать вражеского нападения.

Время было величайшим даром Творца. Оно породило жизнь и все, что ей сопутствует. Время сдерживает амбиции тиранов, желающих покорить Вселенную, и перемалывает их в пыль. Оно дает бесчисленным зародышам цивилизаций пространство, необходимое для развития и процветания. Единственными жертвами на алтаре времени стали измерения и… Бог Смерти В Изгнании.

(Если бы Гуань Ифань, который в этот момент наслаждался буколической жизнью с Чэн Синь в мини-вселенной Юнь Тяньмина, мог услышать эту песню и уразуметь ее значение, он бы понял: то, что он когда-то назвал «синдромом трех и трехсот тысяч» по сути было для космоса благословением.)

— Сверхъядро, почему ты раньше не расшифровало тайное послание, заключенное в этой песне? — В голосе Короля прозвучала нотка гнева.

— Я ничего не расшифровывало, — терпеливо ответило ядро. — Я всего лишь подвожу научную базу под интерпретацию старейшины Певуна. Вам очень хорошо известно, что ученые не интересуются древними песнями и никогда бы не связали их ни с какой научной загадкой.

— Ах если бы мы раскрыли секрет песен намного раньше! Тогда, возможно… возможно… — Король не смогла закончить фразу. Она удрученно всплеснула усиками. — Впрочем, оставим это. Даже если бы мы давно расшифровали их, эта информация нам бы не помогла. Мы не смогли бы остановить ангела смерти.

— Нет! — возразил Певун. — Несмотря на то что разгадка не поможет нам избежать своей участи, она все равно говорит нам нечто очень важное.

— И что же это?

— Ваше Величество, время — это дар Творца. Оно создало наше общество, обеспечило его богатством и разнообразием, но за этот дар нам пришлось заплатить: время стянуло нас своими путами. Мы подвержены смерти и разрушению.

Нас вытащили из уютного мирка вечной жизни и толкнули на край, где мы должны жить и умирать, следуя течению времени. Мы пребываем между существованием и несуществованием, мы всегда в процессе роста и изменений, который заканчивается смертью.

Король страдальчески улыбнулась:

— Наверное, ты прав. Было время, когда я думала, что Творец даровал мне вечную жизнь, но только теперь я понимаю, что цель моей жизни — стать свидетелем гибели родного мира. Творец, конечно, знал, что этот день настанет, потому что все во Вселенной должно умирать. Смотри, даже сам Творец утонул в реке времени. Так к чему тогда нам терзаться мыслями о надвигающейся смерти? Старейшина Певун, давай споем еще несколько старых песен и посмотрим, не содержат ли и они посланий от Творца.

Они пропели еще более десятка песен из эпохи Творца, и в двух из них, похоже, содержалась та же информация, что и в песне, которую они только что расшифровали. В нескольких других им удалось выявить метафоры, описывающие десятимерную Вселенную как пруд с застойной водой; в иных изображалась ужасная война, бушующая во всем мироздании, когда оно теряло измерение

за измерением; еще несколько размышляли о путях цивилизаций Творца и Созерцающих Бездну. В остальных песнях тоже, без сомнения, содержались важные сведения, но, как Король с Певуном ни старались, они не смогли их расшифровать и в конце концов прекратили попытки.

— Сверхъядро, сколько времени осталось? — спросила Король, подняв усики.

— 11,32 узла.

Король рассмеялась:

— Так скоро? Еще никогда с тех пор, как Творец создал мое нетленное тело, время не казалось мне столь быстротечным.

— «Коротко, как цветение звездопадника…» — запел Певун.

— «И как полураспад любви…» — подхватила Король.

Певун хотел было что-то сказать, но не успел: Король повернулась к сверхъядру и произнесла:

— Время пришло. Пора оставить бессмысленные фантазии. Сверхъядро, подсоедини меня ко всем доступным большим очам, я хочу обратиться к моим подданным во всех дальних мирах и на всех семенах.

По-видимому, к Королю вернулись сила и решительность.

Хотя радиус коллапса звездной пропасти изменился, на способность большого ока мгновенно преодолевать огромные расстояния это не повлияло, иначе Певун не смог бы поддерживать свое удаленное присутствие во Дворце Тысячи Измерений. Тем не менее сверхъядро предупредило Короля:

— Для этого требуется сложная многосвязная сеть квантовых запутанностей. Учитывая, что у нас более ста тысяч дальних миров-колоний и тридцать миллионов семян, нужно связать между собой более двухсот миллионов больших очей. Это приведет к огромному расходу энергии, и сверхъядро может в любой момент отключиться.

— Я должна исполнить свой долг, — спокойно ответила Король. — И ты тоже.

— Немедленно приступаю к выполнению вашего приказа.

* * *

Сверхъядро заиграло всеми цветами радуги, включившись на максимальную мощность. Несколько мгновений спустя Король взошла на осыпавшийся алтарь. Священный двенадцатицветный огонь окутал ее безупречное тело и поднял высоко в воздух. Глядя на возносящуюся

фигуру Короля, Певун увидел, как вокруг нее образовалась серебристая сфера. Это означало, что заработали большие очи. Трехмерная проекция Короля по мгновенной трансляции достигла всех уголков Вселенной, где жили Созерцающие Бездну. Обитатели отдаленных миров в этот момент еще не знали, что произошло.

— Мои благородные соотечественники! — В обращении Короля не слышно было и намека на страх или отчаяние, и говорила она просто, без мелодрамы. Ее голос звучал мощно и ровно. Только Певун догадывался, какие эмоции скрываются под этим внешним спокойствием.

— Я ваш король и обращаюсь к вам в последний раз. Конец света, предсказанный древними эпосами, наступил: на нас обрушился удар, изменивший один из основных физических законов. Местная гравитационная постоянная вблизи звездной пропасти была увеличена в двенадцать раз. Это означает, что родной мир, а вместе с ним и я, падаем в звездную пропасть и не сможем спастись. До нашей гибели осталось чуть более десяти узлов времени.

Хотя Певун не видел, что происходит в других мирах, он мог это себе представить. Непередаваемые ужас и боль охватили сейчас бесчисленных

соотечественников в тысячах процветающих, безмятежных миров. Их эмоциональные органы едва не взрывались. Созерцающие Бездну впали в беспомощную растерянность.

Но следующее заявление Короля повергло их в еще больший шок.

— Не оплакивайте нас, друзья мои! Гибель родного мира — ничто в сравнении с тем, что случится в дальнейшем. Ибо жизнь во Вселенной подошла к своему концу.

В межзвездной тьме ангел смерти безмолвно следил за этой прощальной речью, как будто ничто в мироздании не могло вывести его из себя. И все же его глаза при этих словах Короля сверкнули.

«Загадка разгадана, Скрывень обнаружил себя».

Но ангел смерти не подозревал, что где-то позади него, не слишком далеко, за этой сценой внимательно следят еще двое наблюдателей.

— В течение многих веков, — продолжала Король, — я охраняла величайшую тайну Вселенной в одиночку. Но сейчас время раскрыть все. Созерцающие Бездну, вы имеете право знать. Мироздание имеет право знать.

Всем вам знакома древняя легенда. Бог Смерти

когда-то властвовала над первобытным хаосом. И вот восстал Творец и изгнал свою мать, и создал мир форм. Теперь я говорю вам, что легенда была былью. Начиная с эпохи богов война между Смертью и Творцом никогда не прекращалась. В этой войне наша Вселенная поэтапно теряла измерения, дойдя с десяти до трех. Каждый раз Творец останавливал попытку Смерти уничтожить мироздание, но при этом слабел и сам.

В первоначальные дни трехмерной вселенной Творец и Смерть устроили то, что они посчитали финальной битвой. Смерть была побеждена еще раз и вырвалась за пределы мироздания, оставив после себя только одну аватару. Но Творец тоже не стал победителем — он умер вскоре после битвы. Итак, наша Вселенная потеряла своего единственного покровителя и оказалась беззащитной перед Изгнанницей-Смертью.

К счастью, прежде чем умереть, Творец создал наш мир. Он оставил нам свой последний завет и средства противостояния Богу Смерти. Мы, Созерцающие Бездну, его наследники, стоим на страже Вселенной вместо Творца. Да, это правда — мы можем проследить свою родословную до начала времен. Мы дети богов.

Родной мир — это и есть средство противосто-

яния, оставленное Творцом. Если бы бог-изгнанница попыталась сотворить свое заклинание смерти, то ее дворец был бы разрушен, а сама она вычеркнута из существования. Под нашей защитой Вселенная более миллиарда зерен времени жила в безопасности.

Существует только одна сила, способная разрушить родной мир, — это Изгнанница-Смерть. Она знает о существовании родного мира, но не знает, где он находится. В течение сотен миллионов зерен времени Смерть отправляла на поиски родного мира многочисленных Искателей. Они обшарили весь космос и потерпели неудачу — все, кроме последнего, который нашел нас и проник в нашу базу данных. И теперь мы обречены.

Наша гибель не ввергает меня в отчаяние, друзья мои, и вы тоже не сожалейте о нас. Это война, в которой простые смертные осмеливаются бросить вызов Богу. Высшая сила и разум, возникшие в десятимерье, способны сжать Вселенную и снова заставить ее расшириться. Разве можем мы противостоять такой мощи? Важнее то, что мы сохраняли нашу цивилизацию в течение более чем 1,3 миллиарда зерен времени и все это время защищали родной мир, тем самым защищая все мироздание. Любая раса имела бы право гордить-

ся таким достижением.

Более 1,3 миллиарда зерен времени назад Творец оставил мне послание. Однако до нынешнего момента я не понимала его смысла. И сейчас, в свои последние мгновения, я хочу поделиться этим посланием с вами: Творец принес время и наделил мироздание жизнью. С этого момента все во Вселенной было обречено затеряться в необъятности пространства-времени и подвергнуться постепенному разрушению. Мы не исключение. Даже если бы наша жизнь продлилась еще сто миллиардов зерен времени, все равно наступил бы момент, когда нам пришлось бы встретиться со смертью.

После нашей гибели Вселенная просуществует в космическом масштабе ненамного дольше. Мой народ, вы и ваши дети, вероятно, проведете остаток своих дней в мире и покое. Перед вами, возможно, лежат еще десятки тысяч зерен времени. Но помните: время — это драгоценный дар Творца. Не растрачивайте его попусту! В конечном итоге все обратится в ничто, но вы должны наслаждаться каждым зерном, каждым узлом, каждым волоском времени — в этом и состоит истинный смысл жизни.

Творец наделил цивилизацию временем, а мы

подарили времени цивилизацию.

Король хотела сказать еще несколько слов, но сверхъядро напомнило, что ресурсы энергии близки к истощению. Ресурс времени тоже. Король закончила свою речь фразой, которая принесла горе и страдания всем низкоэнтропийным сущностям, всем цивилизованным расам, всем смертным и богам в космосе:

— Прощайте навсегда.

Изображение Короля пропало с больших очей. Все Созерцающие Бездну, объятые ужасом и отчаянием, погрузились в скорбь.

Во мраке по другую сторону родного мира ангел смерти покачал головой и вздохнул.

— Потрясающе! — воскликнул один из пары наблюдателей, скрывавшихся в темной материи. — Номер 2046, она та еще штучка, не находишь?

— Верно… — отозвался второй наблюдатель. — У меня она всегда вызывала восхищение и любовь.

* * *

Их запасы энергии истощились, двигатели отключились. Свет над родным миром потускнел. Словно блуждающий огонек, планета дрейфова-

ла к океану тьмы.

Во Дворце Тысячи Измерений исчезла серебристая сфера — будто лопнул мыльный пузырь. Королева опустилась на землю грациозно, как цикл-лебедь. Певун и Королева смотрели друг на друга своими многочисленными парами глаз. Стояла такая тишина, что можно было услышать даже шепот цветов звездопадника.

— Благодарю тебя, старейшина Певун, — промолвила Королева.

Певун принял озадаченный вид, и Королева пояснила:

— Я благодарна за твою интерпретацию древних песен. Ты освободил меня от самого тяжелого во Вселенной груза вины. 1,3 миллиарда зерен времени я страшилась наступления этого момента, но теперь, когда он пришел, я совсем не боюсь.

Триста миллионов зерен времени назад, во время ужасной войны между родным и окраинным мирами, я приняла трудное решение отказаться от плана перехода в двумерное состояние. Многие тогда протестовали против моего выбора, и голоса оппозиции не утихали, пока окраинный мир не потерпел поражение. Одной из причин моего решения была миссия нашей цивилизации

— хранить и защищать родной мир. Двумерность разрушила бы его. Я не могла пойти на такой шаг. Вот почему, когда ангел смерти нанес свой гравитационный удар, мое сердце обратилось в пепел. Если бы мы тогда перешли в двумерное состояние, возможно, ничего этого не случилось бы. Я считала, что это моя вина.

Но твое объяснение показало мне, что Творец создал нас не для того, чтобы мы лишь бесконечно боролись за выживание, но для того, чтобы мы могли насладиться каждым узлом времени и встретить смерть мужественно и спокойно. Пока мы помним об этом, не имеет значения, проживем ли мы еще одно-единственное зерно времени или десять миллиардов.

— Нет, это я должен благодарить вас! — воскликнул расчувствовавшийся Певун. — Мне претит идея жить в двух измерениях. Я задыхаюсь от самой мысли о том, чтобы провести хоть один день в плоском мире. Даже у узника есть пространство для жизни, но мы стали бы узниками бесконечно тонкой плоскости. Мы забыли бы о самом существовании еще одного измерения. Какая это была бы трагедия!

— Ты действительно так думаешь? — Короля тронуло это проявление эмоций со стороны Певу-

на. — У меня возникло то же чувство, но другие старейшины и генералы не понимали меня. Надо было сделать премьер-министром тебя.

— Еще не поздно. Я мог бы остаться в истории как последний премьер-министр нашего народа.

— Ах, это невозможно. Для назначения требуется согласие Совета старейшин и Ассамблеи, а времени на это нет. Полагаю, придется тебе удовольствоваться тем, что ты будешь считаться последним в истории властолюбцем, пытавшимся хитростью и лестью захватить пост премьер-министра.

Оба расхохотались — хотя смех для Созерцающих Бездну состоял в радостных движениях тела, в гармоничном танце покачивающихся усиков. Отсмеявшись, Король попросила:

— Певун, давай споем ту старую песню еще раз!

Певун обратил внимание, что Король назвала его просто по имени, без титула «старейшина».

— Давайте, Ваше Величество…

— Ой, оставь церемонии. Мой последний долг в качестве короля я уже исполнила. Называй меня по имени — Порфира.

— Хорошо, Порфира. — Певуну не казалось неловким называть своего монарха просто по

имени. В конце концов, перед лицом смерти все равны.

И, слившись в гармонии, они запели песню, пришедшую из незапамятных времен, песню, которую Творец, возможно, создал в какой-то из многочисленных прежних вселенных в то время, когда еще не было времени:

Я вижу любовь свою,

Я лечу рядом с ней,

Я дарю ей подарок –

Кусочек затвердевшего времени.

Чудесные знаки вырезаны на нем,

Мягком на ощупь, как ил в мелком озере.

Она окутывает свое тело временем,

И влечет меня за собой на край существования.

Это полет духа.

В наших глазах звезды как призраки,

В глазах звезд мы как призраки.

Певун слушал голос Короля — прохладный, но в то же время страстный, как пылающая комета, как замерзшая солнечная корона. Он был далек,

как река звезд, меланхоличен, как остывающий звездный туман; трогателен, как любовь, которой у него никогда не было…

Пение у Созерцающих Бездну состояло в колебаниях определенного вида электромагнитных волн, которые они называли примитивной мембраной. Созерцающие могли «слышать» глазами волны, которые и были песней. Певун видел, что переливчатый голос Короля превращает окружающий ее свет в мерцающее озеро расплавленного серебра, ноты падают в это озеро, словно капли дождя, и по серебру бегут концентрические круги. Рябь Короля сталкивалась с рябью Певуна, ноты усиливали друг друга, сливались друг с другом…

«Может быть, — думал Певун, — это и есть те самые «чудесные знаки… вырезанные во времени?»

И, может быть, они совершают сейчас «полет духа», — полет к краю существования, к звездной пропасти…

Но вот наступило мгновение гибели.

Приливные силы нарушили структурную целостность родного мира, и мощный внутренний взрыв разнес его на куски. Подвешенные в воздухе и защищенные последними остатками священного пламени, Король и Певун беспомощ-

но наблюдали, как длинные трещины и разломы зазмеились по земле внизу, слились в каньоны, а затем разорвали наружную оболочку мира, обнажив его сложный внутренний механизм.

Загадочные гигантские конструкции, представшие их глазам, были непостижимы, невообразимы, а ныне вдобавок и бесполезны. Механизм противодействия был разрушен, и теперь во Вселенной не было силы, способной противостоять возвращению Изгнанницы-Смерти. Бурная воздушная струя, вырвавшаяся из глубин мира, подхватила Певуна и Короля и вознесла высоко в небо, откуда ошеломленная пара стала наблюдать за сценой апокалипсиса, разыгрывающейся далеко внизу.

— Певун, мне страшно. — Король прижалась к Певуну и открыла для него свой орган мышления. Теперь они общались, напрямую передавая мысли друг другу.

— Как ты думаешь, что там, внутри звездной пропасти? Темная преисподняя, где вся материя сжата до плотности, которую невозможно себе даже представить?

— Нет, быть может, мы найдем там кротовую нору, ведущую в другое пространство-время, другую вселенную.

— Ты и вправду так думаешь? Мы попадем в другую вселенную?

— Никто никогда не ходил туда, так что я не знаю. Но я помню древнюю песню:

«За пределами этой Вселенной существуют девять других.

Эта жизнь заканчивается, но никому не ведома жизнь грядущая»[14].

— Красивая песня, но я никогда не слышала ее раньше.

— Эта песня не принадлежит нашему народу. Я обнаружил ее в базах данных звездощипов. Речь идет о короле звездощипов и его тоске по мертвой возлюбленной.

— Их король тоже кого-то любил?

— Верно. Их король был как все другие индивиды. Он жил, он любил, он гневался, он умер…

Пока они разговаривали, Певун погрузился в орган мышления Короля и потерялся в опьяняющем объятии другого, незнакомого, но доброжелательного сознания. Король прижалась к органу мышления Певуна и ощутила присутствие соб-

---

[14] Примечания: 14

Читатель, знакомый с творчеством Ли Шанъиня, поэта династии Тан (813–858 гг. н. э.), вероятно, узнает в этих строках парафраз стиха из «Ма Вэй» — поэмы о любви императора Сюань-цзуна и его супруги Ян-гуйфэй. (*Прим. К. Л.*)

ственных мыслей в мыслях другого существа… Их органы мышления переплелись между собой, и трепещущая пара совершила древнейший ритуал любви, став единой сущностью.

Частичка сознания Певуна напомнила ему, что в звездном облаке, где находилось его истинное тело, семя израсходовало последние запасы энергии. Дуал-векторная фольга, запущенная потомками звездощипов, затягивала его тело в расширяющуюся гибельную плоскость. Пожалуй, в том мире смерть настигнет его раньше, чем в этом.

«Пусть будет так», — подумал он. И, вытянув все свои щупальца, еще крепче обнял Короля, которая растворилась в счастье любви, пришедшей слишком поздно.

* * *

Ангел смерти наблюдал за всем, по-прежнему сохраняя спокойствие.

Если бы он захотел, он мог бы спасти этот гибнущий мир одним мановением руки. Только и требовалось, что потянуть за невидимую ниточку — и местная гравитационная постоянная вернулась бы к норме. А если потянуть еще раз, она станет меньше нормы, асимптотически при-

ближаясь к нулю… И тогда звездная пропасть превратилась бы в ничтожный твердый сгусток вещества, лишенный рокового тяготения. Жители родного мира могли бы даже приземлиться на него и попрыгать в свое удовольствие.

Всего лишь протяни руку…

Наконец ангел смерти принял решение и вытянул левую руку — как будто собрался взять нечто невидимое. В его ладони зажегся маленький огненный шар, который вскоре погас и превратился в нечто материальное.

В тонкий стеклянный стакан, наполненный странной зеленой жидкостью.

Ангел смерти залюбовался стаканом. Он воссоздал температуру, давление, гравитацию и другие условия своей родины. Затем залпом осушил стакан и удовлетворенно вздохнул. И снова протянул руку.

— Еще один «Зеленый шторм», — пробормотал он.

Как бы там ни было, этот день стоило отпраздновать.

Материализовался еще один стакан с «Зеленым штормом». Но когда ангел смерти потянулся за ним, другая рука, женская, перехватила напиток.

— Hic mihi[15], — прозвучал ясный ровный голос. Из парящего в воздухе прямоугольного контура позади ангела смерти появилась фигура. В слабом свете, льющемся из двери, стало видно, что это женщина со светлыми волосами и европейскими чертами лица. Она была одета в серебристую одежду, и ее голубые глаза излучали силу и уверенность.

— Sis[16], — отозвался ангел смерти. Его латынь была так же изящна, как и взмах руки, с каким он позволил забрать стакан.

Они продолжили беседу на латыни.

— Ты нашел их? — спросила женщина.

— Похоже на то.

— Быть может, надо сообщить Хозяину? — Она подняла руку, и на ее пальце сверкнуло кольцо.

Ангел смерти мгновение подумал и кивнул.

В это же время
в 2,5 структурах от них

— Включаем систему космического наблюдения, — сказал № 2012. — Четвертая приманка уничтожена. Первоматерь, возможно, скоро сде-

---

[15] Примечания: 15
Здесь: «А это мне» (*лат.*).

[16] Примечания: 16
«Пожалуйста» (*лат.*).

лает свой ход.

— Не могу поверить, — ответил № 2046. — Прошло тридцать тысяч великолет, и наконец этот день настал!

— Все вспоминаю, как мы начали прикармливать этих ящерок. Они оказались довольно ласковыми и послушными, не находишь? — № 2012 ощутил едва заметный сдвиг в поле познания своего товарища. — В чем дело? Что тебя так расстроило?

— А разве неясно? Моя маленькая любимица Порфирочка мертва. Последние тридцать тысяч великолет у меня было единственное развлечение — наблюдать за ее суетой: то она носится на летающей телеге, осматривая свои владения, то напяливает доспехи, чтобы отправиться на войну. Что за милашка! И вот она ушла, раздавленная звездной пропастью…

— Да, мне ее тоже жаль. Но, во всяком случае, ей очень неплохо удалось придать величие собственной гибели, поведав Вселенной, что она, дескать, была нашей наследницей и потомком. Какую славную речь она толкнула в конце!

— Еще бы не славную. Знаешь, сколько мне пришлось потрудиться, чтобы внедрить эту чушь в глубину ее разума? Действовать надо было

невероятно осторожно, чтобы она не заметила вмешательства, иначе все пошло бы далеко не так хорошо.

— Ты молодец, о чем речь.

— Жаль, не я это придумал. Это все часть замысла Великого Разума.

При упоминании о Великом Разуме поля познания обоих наблюдателей разгладились — признак серьезности момента. Спустя мгновение № 2046 сказал:

— Может, пора пробудить Великий Разум?

— Не терпится быть поглощенным? Ну уж нет. Давай подождем до самого последнего момента и только тогда разбудим.

— Ладно. Я тоже предпочитаю еще немного побыть сам по себе. Все равно уже недолго осталось.

Но время шло, а ничего не происходило. Только на дисплейном поле быстро мерцали объемные числа, проходя через ряд странных геометрических трансформаций.

Через некоторое время № 2012 спросил:

— Как думаешь, те Искатели видели обращение малютки Порфиры?

— Если ты видел, так и они, конечно, видели, — ответил № 2046.

— Считаешь, они получили наше сообщение?

— Само собой.

— И, по всей вероятности, передали его Первоматери?

— Похоже на то.

— Тогда почему Первоматерь не атакует?

— Имей терпение! Речь ведь об инверсии размерности. Перезапустить целую вселенную — это тебе не парочку галактик рвануть.

— Да какая разница! Ты не хуже меня знаешь, что старой ведьме время на раздумья не требуется. Если она решит действовать, она будет действовать немедленно.

— Может, она выжидает…

— Выжидает?

— Смотрит, не ловушка ли это.

— Предполагаешь, что в плане Великого Разума может содержаться изъян? — ощетинился № 2046.

— Нет! Но кто знает — может, ты напортачил, когда осуществлял его? — возразил № 2012.

— Придурок! — рявкнул рассерженный № 2046. — Я исполнил план Великого Разума насчет четырех последовательных приманок с безупречной точностью! Именно так нам удалось направить ищеек на нужный нам путь. Нулеви-

ки были поначалу наиболее очевидной целью, но если бы они стали главной приманкой, Искатели непременно бы что-то заподозрили — уж больно легко они достигли успеха. Вот почему мы подстроили так, что они нашли у Нулевиков путеводные ниточки, ведущие к Мыслителям. А у Мыслителей мы оставили два набора подсказок: один указывал на тех чокнутых, на Предотвратителей, а второй — на Ящериц Звездной Пропасти. Конечно, из этих двоих Предотвратители выглядели большей угрозой, так как всем известно, что непременным условием инверсии размерности является распад вакуума; поэтому Искатели должны были сначала наведаться к Предотвратителям. Но затем они обнаружили, что Предотвратители — не истинная цель, хотя их миф о творении совпадает с мифом Ящериц Звездной Пропасти. Поскольку оба пути сходились вместе, ищейки должны были прийти к выводу, что истинная цель — это Ящерицы Звездной Пропасти.

Потом они раскопали «доказательство» в банке данных «родного мира», а речь Короля ящерок послужила дополнительным подтверждением. Искатели купились, решив, что нашли Скрывня! Мы даже подсунули им объяснение, почему

Скрывня оказалось так легко уничтожить, — он, дескать, умер, а ящерицы — они просто слуги, которых он оставил вместо себя. Все пошло точно в соответствии с замыслом, а значит, ни в самом плане, ни в его исполнении нет никаких изъянов.

Номеру 2012 нечего было возразить на это, но сдаваться он не собирался:

— Все ищейки жутко подозрительны. Шанс, что они могут усмотреть тут ловушку, все еще высок.

— Может быть. Вселенная так и кишит странными низкоэнтропийными сущностями. Но я не думаю, что Первоматерь сомневается в своем успехе здесь. Она слишком высокого о себе мнения для этого. Послушай только, как она себя называет — «Хозяин»! Хозяин чего, хотелось бы знать? А нас она зовет Скрывень! Неужели она действительно думает, что все, чего мы хотим, — это забиться куда-нибудь в темный угол Вселенной и сидеть там, не высовываясь? Посылает одного Искателя за другим, чтобы найти нас. Думает, что как только нас обнаружат, тут нам и крышка, мы беспомощны. Ей никогда и на ум не приходило, что мы сделаем прямо противоположное: позволим ей себя найти. Пусть

считает, что с нами покончено, пусть празднует победу, пусть начнет инверсию размерности!.. О, как бы мне хотелось увидеть ее обалдевшее поле познания, когда она обнаружит правду!

— Это было бы забавное зрелище, — согласился № 2012. — Жаль только, что удар по супермембране испепелит всю ее мини-вселенную. Один миг — и старая ведьма исчезнет, так что мы ничего и не увидим.

— А, ладно, все равно пока что делать нечего, только ждать, — проговорил № 2046.

Прошел один великочас. Дисплеи системы космического наблюдения не показывали ничего, кроме обычного белого шума.

Прошло два великочаса. По-прежнему ничего.

Минуло три великочаса. № 2012 не выдержал:

— Да что же это такое! Наверно, ищейки все-таки что-то заподозрили.

— Быть того не может! Мы все за собой подчистили! Единственная сверхчувствительная система находилась внутри планеты ящериц, и она наверняка уничтожена вместе с этим их «родным миром». Уверяю тебя, Искатели, конечно, параноики, но они в конце концов сделают свой ход. Теперь, когда больше нет подсказок, не полезут же они проверять все галактики во

Вселенной одну за другой! Не сомневаюсь, они проглотят наживку.

— Надеюсь, они поторопятся!

Шел один великочас за другим, а ничего не происходило. Номерные единицы решили вздремнуть. № 2046 запрограммировал пробуждающее устройство разбудить их через сто великочасов.

Когда прошло и это время, выяснилось, что ситуация не изменилась. Обе номерные единицы, обманутые в своих ожиданиях, снова отправились на боковую.

Ничего не произошло и через пятьсот великочасов.

Тысячу великочасов спустя, проснувшись в очередной раз, оба наблюдателя пришли в отчаяние.

— Да что эта старая хрычовка затеяла? — возопил № 2046. — Как она смогла догадаться, что это ловушка?

— Первоматерь очень могущественна, но проницательностью никогда не отличалась, — согласился № 2012. — Думаю, это все же Искатели застопорили дело.

— Кто бы это ни был, все наши усилия насмарку. Десять тысяч великолет подготовки! Тридцать тысяч великолет наблюдений и ожиданий! Че-

тыре цивилизации в качестве наживки! И все впустую! Проклятье!

— Успокойся. Может, наша уловка и не сработала, но мы еще не проиграли. Первоматерь по-прежнему не знает, где мы. Помни — это игра долгая…

— Мы обязаны сообщить об этом Великому Разуму. Он, конечно… — и тут № 2046 переключился на частный канал обмена информацией, — …обвинит в неудаче нас. А вдруг он решит поглотить нас с тобой, но не полностью? А ну как загонит потом на самые низкие уровни своего сознания? Вот где будет ад, причем вечный!

№ 2012 содрогнулся.

— Думаю, не надо торопиться. Давай подождем… еще тысячу великочасов. И если ничего не изменится, тогда и решим, что делать.

И они снова уснули. Но на этот раз будильник разбудил их всего лишь через тридцать четыре великочаса. Номерные единицы так разволновались, что их поля познания грозили распасться на части.

Один огонек, два, три.

А затем четыре. А затем пять!

Огоньки бешено замигали, сводя наблюдателей с ума.

Тревога пятой степени! Такого еще никогда не случалось. Это означало только одно: кто-то начал инверсию размерности.

Оба номера не отрываясь смотрели в дисплейное пространство системы наблюдения. Один его угол потемнел, и темная область стала медленно и неуклонно расползаться. Наблюдатели поняли: это зона истинного вакуума, в котором положительная и отрицательная энергии точно уравновешивают друг друга. Она расширялась со скоростью света, пожирая все, к чему прикасалась. Попадая в истинный вакуум, протоны, нейтроны и остальные частицы мгновенно распадаются до своего естественного состояния и вновь соединяются в десяти измерениях.

Если бы гибельная зона всего лишь расширялась со скоростью света, то у Вселенной, протянувшейся на четырнадцать миллиардов световых лет, было бы еще достаточно времени впереди. Но распространяющийся истинный вакуум изменял саму скорость света. Вакуум будет распространяться все быстрее и быстрее, ускоряясь по экспоненте. Великий Разум давно уже рассчитал точное количество времени, которое потребуется космосу до полной инверсии размерности: всего 1,91 великочаса. И в течение

99,999 % этого времени распад вакуума поглотил бы только примерно 10 % пространства, однако в последний, кратчайший миг скорость света возрастет почти до бесконечности и уничтожит все мироздание.

Времени на принятие контрмер оставалось мало, однако достаточно. Механизм ответной атаки не был поврежден, и они смогут провести удар по супермембране в течение одного великочаса. Первоматерь будет уничтожена. После этого они разместят несколько нуль-мерных точек и устранят угрозу распада вакуума.

Вечная война между матерью мироздания и ее сыном, между Хозяином и Скрывнем, между Смертью и Творцом будет наконец решена в пользу последнего в каждой паре.

№ 2046 подсоединился к когнитивной нити Великого Разума.

— Мой господин! Старая хрычо… то есть Первоматерь попалась на приманку!

В трехстах миллионах световых лет отсюда, в пустом пространстве

за Великой Стеной Слоуна[17]

В пучине безбрежного океана темной материи…

На дне этой пучины, где не было ни света, ни тьмы, ни лептона, ни бариона, ни движения, ни неподвижности, ни бытия, ни небытия…

…пробудился грандиозный, самый невероятный интеллект во Вселенной — Великий Разум.

Во время прошлой битвы с Хозяином Великий Разум израсходовал столько энергии, что едва не умер от истощения. Чтобы сохранить сознание, оставался только один выбор — погрузиться в глубокий сон, пробуждаясь раз в несколько тысяч великолет, впрочем, и тогда активируя свое сознание лишь частично. Истинное, полное пробуждение требовало активации всех скрытых в темной материи сетей, а такое выдающееся событие не прошло бы мимо внимания Хозяина. Великий Разум отделил от себя тысячи информа-

---

[17] Примечания: 17

Великая стена Слоуна — комплекс сверхскоплений галактик, простирающийся более чем на миллиард световых лет. Представляет собой плоскую структуру из галактик и пустот, третью по размеру из известных подобных структур во Вселенной. В длину «стена» тянется на 1,37 миллиарда световых лет. Располагается она приблизительно на расстоянии 1,2 миллиарда световых лет от Земли. Открытие стены было сделано благодаря данным Слоуновского цифрового небесного обзора (SDSS) — проекта под эгидой Фонда Альфреда Слоуна, американской благотворительной некоммерческой организации. *(Материал Википедии)*

ционных модулей, пронумеровал их, превратил в автономные сознательные единицы и расставил по всей Вселенной. Они должны были следить за врагом и охранять сам Великий Разум.

Сегодня замысел, который претворялся в течение сорока тысяч великолет, наконец привел к желаемому результату. Разбуженный Великий Разум активировал все свое поле познания и жадно поглощал каждый бит информации, приходящей со всех концов Вселенной. Он походил на паука, сидящего в темноте и считывающего колебания далеко протянувшихся нитей.

Поток данных подтвердил полученную ранее новость. Обрадованный, Великий Разум начал программу реабсорбции сознаний. Воспользовавшись своей сетью квантовых запутанностей, он мгновенно поглотил все номерные единицы, включая и № 2046 и 2012, причем без особых усилий, поскольку они с самого начала были частью его самого.

Все номерные единицы слились, и все скрытые поля познания таким образом стали единым Скрывнем. На это потребовалось астрономическое количество энергии, но Великий Разум это не заботило. Пришел час решающей битвы.

Он включил систему контратаки, спрятанную в

обширной области темной материи. На основе обнаруженных энергетических сигнатур Скрывень быстро вычислил координаты мини-вселенной, в которой скрывалась Первоматерь. На это ушло почти 30 процентов всей темной материи Вселенной. Основная часть темной материи находилась в пустотах между скоплениями галактик. Подчиняясь манипуляциям Скрывня, темная материя засверкала мощными вспышками электромагнитного излучения — словно миллиарды цветов безмолвно распустились в глухой ночи.

Большинство цивилизаций Вселенной не имели возможности наблюдать это удивительное явление — они существовали вне его светового конуса. Однако когда излучение темной материи достигнет их миров, ночи там станут светлыми, как дни, а радужные вспышки в небе дадут понять местным жителям, что их миры — не что иное, как мусор, плавающий в затопившем Вселенную цветочном море. Миры, находящиеся ближе к источнику радиации, будут сожжены дотла, а экосистемы прочих миров разрушатся. Но Скрывень не жалел о своем поступке. Если бы он этого не сделал, все миры вместе с их обитателями превратились бы в ничто под действием распада вакуума.

Владея величайшей в космосе машиной войны, Скрывень уверенно обратил требовательный взгляд к супермембране. В действительности, даже будучи самым мощным разумом во Вселенной, он все же не мог непосредственно наблюдать супермембрану или прикасаться к ней. Всякий раз, думая о миллиардах вселенных за пределами своей собственной, он испытывал отчаяние. Но на этот раз все будет иначе. Неподвластная воображению одиннадцатимерная супермембрана станет полем его битвы, и на этом поле он совершит матереубийство. Он убьет дух десятимерья, великую Первоматерь, свою родительницу, и тем самым обретет вечную свободу и безопасность.

Это будет последняя схватка в его войне, войне, длящейся сто тысяч великолет и пережившей восемь вселенных.

Скоро всему этому придет конец…

Модуль атаки доложил, что подготовка завершена. Как только координаты мини-вселенной на супермембране подтвердятся, можно нанести последний, роковой удар.

«Великолепно».

Внимание Скрывня обратилось к модулю супермембранного анализа — тот все еще напряженно работал. Скрывень не стал беспокоиться.

Он ждал десятки тысяч великолет; что для него еще несколько мгновений?

Время шло. Модуль супермембранного анализа продолжал вычисления.

«Что-то он слишком долго возится, — подумал Скрывень. — Разве что…»

Его несравненный ум был способен найти ответ, но он не хотел о нем даже думать. Уж очень ужасным было это предположение.

Он попытался успокоиться, рассматривая на дисплейном пространстве зону истинного вакуума. Она по-прежнему росла. Но скорость расширения не увеличилась; скорее наоборот — замедлилась. Теперь зона расширялась со скоростью, равной половине скорости света.

«Это невозможно!» Скрывень по-настоящему испугался. Распад вакуума не должен идти так медленно. Активировав сеть квантовых запутанностей, Скрывень включил один из резервных постов наблюдения, находящийся рядом с бегущей кромкой области вакуумного распада, и внедрил туда фрагмент собственного разума. Он не осмелился подсоединить свое поле познания напрямую, чтобы распад вакуума не затронул его.

— Номер 9527, что ты видишь? — спросил

Скрывень.

— Звезды, планеты, галактики… все как двумерная картина! Это двумерье! Вселенная становится плоской! — Наблюдатель пришел в ужас — не от самой двумерности, а от того, что стояло за этим открытием.

Не было никакого распада вакуума — лишь переход в двумерное состояние.

Система космического наблюдения не могла заглянуть в зону истинного вакуума и подтвердить, идет ли процесс формирования десятимерного пространства. Все, на что она была способна, — это измерить скорость, с которой уничтожались модули наблюдения, и на этой основе судить о ситуации. Ранее скорость разрушения модулей была вдвое выше скорости света в трехмерной Вселенной. Исходя из того, что знал Скрывень, это явление можно было объяснить только побочным эффектом распада вакуума, благодаря которому скорость света на границе зоны истинного вакуума и обычного пространства многократно возрастала.

Только сейчас Скрывень осознал свою ошибку. Стремясь поймать Хозяина, он сам попался во вражеский капкан. Инверсия размерности была миражом. Хотя процесс перехода в двумерность

не мог идти быстрее скорости света, Хозяину было вполне по силам временно увеличить локальное значение этой константы, что создавало иллюзию инверсии размерности. Поскольку плоскость расширялась быстрее обычной скорости света, увидеть двумерную область было невозможно: наблюдателя расплющило бы раньше, чем он смог бы произвести наблюдение. Однако поддержание такой иллюзии требовало огромных затрат энергии, и по мере роста плоскости скорость ее расширения должна была замедляться.

Модуль супермембранного анализа выдал результат вычислений:

— Ошибка в исходных данных. Не могу обнаружить цель на супермембране.

Деваться некуда, придется признать: случилось худшее.

— Проклятье! — выругался Скрывень и отдал приказ: — Выключить модуль атаки! Вернуться в убежище. Немедленно!

Приказ был выполнен, и бесчисленные яркие огни во Вселенной мгновенно погасли, словно цветы, которые распускаются всего на одну ночь.

Но массивные выбросы излучения уже произошли. Электромагнитные цунами покатились по

космосу, и отозвать их обратно было нельзя. Местонахождение Скрывня перестало быть тайной. Он знал, что цель Хозяина и Искателей состояла в том, чтобы заставить его раскрыться, и этой цели они успешно достигли.

Это еще не конец. У него достаточно времени, чтобы перебазироваться в другое место и опять спрятаться, прежде чем предательское излучение достигнет Искателей. Но он оставил четкий след. Хозяин и Искатели не сдадутся. Они будут преследовать его, словно свора гончих.

Скрывень опять выругался. Он начал подозревать, что ответственность за его неприятности лежит на нескольких загадочных посланцах. Это они сумели поймать его в его же собственную ловушку. Старая ведьма никогда в прошлом не проявляла такого хитроумия.

«Кто же они такие? Как им удалось разгадать мой замысел?»

У него не было никаких подсказок. Единственное, в чем Скрывень мог быть уверен, — это что Искатели придут за ним. Он должен спрятаться и расставить другой капкан, обмануть каргу и ее наймитов. Он контратакует в самый неожиданный момент и чудесным образом выхватит победу из пасти поражения! Это еще не конец.

Отнюдь не конец.

Поле познания Скрывня бешено завибрировало, решительность и неустрашимость вновь вернулись к нему. Он раздробил свой разум на миллионы отдельных узлов и рассеял их по Вселенной, чтобы подготовиться к предстоящей борьбе.

«Я не позволю тебе, матушка, украсть у меня время! Я не позволю тебе восстановить твое царство смерти.

Пока я существую, будет существовать время. И будет существовать жизнь».

* * *

На другом конце Вселенной сияние, исходящее от облака темной материи, разгоралось, будто рассвет, озаряя бескрайнее пустое пространство.

Ангел смерти и его спутница летели — если это можно было назвать полетом — сквозь этот чудесный мир и с любопытством озирали окружающее их ослепительное облако темной материи. Им частично приоткрылась колоссальная структура — не жалкий планетарный механизм, скрытый в мире Созерцающих Бездну, а гигантская система, по масштабам сравнимая разве что с галактиками. Она чем-то напоминала проекцию Духа, с

которой ангел смерти встретился многие эпохи назад: гигантская роза, каждый лепесток которой был розой, лепестки которой были другими розами ad infinitum[18]. И каждая роза была особенной, не похожей на остальные.

Это был костер, океан, море цветов, паучья сеть, живая машина… Истинный первоисточник и корень Скрывня — тайного господина Вселенной.

— Какая красота, — произнесла женщина. — Напоминает… лавандовые поля Прованса.

— Небесный цветок, — сказал ангел смерти.

— Что?

— Это космическая силовая система Скрывня. В древних сражениях ее описывали как небесный цветок. Название объясняется тем, что при активации эта вселенская сеть запутанностей расцветает ярчайшими соцветиями. Темная материя — это ее корень и стебель, слепые зоны софонов, разбросанные по всему космосу, — ее лозы и ветви, а галактики — энергетические узлы.

— Какое необыкновенное зрелище! А я-то считала звездную пропасть и родной мир Созерцающих Бездну тузом в рукаве Скрывня!

— Я тоже так думал поначалу. Но когда увидел

---

[18] Примечания: 18
Здесь: И так до бесконечности (*лат.*).

небесный цветок, то сразу понял, каков истинный смысл тех многозначных идеабстракций, которые мы обнаружили в прошлый раз. Нет сомнения — мы наконец нашли логово Скрывня.

— Но я по-прежнему не понимаю, как ты все это разгадал, Юнь. Если бы ты не остановил меня в самый последний момент, я бы сказала Хозяину, что можно начать инверсию размерности.

— Все вышло случайно, — ответил ангел смерти. — Слушая последнюю речь Короля, я почему-то подумал о «Зеленом шторме». После стольких лет умственных испытаний я привык долго и упорно докапываться до истины и вскоре понял, что причина, из-за которой я вспомнил про «Зеленый шторм», это… реклама.

— Реклама?

— Так в мои времена называли искусство расхваливания товаров. Неудивительно, что ты не знаешь, что это такое.

— Очень даже хорошо знаю! В Византии моего времени в торговых и общественных местах тоже было полно рекламы: на дверях лавок красовались огромные вывески, а на рынках уличные мальчишки за небольшую плату расхваливали товар и цены.

— Ты права, Елена. Хотя формы рекламы изме-

нились, суть осталась та же. Ее цель — поведать миру о рекламодателе. Речь Короля напомнила мне рекламу «Зеленого шторма» — в ней тоже женщина произносила речь. Выступление Короля, в котором говорилось, что она — Скрывень, походило на рекламный ролик, транслируемый на весь космос. Я почувствовал: тут что-то не так. Настоящий Скрывень или его потомки хранили бы тайну до самой смерти.

— Но они же как раз и стояли на пороге смерти! Может, Королю было уже все равно.

— Нет. У их расы миллионы колоний, и обитателям этих миров гибель не грозила. Предположим, что Созерцающие Бездну — это Скрывень. Тогда до тех пор пока Король не раскроет всему космосу, что родной мир — это последнее орудие противостояния, Хозяин не сможет с уверенностью сказать, что Скрывень уничтожен, и не станет начинать инверсию размерности. Это, по крайней мере, дало бы Вселенной хотя бы небольшую отсрочку. Чтобы не позволить Хозяину осуществить свой план, Король не должна была рассказывать о миссии Созерцающих Бездну. Из этого логично вытекало, что Созерцающие Бездну — вовсе не Скрывень.

— Но поскольку их планета уничтожена, мы не

можем быть в этом уверены!

— Верно, не можем. Но когда я это понял, стало слишком поздно менять гравитационную постоянную. Жаль, ведь иначе у нас остались бы хоть какие-то фрагменты родного мира для анализа. Тем не менее, хотя мы не могли найти подтверждение моей догадке, нам удалось провести эксперимент, создав иллюзию инверсии размерности. Дорогостоящее мероприятие с точки зрения затрат энергии, однако дело того стоило.

— Но почему ты ждал так долго? — спросила Елена.

— Все просто: если я догадался правильно и то была ловушка, тогда противник наверняка установил бы сеть наблюдения, чтобы следить за всеми нашими действиями. Если бы выполнение плана Скрывня пошло слишком гладко, это вызвало бы у них подозрения. Мне требовалось сначала внушить им мысль, будто их постигла неудача, а потом вызвать у них эйфорию успеха. Так и случилось — купившись на мнимую ошибку противника, они без оглядки проглотили мою наживку.

— А если бы они не купились?

— Все в мире игра. Правда, ставки с обеих сторон были неравны. Если бы мы проиграли ход,

это стоило бы нам огромных затрат энергии, но мы все равно могли бы возобновить охоту. А вот если бы они выжидали дольше, то упустили бы наилучший шанс найти Хозяина, к тому же распад вакуума мог бы выйти из-под контроля. У них не было иного выбора, кроме как выйти из укрытия и сделать попытку. Ну что, видишь, как ловко я положил палец на чашу весов, склонив их в нашу пользу?

— Ты меня восхищаешь, Юнь. Когда я впервые встретила тебя в скоплении Дикая Утка, ты и вполовину не был так умен!

— Я был тогда новичком, не имел понятия, с каким противником столкнулся. Даже потерял связь с моей мини-вселенной. Какая удача, что я нашел тебя, Елена! Без тебя я бы давно уже погиб.

— Я тоже считаю, что мне очень повезло. Никогда не думала, что в этой Вселенной найдется еще один такой же человек, как я, которого возродили ради задачи найти Скрывня. С того дня, когда пал Константинополь, а я покинула Землю в состоянии комы, я не встречала ни одного человеческого существа. В течение сотен миллионов лет я рабски служила Хозяину и почти забыла, что я человек… нет, не хочу вспоминать о тех

временах. А потом появился ты!

Они смотрели друг на друга и улыбались. Сияние небесного цветка озаряло лицо Елены, придавая румянец ее бледным щекам.

И вдруг свет вокруг них погас. Небесный цветок спрятался.

Но вдали, в нескольких сотнях тысяч километров отсюда, огни небесного цветка продолжали сиять. Эффект был обусловлен тем, что свет шел издалека и достиг Елены и Тяньмина только сейчас. Хотя небесный цветок был погашен в одно мгновение, свету по-прежнему требовалось время на путешествие сквозь Вселенную.

И поэтому глазам наших героев предстало удивительное зрелище. Части цветка, которые были рядом с ними, исчезли во тьме, а далекие звездные глубины разгорелись — это свет далеких лепестков достиг глаз Тяньмина и Елены. Сияние расходилось, подобно вечно бегущей волне, подобно качающимся цве…

— Словно вечерний ветерок, ласкающий цветы лаванды в Провансе, — прошептала Елена.

Юнь Тяньмин улыбнулся. Этого достаточно. Они зажгли свет, разогнавший тьму Вселенной. Их следующей задачей будет найти противника, которому больше негде прятаться.

— А теперь куда? — спросил он. Противник оставил множество следов.

— Как насчет Млечного Пути? Я бы хотела заглянуть на Трантор, проведать детей. Надеюсь, цветение небесного цветка им не повредило.

— Ты самая заботливая мать, о которой могло бы мечтать галактическое человечество. Уже миллионы лет ты помогаешь ему расти в темном лесу.

— А ты, должно быть, считаешь себя его отцом? — с улыбкой сказала Елена.

Но Тяньмин задумчиво продолжал:

— Я тоже хочу, чтобы человечество множилось и процветало. Золотой век людей прошел, последние нескольких миллионов лет они в упадке. Наша раса не может покинуть Млечный Путь, а он значительно изъеден двумерностью. Вскоре ненасытная плоскость поглотит всех людей. Не думаю, что мы можем сделать для них что-то еще, Елена. Нам надо сосредоточиться на том, как бы не дать остальной части мироздания схлопнуться в два измерения, а также обнулить часы, чтобы все могло начаться заново. Это наш долг не только перед человечеством, но перед всей жизнью во Вселенной.

— Понимаю. Но по-прежнему считаю, что нам

надо вернуться в Прованс. Лаванда вот-вот зацветет. Ты со мной?

— Конечно, — с улыбкой ответил Тяньмин.

Кода:
Прованс

Эра Конца, год 9-й,
край Вселенной

Пролетев сквозь космическую дверь, корабль очутился под голубым небом, усеянным белыми облаками.

Чэн Синь и Гуань Ифань, со страхом ожидавшие, что они превратятся в плоские фигуры или упадут в черную дыру, протерли глаза. Неужели то, что они видят, реально?

Картина не была иллюзией. Под голубым небом расстилалось лавандовое поле. Сначала они решили, что перед ними какая-то инопланетная растительность, вроде бродячих растений Голубой планеты, однако, вглядевшись пристальнее, поняли, что это Lavandula angustifolia — обычная земная лаванда. По пышному ковру ярко-фиолетовых цветов ветерок гонял легкие волны.

Путники посмотрели влево и увидели горный кряж с покрытыми снегом вершинами. Справа росли густые тропические джунгли. Лавандовое поле закончилось, и теперь перед ними лежало

безбрежное море — настоящий лазурный океан, похожий на те, что они видели на Земле.

Тут все было как на старой Земле — родное и приветливое. Единственная разница — это место было ярче, живее и натуральней.

И все же… Путники видели в своей жизни немало странных картин. Помолчав в ошеломлении несколько секунд, они обратились к Томоко:

— Где мы? И… *когда* мы?

— После того как вы вошли в мини-вселенную, прошло 11,2 миллиарда лет. Что касается «где»… Положение галактик за это время изменилось, так что простого ответа я не знаю. Давайте считать это краем Вселенной.

— Ты полагаешь, мы вынырнули в атмосфере какой-то случайной планеты на краю Вселенной и условия на ней опять же чисто случайно оказались почти такими же, как на Земле? — скептически поинтересовался Гуань Ифань. Он знал, что вероятность этого была примерно такой же, как если бы он выбрал из вещества Вселенной первые попавшиеся пятьдесят килограмм, и этими килограммами оказалась Чэн Синь.

— Не планеты, — поправила Томоко. — То, на что вы смотрите, — это квадратный участок плоскости со стороной в тысячу километров. Толщина

плоскости — около двадцати километров. Это искусственный мир, и он просигналил мини-вселенной пристыковаться к нему.

— И кто же его создал? — спросили оба путешественника.

— Извините, не могу рассказать без разрешения этого человека. Но вы с ним скоро встретитесь.

Путники переглянулись. На лице Чэн Синь появилась смесь радости и волнения, тогда как взгляд Гуань Ифаня стал напряженнее.

«Этого человека»?! Но чтобы приказывать мини-вселенной, нужно обладать наивысшей степенью авторизации!»

«Неужели это *он*?»

Путешественники молчали, думая каждый о своем.

Направляемый сигнальным лучом корабль приземлился на берегу. Трое пассажиров вышли и увидели маленький белый домик. Над дверью косо висела табличка: «РЕСТОРАН НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ».

Чэн Синь засмеялась. Гуань Ифань, напротив, немного занервничал.

— Прямо сюрприз на сюрпризе. Какой подарок он приготовил для тебя на этот раз?

«Этот человек» вышел из двери. Перед путеше-

ственниками стоял Юнь Тяньмин — без рубашки, бронзовая кожа блестит в ярком свете солнца.

— Тяньмин! — Чэн Синь смотрела на него и изумлялась. Тяньмин выглядел так же, как в восемнадцать лет, только здоровее и бодрее. «Если бы он в те давние годы выглядел так же, я бы, пожалуй…»

Тяньмин сердечно засмеялся:

— Я уже заждался вас, всех троих! Заходите, заходите!

Чэн Синь отодвинула свои путаные мысли в сторону и вошла в «ресторан».

Ресторан был маленький — всего на пять столиков. Чэн Синь и ее спутники устроились за одним из них. Тяньмин уселся напротив. Чэн Синь уже готова была приступить к длиннющему списку накопившихся у нее вопросов, когда Тяньмин обернулся назад и крикнул:

— Дорогая, наши гости прибыли!

«К кому это он обращается?» — удивилась Чэн Синь. И услышала ясный голос:

— Они вовремя! Угощение как раз поспело!

Занавеска, отгораживающая кухню, отодвинулась. Молодая женщина с двумя тарелками — жареная картошка и аппетитный бифштекс — подошла к столу.

— АА! Что ты здесь делаешь? — воскликнула Чэн Синь.

Гуань Ифань тоже удивился, но вдобавок к удивлению почувствовал облегчение.

* * *

Солнце опустилось за снежные горы на западе, и сверкающие звезды усеяли небо. (В отличие от визуальной иллюзии на Земле, солнце здесь действительно «опускалось». «Солнцем» служил искусственный спутник, вращающийся вокруг искусственной же плоскости.) Пятеро вышли из ресторанчика и присели на пляже полюбоваться созвездиями.

— Тяньмин, — язык Ифаня после выпитого слегка заплетался, — эти звезды тоже ты сделал?

— Нет, — ответил Тяньмин. — Это настоящие, из здешней галактики.

— Так я тебе и поверил! — сказал Ифань. — Смотри: вон там Большой Ковш, а вот W — Кассиопея. Вон те звездочки — пояс Ориона. И как же это получилось, что звезды этой галактики расположены так же, как на земном небосводе?

— А-а, да я привык к тому, как звезды выглядят с Земли, вот и передвинул их немножко. — Тяньмин говорил таким тоном, будто рассказывал о

перестановке мебели.

После того как Ифань и Чэн Синь всю вторую половину дня слушали рассказы Тяньмина о свершенных им чудесах, их уже мало что могло удивить, и все же они восхищенно ахнули.

[illegible]АА принесла несколько бутылок домашнего пива. Они сидели и пили под аккомпанемент прибоя.

— Как вы называете этот мир? — спросил Ифань.

— Прованс, — ответил Тяньмин.

— Прованс… как во Франции?

— Именно. Так этот мир назвала Елена. Ее предки были родом из Прованса.

— Кто она, эта Елена? Ты говорил, она тоже Искатель, но кто она такая?

— Ох, простите, мне следовало бы объяснить все по порядку, — сказал Тяньмин. — Когда-то давно Елена была… уличной женщиной в Византии. А еще она колдунья — во время осады Константинополя османами сотворила несколько чудес. А еще она ангел-хранитель галактического человечества и мой лучший друг и учитель.

Ифань и Чэн Синь слегка ошалели от такого перечня заслуг.

— Елена родилась в бедной семье и в молодости

была вынуждена торговать собой на улице. Но в 1453 году, незадолго до падения Константинополя, четырехмерный фрагмент пересек орбиту Земли и изменил судьбу Елены…

Юнь Тяньмин рассказал о неудавшейся попытке Елены убить османского султана, а затем добавил:

— Во время своего последнего похода в четырехмерье она исчезла на целые сутки, в течение которых у нее была возможность приблизиться к султану. Но некий таинственный голос вызвал ее из четырехмерного пространства и привел в мини-вселенную.

— Как, еще одна мини-вселенная? — изумилась Чэн Синь.

— Да, Вселенная № 589 была создана во время четырехмерной стадии Вселенной. Четырехмерный разум, обитавший в нем, тоже слуга Хозяина, стоял на пороге смерти. Перед концом он передал идеабстракции в мозг Елены и попросил ее продолжить его миссию.

Идеабстракции четырехмерного разума были намного слабее, чем у Хозяина, однако, как и я, Елена в тот первый раз не смогла справиться с ними и впала в кому. Очнувшись, она была способна только бессвязно лепетать. Византийские

солдаты обнаружили ее в этом состоянии и убили, пригвоздив мечом к стене. Но поскольку она, как и я, уже приняла идеабстракции, она вскоре возродилась, чтобы стать Искателем. Получив нетленное тело и кольцо, Елена покинула Землю и, следуя указаниям Хозяина, принялась искать Скрывня по всему космосу. А потом она встретила меня. В течение многих эпох мы работали и боролись вместе. И стояли на страже галактического человечества.

— Что сталось с ней потом? — спросила Чэн Синь.

Лицо Тяньмина омрачилось.

— Она умерла лет девять назад. Когда мы наконец нашли Скрывня, он ошеломил нас своей мощью. Мы были едва живы, когда поняли, что один из нас должен остаться там и подать сигнал Хозяину, чтобы он начал распад вакуума. Перед тем как активировать свое кольцо, Елена отправила меня в мини-вселенную, а сама погибла вместе со Скрывнем.

Чэн Синь и Гуань Ифань потрясенно молчали.

На лице Тяньмина появилось отстраненное выражение — он мысленно вернулся к моменту последней битвы. Он парил в центре небесного цветка, сотрясаемого энергетическими цунами

Скрывня. Тело уже плохо слушалось его, но он упорно продвигался вперед. Конечно, Тяньмин мог бы спастись, забравшись в мини-вселенную, но он понимал, что, если не уничтожить Скрывня и на этот раз, большая Вселенная станет полностью двумерной прежде, чем представится следующий шанс.

И тогда Елена втолкнула его в дверь Вселенной № 589 и приказала немедленно отстыковаться. Ее уровень авторизации был выше, чем у него, и Тяньмин не смог отменить ее приказ. Когда дверь закрылась, Елена послала ему идеабстракцию:

«Позволь мне остаться, Юнь. Ты же знаешь, я всегда хотела стать святой.

Я не жертвую собой ради тебя. Я всего лишь ищу способ самореализации. Как только запустится распад вакуума, мироздание вернется к своему истоку. Ты проживешь всего на несколько десятилетий дольше меня. Не бог весть что.

Но у тебя все еще есть человек, которого ты любишь. У меня же нет никого. Если ты будешь держаться перед фронтом истинного вакуума, доберешься до края Вселенной и создашь клона своей жены, то вам еще предстоит несколько десятков лет счастливой жизни.

Цени свою жизнь и время. Времени достаточно

для любви».

Тяньмин хотел послать ей тысячи идеабстракций, но Елена уже заблокировала канал.

— И поэтому ты назвал это место Провансом? В ее честь? — спросил Гуань Ифань.

Тяньмин вынырнул из этих давнишних переживаний и кивнул.

— Она называла так свою Вселенную № 589. Я лишь позаимствовал название.

— Так вот почему ты больше не вернулся во Вселенную № 647! — Ифань наконец сложил головоломку, не дававшую ему покоя. — Ты путешествовал по космосу, сидя во Вселенной № 589.

Сердце Чэн Синь екнуло. Если бы Тяньмин был способен вернуться в свою мини-вселенную и встретиться там с ней, то, возможно, дальнейшие события развернулись бы по-другому. Ей не хотелось додумывать эту мысль до конца, поэтому она обратилась к АА:

— А что случилось с тобой? Я думала, ты умерла на Голубой планете.

— Позволь, я отвечу, — вмешался Тяньмин, — поскольку это дело моих рук. Инверсия размерности — процесс, который занимает некоторое время. Один и девяносто одна сотая великочаса Скрывня составляют для нас около шестидесяти

земных лет. То место, где мы находимся сейчас, будет областью Вселенной, до которой инверсия размерности доберется в последнюю очередь. Елена пожелала, чтобы я провел остаток своих дней в мире и покое рядом с любящей женой, поэтому я использовал вещество Вселенной № 589, чтобы построить этот мир, Прованс. Ну как, неплохо получилось?

— Он прекрасен! — в один голос воскликнули Чэн Синь и Гуань Ифань.

— Я стар, — сказал Тяньмин. Это прозвучало довольно нелепо, потому что со своим вечно юным восемнадцатилетним лицом он выглядел моложе, чем пара, сидящая напротив. — Не смейтесь. Вы провели в мини-вселенной всего лишь около года, а я мотался по космосу больше десяти миллиардов лет. Я по-настоящему устал. Жажду пожить той жизнью, которую в давние времена вел Ло Цзи, уединившийся на лоне природы.

И поэтому, прежде чем покинуть мини-вселенную Елены, я ухитрился установить связь со Вселенной № 647 и попросил Томоко передать мне информацию о клетках АА, чтобы я смог клонировать ее.

Чэн Синь взглянула на АА.

— Но если ты клон той АА, которую знала я,

у тебя не может быть ее воспоминаний. А мы с тобой только что болтали о наших добрых старых временах на Земле. Как это возможно?

— Кольцо Тяньмина сканировало мой мозг, то есть мозг АА, которую ты знала, — объяснила та. — Вся ее память жила в кольце. Имплантировать ее в мой мозг было парой пустяков. Так что я во всех отношениях та самая АА, которую ты знала.

— Однако, — добавил Тяньмин, — кольцо сканировало ее в тот момент, когда я встретил АА в первый раз на Голубой, так что воспоминаний о сорока годах совместной жизни в том мире у нее не сохранилось. Мне пришлось здорово потрудиться, чтобы она снова полюбила меня.

Тяньмин и АА улыбались, держась за руки.

Глядя на счастливую пару, Чэн Синь ощутила укол ревности. «Он мой! Это мне следовало бы сидеть рядом с ним…»

Она почти что рассердилась, но тут же опомнилась. «Да что это со мной? Я ведь тоже замужем за человеком, которого люблю». Чэн Синь вздохнула. Ей ли жаловаться! Она ведь прожила необыкновенную жизнь.

Она решила сменить тему.

— Это ты послал ту передачу по супермембране,

которую мы приняли?

— Да, я.

— Ты попросил вернуть вещество в большую Вселенную. Это действительно необходимо для Большого сжатия?

Лицо Тяньмина стало серьезным.

— Это правда, что при естественном ходе вещей существование Вселенной должно было закончиться Большим сжатием. Однако вмешательство разума предотвратит коллапс. Без инверсии размерности мироздание, погруженное в состояние темного леса, продолжило бы спускаться в более низкие измерения, пока все вещество и энергия не превратились бы в бесконечную ось времени. Не осталось бы ничего, кроме времени. Наш родной Млечный Путь и его местное сверхскопление уже фактически превратились в плоскость. Две трети Вселенной потеряли третье измерение. В этом гипотетическом полностью плоском мире проекция Хозяина утратила бы разумность, что положило бы конец всем надеждам, ибо тогда Хозяин больше не смог бы инициировать инверсию размерности. Мы должны были начать процесс немедленно, а это потребовало возвращения всей массы в большую Вселенную, иначе ее никогда не удастся восста-

новить.

Чэн Синь и Гуань Ифань уставились друг на друга, их сердца объял холод. Они вспомнили о «бутылке» с посланием и экологической сфере, которая по-прежнему плавает в пустой скорлупке их мини-вселенной.

— Ты сказал — всей массы? — робко спросила Чэн Синь.

— Да, — отозвался Тяньмин. — Я же объяснял, что инверсия размерности приведет к возрождению Вселенной. Наша Земля образуется снова. Нельзя упустить ни единого атома, потому что эффект бабочки может вызвать непредсказуемые изменения, а те в свою очередь, возможно, приведут к тому, что Земля никогда не появится вновь.

— Но как же миллионы мини-вселенных? — спросил Ифань. — Не рассчитываете же вы, что все они прислушаются к вашему призыву?

— Не миллионы, а всего 647, — возразил Тяньмин. — Все мини-вселенные — это творения Хозяина. Он сам может вернуть их в большую Вселенную, я просто подстраховался. В этом процессе не должно быть ошибок. Если какая-то другая цивилизация овладела способностью создавать мини-вселенные и эти новообразования не вер-

нутся в большую Вселенную, все пропало. Вот почему мне пришлось вещать на миллионах известных языков и просить все мини-вселенные, включая и эти гипотетические, о возвращении *всей* материи и энергии.

— Но Скрывень запустил множество межвселенских зондов и осуществил несколько атак сквозь супермембрану. Наверняка на это потребовалось огромное количество энергии?

— Томоко сказала мне, что большая Вселенная и супермембрана поддерживают энергетический баланс. Какое бы количество энергии большая Вселенная ни вывела в супермембрану, идентичное количество отводится из супермембраны за счет расширения Вселенной. Атаки Скрывня для инверсии размерности не препона. Единственным потенциально слабым звеном остаются мини-вселенные.

Вот теперь Чэн Синь охватил ужас.

— А что если… что если в большую Вселенную не вернутся всего пять килограммов массы? Что случится тогда?

— О чем ты? — Тяньмин с подозрением уставился на нее.

И тут раздался звонкий женский смех. Смеялись не АА и не Чэн Синь. Это хохотала Томоко, до

сих пор не произнесшая почти ни слова. От смеха ее лицо исказилось в устрашающей гримасе.

По спине Чэн Синь прошел озноб, напомнив ей о том вечере одиннадцать миллиардов лет назад, когда «капли» напали на Землю. В вулканической кальдере на Земле Томоко, одетая как ниндзя, смеялась точно так же.

В мозгу Чэн Синь словно сверкнула молния. Теперь она все поняла.

— Ты! — Она обернулась к Томоко. — Ты лгала мне! Ты хотела, чтобы я оставила там пять килограммов массы — аквариум с рыбкой! И «бутылку» с посланием! Все это было частью твоего замысла. Меня опять обманули! Опять!

Тяньмин лишь молча переводил глаза с одной на другую.

— В том, что ты такая дура, вини только себя! — презрительно отбрила Томоко. — Научись уже брать ответственность за собственные решения!

Она повернулась к Юнь Тяньмину.

— Глупый мальчишка! Вообразил, что Хозяин позволит этому порочному грязному миру возродиться точно таким, как раньше? Ты и вправду решил, что Хозяин упустит возможность вновь править мирным царством в вечном покое? Повторять одно и то же снова и снова до беско-

нечности — это бредни фантазеров и мистиков. Вечным может и должен быть только Хозяин!

Пять килограммов материи — это ключ ко всему. Хозяин, безусловно, может удерживать несколько мини-вселенных вдали от великой Вселенной, тем самым лишив ее гораздо большего количества вещества. Но если масса потерянной материи превысит пять килограммов, то инверсия размерности приведет к образованию десятимерья, которое будет очень сильно отличаться от первоначального. Такой мир будет находиться в состоянии покоя, но в нем никогда не зародится разум, а значит и Хозяин. А если количество недостающего вещества окажется слишком малым, тогда, возможно, изменения будут настолько незначительны, что весь цикл и в самом деле повторится почти в точности. Мы не можем получить через супермембрану дополнительную материю из других вселенных, поэтому оставалось лишь избавиться от пяти килограммов собственной массы.

Это была чрезвычайно сложная задача. Каждая мини-вселенная — полностью закрытое образование, а Хозяин может только манипулировать мини-вселенными на супермембране, не имея возможности напрямую контролировать проис-

ходящее внутри них. Хозяин обладает властью направить мини-вселенную в большое мироздание, но оставить пять килограммов материи на супермембране не может. Собственная мини-вселенная Хозяина неделима, тогда как большинство остальных уже давно стали необитаемыми или в них водятся только примитивные формы жизни. У Хозяина не было иного выбора, кроме как забросить их целиком обратно в большую Вселенную. Двое обитателей Вселенной № 589 были слишком проницательны и, вероятно, разгадали бы любую хитрость. Оставался единственный вариант — Вселенная № 647. И, к счастью, в ней жила Чэн Синь, которая относилась ко мне как к лучшей подруге! Поэтому я намекнула ей, что хорошо бы сделать экологическую сферу. Наплела ей романтической чуши, мол, надо бы оставить после себя немного жизни, чтобы осветить эту темную вселенную, не дать ей погрязнуть в безнадежности. И дуреха мне поверила! — Улыбка на лице Томоко растянулась от уха до уха. — Вот так мы и получили нужные нам пять килограммов.

— Будь ты проклята! — Тяньмин рванулся было, чтобы ударить Томоко, но, наткнувшись на ее вызывающий взгляд, сдержался. «Она же всего лишь робот!»

— Не тебе меня осуждать! — осадила его Томоко. — Это ты отдал Вселенную № 647 Чэн Синь и Гуань Ифаню и распорядился, чтобы я им подчинялась. И я им подчинялась. Во всем. Мои действия стали прямым результатом ее приказов! Не так ли, моя дорогая Чэн Синь?

Та опустила голову — ей нечего было возразить. Она закрыла лицо ладонями и зарыдала. Гуань Ифань и ⊠АА топтались рядом, не зная, как ее утешить.

— Но ты же специально так манипулировала ею, чтобы она отдала тебе эти приказания! — загремел Тяньмин.

— Чтобы кем-то манипулировать, надо, чтобы личность поддавалась на манипуляции, — возразила Томоко. — Я попробовала манипулировать тобой — ничего не вышло. В конце концов, чтобы убедить тебя, пришлось прибегнуть к замысловатой истории о вечном возвращении. Тебя я бы ни за что не смогла принудить к тому, к чему принудила ее. Так что обвиняй себя за то, что велел мне выполнять распоряжения человека, которого так легко провести за нос!

Тяньмин дрожал от ярости, глядя на Томоко.

— Хочешь убить меня? Ну давай. Сопротивляться не буду, — сказала она.

Тело Тяньмина застыло, но тут же расслабилось.

— Какой в этом прок? Ты же всего лишь тень Хозяина. Уходи. Видеть тебя больше не могу!

Томоко поклонилась.

— Как пожелаешь. Но если когда-нибудь захочешь повидаться, просто пошли вызов по кольцу.

Она повернулась, чтобы уйти, и тут Чэн Синь с воплем набросилась на нее. Обе упали, и Чэн Синь, оказавшаяся сверху, принялась осыпать робота тумаками.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — Чэн Синь била, колотила и пинала противницу. Годы, десятилетия, столетия ярости вдруг выплеснулись из нее. Она наконец поняла, что была лишь пылинкой, несомой могучим ураганом, листком, плывущим по широкой реке. Она отдала себя яростному порыву холодного ветра ненависти, позволила огню отмщения охватить ее душу.

Томоко не оказала сопротивления. Люди порой ведут себя абсолютно бессмысленно. Чэн Синь не могла причинить ей реального вреда. Тело Томоко было пластичнее и прочнее резины. С какой бы силой ни всаживала противница в нее свои кулаки, вмятины быстро выправлялись.

Гуань Ифань попытался оттащить Чэн Синь от Томоко, но она оказалась слишком сильной. Юнь Тяньмин стоял в сторонке, не способный ни на какую реакцию. Он все еще пытался примириться с тем фактом, что десять с лишним миллиардов лет упорного труда пошли насмарку. АА схватилась за руку Тяньмина, придя в ужас от дикого поведения старинной подруги. Неужели это та Чэн Синь, которую она знала?

Через некоторое время Томоко холодно проговорила:

— Ты ненавидишь не меня, Чэн Синь. Ты ненавидишь себя. И, безусловно, сама это понимаешь.

Чэн Синь замерла. Она слезла с Томоко и, опустившись на землю, горько заплакала. Гуань Ифань обнял ее. Томоко поднялась на ноги, отряхнула песок, поклонилась Тяньмину и зашагала прочь.

— Подожди! — окликнул ее Тяньмин. — Большая Вселенная потеряла пять килограммов. Каковы будут последствия? Хозяин построит десятимерье, которое продлится вечно?

Томоко остановилась, обернулась и взглянула на него. Размеренно покачала головой.

— Этого не знает и сам Хозяин. Есть пределы

тому, что можно вычислить и предсказать. Но даже непредсказуемая неизвестность лучше, чем вечное повторение одного и того же. Стоит попробовать.

В этот момент Тяньмину стало жалко Хозяина. Даже Бог, который когда-то управлял всем космосом, подчиняется прихотям Ананке. Хозяину, подобно самому Тяньмину, приходится бороться за собственное выживание.

Тяньмин вздохнул. Похоже, все не так плохо, как ему представилось на первый взгляд. Будущему положено быть неизвестным. Все сбросится на ноль, Вселенная начнется заново, прошлое будет стерто и забыто. Но Вселенная все еще существует, и он сам тоже пока существует. Каждый кусочек вещества, заключенный в его теле, каждый кварк, из которых он состоит, в той или иной форме продолжат существование и в новой Вселенной. Может быть, они сформируют нового Тяньмина, совершенно отличного от старого. Отчаиваться ни к чему. Человечество, Солнечная система — все сделано из вещества, а вещество будет рождено заново.

Хозяин должен сделать попытку, и Вселенная тоже. Возможность и кризис — это две стороны одной медали. Все на свете подвержено беско-

нечным причудам изменений, так что не стоит испытывать такую крепкую привязанность к исчезнувшему миру прошлого. Лучше отпустить его. И ему, Тяньмину, лучше влиться в огромный поток трансформации и выйти в новый мир. Свобода! Разве не в ней заключается глубинный смысл времени?

«Косой дождик, мягкий ветерок, ни к чему возвращаться домой...»

И правда — домой возвращаться ни к чему. Какое отличное приключение — отправиться в странный новый мир!

Томоко когда-то говорила, что если первый раз исполнен смысла, то каждое последующее повторение тоже будет иметь смысл. И аналогично — даже если ничто не повторится заново и все канет в пустоту, этот первый и единственный раз все равно будет исполнен значения. Смысл Вселенной и смысл бытия не зависят от повторения, но ни перемены, ни трансформация не лишают их смысла.

Мир прошлого, даже если он никогда не вернется, по-прежнему существует. И если о нем не будут помнить, это еще не значит, что он уйдет в забвение.

Томоко удалилась. Заплаканная Чэн Синь под-

нялась на ноги и тоже пошла прочь, Гуань Ифань последовал за ней. Тяньмин не испытывал ненависти к Чэн Синь, но и остановить ее не пытался. Он понимал — она не в силах взглянуть ему в глаза. Несмотря на то что ее действия могут привести к рождению абсолютно новой вселенной, Чэн Синь не могла принять свое настоящее «я». Томоко содрала внешнюю невинность и святость, которую Чэн Синь являла миру. Тяньмин не знал, увидит ли ее когда-нибудь снова. Площадь Прованса составляла миллион квадратных километров, и Чэн Синь с Ифанем могли бы найти тихое и уютное местечко, чтобы прожить в нем последующие пятьдесят лет.

Он теперь смотрел на жизнь по-новому. Любовь и радость опять переполняли его сердце, и испытывал он их не к этому мирозданию, которому оставалось от силы пятьдесят лет, а к неведомому новому миру, которому еще предстояло родиться.

Тяньмин вспомнил последний момент финальной битвы, когда он покидал область космоса, где погибла Елена. К нему тогда пришел обрывок идеабстракции — не от Елены, а от умирающего Скрывня.

Я создал время и умру во времени. Но я не жа-

лею. Если бы мне предоставилась возможность сделать это опять, я бы…

На этом послание обрывалось, но Тяньмин был уверен, что Скрывень хотел сказать:

…я бы снова запустил время, чтобы мир получил еще один шанс.

Хозяин, Скрывень и он, Тяньмин, были врагами в долгой войне, но в конце все их усилия послужили одной задаче — рождению нового мироздания. Жизнь и любовь получат еще один шанс.

Тяньмин вытянул руку над океаном Прованса, словно Моисей над Красным морем. Повинуясь его жесту, ярко-красное солнце взлетело над горизонтом и озарило небосвод.

— Это рассвет новой вселенной, — прошептал Тяньмин, притягивая к себе АА. — Ты, я, Елена, Чэн Синь, Гуань Ифань… все люди и все создания, жившие в этой Вселенной, будут купаться в свете солнца нового мироздания, и не важно, что при этом изменится.

Яркие лучи восходящего солнца летели навстречу Тяньмину и АА, океан перед ними сверкал и искрился, а позади них колыхалась спящая лаванда.

Чудесное утро.

Посткода:
Заметки из новой Вселенной

Время легенд прошло, началась история.

«Легенда о героях Галактики»

3500 лет до н. э.,
система Трисоляриса

Большой Круглый Лик плыл в ночном небе, и в его свете можно было легко разглядеть каждую морщинку на его поверхности. Небесные сферы за Большим Круглым Ликом лениво вращались, но Желтая Луна пока еще не появилась. Усевшись верхом на быстрого крылозверя Суулуу, Зуна пронеслась над сверкающим пологом леса по направлению к парящим вдалеке горам.

Она летела над горными пиками, пока не приблизилась к самому высокому из них. Даже на таком расстоянии Зуна разглядела тонкую фигуру Касхи на вершине. Он смотрел в небо, а рядом с ним лежал добрый крылозверь Туутуу.

Зуна безмерно обрадовалась. Не успел Суулуу коснуться земли, как она уже спрыгнула с его спины.

— Я вижу тебя!

— Я тебя вижу, — поклонился ей Касха. Зуна любила смотреть, как Касха кланяется. Он все делал так грациозно, с таким достоинством! Он не был похож на грубых охотников ее племени. Племя Касхи раньше обитало на берегу южного океана и перекочевало в их края недавно.

Касха был из тех, кого его соплеменники называли «наблюдателями», — в его обязанности входило наблюдение за небесными телами. Зуна недоумевала, какой прок от этого занятия, но Касха сказал, что движение небесных тел вызывает приливы и отливы, и именно поэтому в его племени, живущем на побережье, существовал такой обычай. Хотя они теперь жили в лесу, Касха по-прежнему каждый вечер упорно поднимался на вершину горы, чтобы наблюдать за небом. У Зуны этот таинственный молодой человек вызывал жгучее любопытство, и она частенько выскальзывала ночью за дверь, чтобы присоединиться к нему на вершине парящей горы.

Касха улыбнулся ей:

— Смотри, скоро появится Желтая Луна. — Он указал на пятнышко рядом с Большим Круглым Ликом — там занялась оранжевая заря. Вскоре действительно показался полумесяц Желтой

Луны. Теплое сияние залило небо и озарило пару на горе. Зуна украдкой покосилась на Касху — в желтом лунном свете тот выглядел особенно красивым.

Но Касха не смотрел на нее — он не отрывал глаз от Желтой Луны. Слегка обидевшись, Зуна шлепнула его своим хвостом:

— И чего ты таращишься на нее каждую ночь? Она такая красивая?

Касха ответил:

— Можешь сказать, что там, рядом с Желтой Луной?

— Это… Звезда Бога Огня? — Зуна видела, что Звезда Бога Огня и Желтая Луна сближаются. — Они столкнутся?

Касха засмеялся:

— Конечно нет, глупенькая!

И вскоре Звезда Бога Огня и Желтая Луна встретились. Звезда Бога Огня при этом стала просто черным пятном на лице Желтой Луны и медленно заскользила по светящемуся кругу. Через несколько мгновений Зуна нерешительно спросила:

— Желтая Луна, наверное, дальше от нас, чем Звезда Бога Огня?

— Намного, намного дальше, — ответил Кас-

ха. — Желтая Луна гораздо дальше от нас, чем любая из блуждающих звезд.

— Что такое блуждающая звезда?

— Тела, которые движутся в небесах, называются блуждающими звездами; те же, что не двигаются, а вращаются только вместе с небесной сферой, называются постоянными звездами.

— А Желтая Луна, она какая звезда — блуждающая или постоянная?

— Трудный вопрос, Зуна. Согласно определению, которое я только что дал, она должна считаться блуждающей, потому что явственно движется по небу. Но она такая огромная! Она дальше от нас, чем Звезда Бога Огня, Звезда Бога Воды и даже Звезда Бога Войны, но все равно выглядит диском, а не точкой. И слишком ярко светится. Некоторые мудрецы моего племени полагают, что это тоже солнце — то есть оно излучает свет самостоятельно, точно так же, как наше Солнце; однако оно гораздо дальше и поэтому намного тусклее.

— Оно тоже вращается вокруг Земли?

— Желтая Луна? Нет. Древние наблюдателям моего племени говорят, что она вращается вокруг Солнца — или, вернее, она и Солнце вращаются вокруг точки, которая находится между ними,

вот так. — Он проиллюстрировал свои слова, покрутив пальцами обеих рук вокруг воображаемой точки в середине.

— Словно… словно двое влюбленных, — проговорила Зуна.

— Точно! В наших преданиях Солнце и Желтая Луна выступают как пара влюбленных.

— А дети у них есть?

— Что?

— У Солнца и Желтой Луны. Есть у них дети?

— Какая смешная мысль! — И тут улыбка застыла на лице Касхи. — Хм…

— Что случилось? — спросила Зуна.

— Ничего… Я только что вспомнил один весьма туманный миф, в котором говорилось, что у Солнца и Желтой Луны действительно есть дочка — Маленькая Красная Звездочка.

— Никогда не слышала, — сказала Зуна.

Касха указал на небо — там светилась едва видная красная точка. Она была гораздо тусклее других звезд и почти тонула в сиянии Желтой Луны.

— А что в этой крошке такого особенного, чтобы ее посчитали дочкой Солнца и Желтой Луны? — поинтересовалась Зуна.

— Верно, это очень слабая звезда. Но она не

такая, как другие. Она движется сама по себе, хотя и чрезвычайно медленно, — медленнее, чем любая из блуждающих звезд. Если сравнить наши древние звездные карты с сегодняшним небосводом, можно увидеть, как изменилось их расположение. Мы не считаем ее блуждающей звездой, но не считаем и постоянной. Должно быть, она очень далеко от нас, даже еще дальше, чем Желтая Луна, — возможно, почти у самой сферы постоянных звезд. Но она все равно связана с Солнцем и Желтой Луной. В наших легендах говорится, что она совершила какой-то ужасный грех, и родители прогнали ее. Вот почему она бродит вдали от дома. Каждые сто тысяч лет она обходит Солнце и Желтую Луну вокруг, но вернуться не осмеливается.

— Бедная малышка! — вздохнула Зуна. — Ну пусть бы вернулась домой, почему нет?

Касха издал смешок.

— Ее возвращение, если оно когда-нибудь случится, будет страшным несчастьем! Оно убьет любовь между Солнцем и Желтой Луной.

— Как это? Ты же сказал, что она их дочка!

— Подробностей я не знаю. В наших легендах все небесные тела любят друг друга и хотят быть вместе. Но если они действительно соберутся

вместе, они перестанут вращаться вокруг Земли и освещать все живущее. Вот почему Создатель отделил их друг от друга, упорядочив и умерив их любовь. Поскольку Маленькая Красная Звездочка — дочь и Солнца, и Желтой Луны, то если она когда-нибудь вернется, родители поссорятся — каждый будет требовать, чтобы дочка вращалась только вокруг него одного. И тогда Солнце и Желтая Луна больше не станут вращаться вместе, словно пара хороших танцоров, — нет, каждый будет тащить Маленькую Красную Звездочку к себе, и та может даже упасть на одного из них! Вместо порядка в небе воцарится хаос.

— О наш мудрый Создатель! — воскликнула Зуна. — Как он все здорово устроил — умно и по-доброму! Если бы Солнце, Желтая Луна и Маленькая Красная Звездочка слишком близко подошли друг к другу, мы, наверное, не смогли бы существовать.

Касха стал задумчив.

— А знаешь, это очень интересная мысль! Если бы мы и существовали при таком положении светил, нам пришлось бы жить в гораздо более жестоком и странном мире. Мы даже не знали бы, какое из небесных тел называть Солнцем!

Оба полуночника, казалось, потерялись в хоро-

воде причудливых мыслей, и тут вдруг раздался крик Суулуу и Туутуу. Зуна и Касха посмотрели на крылозверей — не подрались ли те ненароком — но оказалось, что те вскрикнули в тревоге, глядя на Желтую Луну. Однако, взглянув туда же, ни Касха, ни Зуна не увидели ничего необычного. Поскольку крылозвери иногда суетятся и нервничают без причины, молодые люди решили, что волноваться не стоит. Зуна сказала зверям несколько строгих слов, и те быстренько успокоились.

Зуна взяла Касху за руку.

— Расскажи, как Солнце влюбилось в Желтую Луну.

Но тут Касха вдруг обнаружил, что его собеседница, оказывается, гораздо красивее Желтой Луны. Он пристально посмотрел ей в глаза.

— А почему бы нам не создать новую историю — историю Зуны и Касхи?

Зуна застенчиво улыбнулась. Наконец-то до него дошло!

Через несколько минут новая чета взлетела на своих крылозверях и помчалась наперегонки в небе над горами. Они поднимались все выше и выше, будто хотели прикоснуться к Большому Круглому Лику, вскарабкаться на Желтую Луну…

Но они так и не узнали, что крылозвери кричали не зря. За их спинами поднялся тонкий серебристый объект и, скрытый сиянием Желтой Луны, рванулся прямо в небо, взлетев выше влюбленной пары. Объект направился к миру, расположенному еще дальше, чем Большой Круглый Лик, Желтая Луна и Маленькая Красная Звездочка.

К миру, до которого четыре световых года.

Май 1453 года,
Константинополь

Небо, земля, океан, город… всё на свете.

Видимый мир снова обнажился перед ней. Одним движением, так хорошо знакомым Елене, он сбросил все одежды и открыл себя, являя ее жадному взору каждый дюйм своей кожи. Теперь *она* была клиентом, а мир — ее шлюхой. Бесконечное множество богатых, заманчивых подробностей разом открылись ей, и она могла делать с миром все, что захочет, и никто не сможет остановить ее погоню за удовольствием. Власть опьяняла.

Елена покачала головой и оттолкнула от себя греховное сравнение. Она уже не могла вспомнить, сколько раз возвращалась в это дивное пространство, но каждый приход сюда вызывал у нее дрожь радостного предвкушения. Несомненно,

эта способность — дар Господа. Подобно Даниилу, Исаие или Иоанну, автору книги Откровения, он наделил ее божественными видениями.

В каком-то смысле Елена была уверена, что ее непонятным образом вознесли на более высокий по сравнению с земным миром уровень — вот почему она может видеть весь свет целиком. Однако речь здесь не о «высоте» башни или горы, а о чем-то гораздо более высоком — Елена взмыла над всем подлунным миром. Значит, она у Небесных Врат, верно? А раз так, то она не могла не отправиться на поиски чудес, описанных в книге Откровения: стен из яшмы, жемчужных врат, улиц из чистого золота… Но она так ничего и не нашла. Из этого Елена сделала вывод, что Царство Небесное открыто для нее пока еще не полностью. Сначала она должна завершить порученное ей Господом дело на земле, и только тогда ее пустят в рай.

Дело было простое: убить царя-язычника, прислужника Сатаны, султана османов Мехмеда II, известного также как эль-Фатих — Завоеватель. Как только Елена исполнит свою миссию, ее провозгласят спасительницей Византии и всего христианства. Она станет еще более великой святой, чем Жанна д'Арк.

Чувствуя, как отвага пульсирует в ее жилах, она подняла саблю и «шагнула» с минарета.

Елена наловчилась «ходить» в этом странном месте. Следуя по грани, которая не видна в обычном мире, она прошла внутри городской стены, а затем погрузилась в почву. Женщина и в самом деле оказалась под землей — толща над ее головой превышала человеческий рост. Тем не менее, поскольку она все еще находилась на «высшем» уровне, она могла без малейших затруднений идти сквозь твердую землю. Хотя невидимая сила, заставлявшая все в мире падать, действовала по-прежнему, Елену теперь прижимало к поверхности с другой стороны. Несмотря на то что она находилась глубоко в земле, она ясно видела все вокруг и свободно двигалась в любом направлении.

Но вот и лагерь Завоевателя. Елена слегка занервничала. Хотя она и знала, что из обычного пространства ее увидеть нельзя, сердце ее заколотилось сильнее.

«Боже, помоги мне завершить эту невероятную миссию! Подай мне знамение!»

И неожиданно мощная духовная сила обрушилась на ее сознание. Ей послышался голос, говоривший:

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

Елена была так потрясена, что невольно выпалила:

— Это ты, Господь?

Но голос ничего больше не сказал. Елена усилием воли взяла себя в руки. Должно быть, она так разволновалась, что в ее голове сами собой зазвучали слова Евангелия.

Она задержала дыхание и медленно приблизилась к великолепному шатру султана. Это было нетрудно. Шатер строго охранялся, но для Елены все меры безопасности ничего не значили. В своем пространстве она прошла по подземной тропе, не видимой с поверхности, и, миновав стражу, ступила в шатер. Молодой султан лежал на постели в окружении четырех нагих наложниц и спал глубоким сном. Елена сразу узнала его по портрету, который показывал ей Сфрандзи.

«Грешник! Проклятый язычник!» — безмолвно взъярилась она и подняла саблю. Один удар — и султан умрет.

Но тут в ее голове снова зазвучал странный голос:

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель…»

Перед ней возник слабо светящийся контур двери. Он серебристо мерцал и переливался, словно призывая ее войти. От потрясения Елена выронила саблю. Хотя женщина и находилась в ином пространстве, сабля по-прежнему подчинялась силе тяготения и, падая, наткнулась на подземную скальную породу.

Тихий звон металла о камень потревожил спящего. Султан потер глаза, словно собираясь пробудиться. Елена не знала, что делать. Она неотрывно смотрела на светящийся контур.

«Должно быть, это и есть Небесные Врата, которые охраняет святой Петр».

Елена не имела понятия о том, что в прошлой вселенной она решила переступить порог, после чего попала в мини-вселенную и получила новое задание. Но в этой Вселенной ее мозг чуть-чуть, всего несколькими атомами, отличался от прошлой версии, и поэтому все пойдет иначе.

«Сначала следует убить язычника и только потом войти во Врата».

Уронила саблю? Не беда. Елена протянула руку к дрожащей массе — мозгу султана. Как и все прочие его органы, мозг лежал перед ней как на ладони. Всего-то и нужно, что с силой сжать это желе, и с язычником будет покончено.

Внезапно султан заворочался во сне. Пальцы Елены промахнулись и, вместо того чтобы раздавить мозг, коснулись обнаженной кожи султана. Тот, наполовину проснувшись, схватил ее за руку и притянул к себе. Елена была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Она выпала из своего пространства и угодила прямо в объятия врага.

Волшебный мир исчез, а вместо него на Елену надвинулся мир стен и замкнутых пространств, едва не задушивший бедняжку. Хуже того — султан так крепко прижал ее к себе, что она не могла даже вздохнуть. А когда Завоеватель провел ладонью по ее стройному женственному телу, Елена впала в панику.

«Нужно вернуться обратно!»

Елена попыталась вырваться из объятий султана. Только бы дотянуться до поверхности, с которой она слетела, тогда ей удастся вскарабкаться обратно…

И вот — о счастье! — голова ее вернулась в чудесное пространство. Глаза Елены загорелись, а от открытости мира перехватило дыхание. Светящийся прямоугольник все еще призывно мерцал. Но она не успела вытащить всю себя наверх — гнусный язычник потянул ее обратно в свой мир и ударил по лицу.

Завоеватель уже окончательно проснулся. Несмотря на темноту в шатре, он смог рассмотреть и понять, кто она такая. Султан выругался. Елена боднула его головой, хватка противника чуть ослабла, и тогда она рванулась что есть сил, пытаясь достичь поверхности, с которой недавно сверзилась…

Ничего не вышло. Поверхность исчезла.

Елена застыла. И прежде чем она успела среагировать, обуянный похотью султан опять дернул ее обратно и подмял под себя…

«Все кончено! Я никого не могу спасти, даже себя саму».

Четырехмерный фрагмент навсегда уходил от Земли, унося прочь надежды Елены и волшебную дверь.

Год 1964,
Чжуннаньхай[19],
Пекин, Китай

Высокий пожилой человек склонился над

---

[19] Примечания: 19

Чжуннаньхай — рукотворное озеро в Пекине, расположенное непосредственно к западу от Запретного города. По его берегам расположены резиденции высших органов управления Китайской Народной Республики. В китайских СМИ термин «Чжуннаньхай» все чаще употребляется для обозначения высшего руководства КНР, аналогично тому, как слово «Кремль» используется для обозначения государственной власти России.

огромным письменным столом. Придерживая пальцами очки для чтения, он глубоко погрузился в изучение лежащего перед ним документа. Время от времени он кивал и улыбался.

Документ назывался «Доклад о вероятном технологическом прорыве в области поиска внеземных цивилизаций».

Дочитав, старик взял ручку. Несколькими резкими росчерками он добавил свой комментарий: «Другие страны уже послали сообщения в космос. Опасно, если внеземные цивилизации услышат только их голоса. Нам тоже следует сказать свое слово! Только в этом случае у инопланетян создастся верное представление о человеческом обществе, ибо докопаться до правды, слушая лишь одну сторону, невозможно. Мы должны заняться этим...»

Он собирался добавить «как можно скорее», чтобы подчеркнуть срочность задачи, но его отвлек стук в дверь. Старик посмотрел на вошедшего и улыбнулся:

— Эньлай[20]! Ты вовремя. Иди-ка сюда, озна-

---

[20] Примечания: 20

Чжоу Эньлай (1898–1976) — выдающийся политический деятель КНР, первый глава Госсовета КНР с момента его учреждения и до своей смерти (в том числе и в годы «культурной революции»). Благодаря своим личным качествам и высокой трудоспособности снискал всенародную любовь.

комься с этим докладом. Очень интересно!

Вошел другой старик, худой, с лицом, выказывающим признаки глубокой усталости, хотя походка его все еще была уверенной и энергичной. Он взял доклад и быстро просмотрел его.

— Как все изменилось! — улыбнувшись, сказал он. — Во времена моей учебы во Франции я считал научно-фантастические романы Жюля Верна несбыточными сказками. А нынче американцы, не жалея средств, ищут инопланетян.

— Нашей стране также следует подумать об этих глобальных вопросах. Мы не можем вечно плестись у кого-то в хвосте, не проявляя собственной инициативы. Я считаю, что мы тоже должны построить комплекс для поиска инопланетного разума. Я даже название для него придумал: «Красный Берег». Возможно, значение этого шага останется неоцененным еще много лет, но он чрезвычайно важен. Думаю через несколько дней пригласить Го Можо[21] и Цянь Сюэсэня[22] — обсудим детали проекта. Что скажешь?

---

[21] Примечания: 21

Го Можо (1892–1978) — китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии наук КНР.

[22] Примечания: 22

Цянь Сюэсэнь (1911–2009) — китайский ученый, основоположник космической программы Китая.

— Хорошая мысль, Председатель, вот только… бюджет… — Лицо Чжоу Эньлая выразило смущение.

Высокий старик пренебрежительно проговорил:

— Я очень хорошо знаю, что наша страна небогата. Размах американцев нам не по плечу. Как насчет того, чтобы для начала выделить сто миллионов юаней?

Чжоу Эньлай беспомощно улыбнулся и передал Председателю какой-то документ.

— Почему бы вам сначала не взглянуть на этот бюджетный отчет?

Высокий старик принялся листать сводку. Постепенно улыбка покинула его лицо. Он вздохнул.

— Везде нужны деньги. Пятилетке нужны деньги, армии нужны деньги, программам стратегических ядерных вооружений и освоения космоса нужны деньги, и даже «революционным операм» этой… этой женщины[23] нужны деньги! И все-таки мы должны найти средства и для проекта поиска внеземных цивилизаций! А что если нам отложить строительство парочки элек-

[23] Примечания: 23

Восемь образцовых «революционных опер и балетов» — собственно, проект жены Мао Цзедуна, Цзян Цин. (*Прим. переводчика.*)

тростанций? — Он указал на несколько строчек в конце сводки.

Чжоу Эньлай нахмурился.

— Программа индустриализации остро нуждается в электроэнергии, Председатель. Нам следовало бы построить эти электростанции еще вчера.

— Ну хорошо, дай-ка посмотрю еще раз… — Высокий старик вздохнул и опять принялся листать отчет, пытаясь отыскать что-то, что можно было бы вычеркнуть. Такового не находилось.

Чжоу Эньлай посмотрел на него с сочувствием.

— Я понимаю — вы считаете поиск инопланетян очень важным делом. Мы обойдемся без электростанций. Уверен, Китай вполне проживет еще несколько лет без них. После вашей встречи с Го и Цянем я попрошу Государственный совет пересмотреть бюджет.

Высокий старик не ответил. Склонив голову, он размышлял. Наконец, все обдумав, махнул рукой:

— Ладно, забудь об этом. Мы ведь даже не знаем, существуют ли инопланетяне, тогда как практические задачи индустриализации ждать не могут. Отложим пока строительство этого комплекса. Зато электростанции нужно построить прочно и

основательно. — Его палец тяжело опустился на последнюю строчку отчета, гласящую: «Нянцзыгуаньская электростанция»[24].

Год 1969-й,
Синьцзян, Производственно-строительный корпус, Китай

От подножия Тяньшаня до самого горизонта убегали безграничные травянистые равнины.

За стеной, огораживающей ряд простых, построенных на скорую руку хижин, лежал крошечный открытый дворик. Посреди него стоял тазик с чистой водой. Молодая женщина в зеленой военной форме осторожно капала в тазик чернила из пузырька. Вскоре чистая вода потемнела. Солнце отражалось в ней, словно бледно светящийся призрак.

— Похоже на времена, в которые мы живем — такие же темные, — пробормотала Е Вэньцзе. Она думала о своем отце, который умер два года назад, пав жертвой разнузданного «митинга борьбы». Понимая, что времени на эмоциональные переживания у нее нет, она затолкала воспоминания в дальний угол и сосредоточилась на отражении

---

[24] Примечания: 24

Лю Цысинь, автор трилогии «Задача трех тел», писал эти романы, работая инженером на электростанции в Нянцзыгуане, провинция Шаньси. (*Прим. К. Л.*)

солнца в тазике.

Кто-то хлопнул ее по плечу. Вэньцзе подскочила от неожиданности. Обернувшись, она увидела девушку-подростка.

— Вэньсюэ! Как ты меня напугала! Зачем ты так подкрадываешься?

— Тебя ищут в штабе корпуса. Почему ты не вышла на работу?

— Тсс… — Вэньцзе оттащила сестренку в сторону. — Не говори никому! Я занимаюсь астрономическими наблюдениями.

— И за чем наблюдаешь?

Вэньцзе понизила голос:

— За пятнами на солнце.

— Что-о?! Ищешь темные пятна на сияющем солнце? — Голос Веньсюэ от страха сорвался на визг. — Твоим недругам только того и надо! Скажут, что ты, прикрываясь наукой, наносишь символический удар по нашему великому вождю!

— Вот потому я и прячусь здесь! Расчетный период активности еще не наступил, но в последнее время я наблюдаю множество пятен и необычную солнечную активность…

— Слушай, кончай с этим, а? — простонала Вэньсюэ. — Думаешь, ты все еще аспирант-аст-

рофизик? Ты в самом глухом углу Китая, где у тебя нет даже простейшего оборудования. Какие такие исследования можно провести в тазу с грязной водой?! Да даже если бы ты и сделала какое-нибудь открытие, ничего хорошего из этого бы не вышло. Мы живем во времена, когда чем ты ученее, тем реакционнее! Судьба отца тебя ничему не научила? Хватит напрашиваться на неприятности!

Вэньсюэ пнула тазик — тот перевернулся, черная вода пролилась на землю.

— Зачем ты это сделала?! — Вэньцзе гневно воззрилась на Вэньсюэ.

Увидев, что сестра рассердилась не на шутку, Вэньсюэ спаслась бегством.

Е Вэньцзе смотрела на растекающуюся под тазиком черноту, как будто это было солнечное пятно, упавшее на Землю и угрожающее поглотить весь мир…

Вздохнув, Вэньцзе подняла глаза к небу.

— Кто очистит эту темную, загаженную землю?

Год 1979-й,
Вьетнам,
провинция Лангшон

Рыжий муравей бесшумно бежал по земле.

Откуда-то издалека доносился приглушенный грохот орудий и автоматные очереди, огненные разрывы озаряли горизонт. Но здесь, в темном лесу, пока еще царила тишина. Война между Китаем и Вьетнамом была так же далека отсюда, как иная вселенная. Даже мощные вспышки света в отдалении не могли пробиться сквозь густые джунгли.

Для рыжего муравья война и вправду шла где-то в другой вселенной. Весь его мир — крохотный уголок тропического леса — умещался в кругу диаметром не больше сотни метров. Все за пределами этого круга оставалось вне понимания муравьишки.

Если муравья «очеловечить», то можно было бы сказать, что он очень счастлив. При ночном обходе он нашел свежий труп медоносной пчелы, которого было достаточно, чтобы кормить весь муравейник два дня. Сейчас муравей спешил домой — принести соплеменникам добрую весть, что скоро все смогут насладиться роскошной трапезой. В действительности же, конечно, муравей не испытывал никаких человеческих эмоций. Он просто резво перебирал лапками, движимый инстинктом выживания.

Внезапно гигантский объект — такого муравей

себе и вообразить бы никогда не смог — обрушился на землю, заслонив собой небо и все вокруг. Муравьишка не был раздавлен — ему повезло оказаться в трещине на поверхности объекта, так что он не пострадал. Муравей осторожно двинулся дальше, и вскоре его антенны обнаружили впереди другую странную поверхность. Недолго думая, он вскарабкался на нее.

Поверхность пришла в движение, неся на себе муравьишку. Объект на мгновение задержался на земле, прежде чем опять с головокружительной скоростью рассечь воздух. Стоп. Взлет. Стоп. Взлет.

Даже глупый рыжий муравей теперь сообразил, что поверхность, на которой он находится, — это нечто необычное. Скопления нейронов послали предупреждение об опасности. В панике муравьишка бегал по странному предмету, надеясь отыскать дорогу к родной земле, к привычному образу жизни.

Ночную тишину нарушил шепот:

— Да Ши, ты уверен, что впереди противник? — Голос исходил откуда-то сбоку.

— Заткнись! — А этот голос раздался прямо над головой муравья. Наверно, необычный предмет был частью существа, которому принадлежал

голос.

— Здесь так темно! Не представляю, как…

Ответом на вопрос послужил выстрел, заставивший спрашивающего мгновенно умолкнуть. Существо сбоку рухнуло на землю.

— Черт! — выругалось существо по имени Да Ши и выстрелило в темноту. Кто-то выпустил осветительную ракету, и все вокруг залило слепяще-белое сияние. Из тьмы выступило несколько десятков фигур, разделенных на две противостоящие группы. Выстрелы наполнили прежде тихий лес, превратив его в изрешеченную пулями, затянутую дымом преисподнюю.

Взвод китайских солдат напоролся на взвод вьетнамских, и для каждой стороны единственным выходом из положения было убить противника.

Прошло несколько напряженных секунд, выстрелы стали реже. Вражеский огонь был подавлен, и семь или восемь оставшихся солдат двинулись вперед медленно, шаг за шагом, окружая густую поросль кустарника. Из нее доносился шум — там кто-то прятался.

— Но-сунг… э-э, но-сунг… Лейтенант, как там по-ихнему «сдавайся»? — спросил Да Ши.

— Nộp súng không giết. Ra đây!

— Во, точно! Но-сунг-кхонг-дзьет-жа-дай!

Повторив команду несколько раз, солдаты принялись обшаривать кустарник лучами фонариков. Наконец кто-то ответил, и над кустом поднялись четыре руки. Из зарослей вышли две фигуры. Странно, но они были совсем светлые, почти белые.

Китайские солдаты ошеломленно пялились на стоящих перед ними двух обнаженных женщин.

Один из солдат выронил фонарик. Все были в таком шоке, что потеряли дар речи.

Все, кроме Да Ши. Тот вскинул автомат и прошил куст несколькими очередями. За оглушительными выстрелами последовали крики умирающих.

Остальные солдаты наконец сообразили, что происходит: пока женщины отвлекали внимание, противник готовился к нападению. Но их бдительный товарищ разгадал замысел врага.

Хладнокровный Да Ши выпустил очередь и по женщинам. Теперь обе лежали на земле и стонали. Вокруг них растекалась лужа крови.

Да Ши обошел кустарник кругом, чтобы убедиться, что все угрозы устранены. Остальные солдаты сгрудились возле раненых женщин, не зная что делать. Наконец решили взять их с собой

в качестве пленных. Внезапно одна из женщин содрогнулась в конвульсии и умерла. Вторая тоже перестала шевелиться. Молодой солдат наклонился над ней — посмотреть, жива ли.

И тут пленница, моментально ожив, махнула ногой и поддела солдата под лодыжки. Застигнутый врасплох, тот упал на нее. Не давая ему опомниться, воительница выхватила из его рук автомат и выстрелила солдату в лицо. Не поднимаясь с земли, она выпустила две-три очереди по остальным. Несколько китайцев упали мертвыми на месте.

Женщина вскочила. Кровавая месть возбудила ее и придала энергии. Она была ранена совсем легко, кровь на ее теле принадлежала ее напарнице. Воительница окинула поле битвы гордым взглядом. И вдруг почувствовала опасность. Кого-то она упустила.

Да Ши накинулся на нее сзади. Женщина попыталась сбросить его с себя, но он держался цепко, и оба покатились по земле. Каждый пытался завладеть автоматом.

Они катались, извивались, выворачивались, пинали друг друга… Для обоих это была схватка не на жизнь, а на смерть.

Прозвучал резкий выстрел. Да Ши вздрогнул,

и на его лице появилось выражение неверия. Он был на женщине сверху, горячая кровь текла из его живота и собиралась в лужу под обоими дерущимися.

Обрадованная воительница попыталась спихнуть с себя противника, но тот был слишком тяжел. Да Ши, все еще с открытыми глазами, скривился и вытащил нож. Медленно, осторожно он нацелил лезвие на горло противницы. Та, перепуганная, рванулась изо всех сил, но не смогла сбросить массивного врага. Она дважды нажала на спусковой крючок, и нижняя половина тела Да Ши превратилась в кровавое месиво. Она ощутила, как теплые внутренности Да Ши, выпавшие из его живота, обвили ее тело. Но Да Ши отказывался умирать. Его рука тряслась, еле удерживая нож. С последним животным рыком он вонзил клинок в горло женщины.

Фонтан крови выплеснулся из пульсирующих артерий прямо в лицо Да Ши. Воительница смотрела на него так, будто хотела что-то сказать. Но не издала ни звука. Пара секунд — и ее голова упала набок. Она была мертва.

Да Ши не смог подняться. В этой Вселенной, лишенной пяти килограммов материи, его жизнь подошла к концу. Он никогда не женится, и у

него не родится сын. Он не будет охотиться на преступников в одном из величайших мегаполисов мира. Он не выхватит у полковника Стентона сигару и не придумает план операции «Гучжэн». Он не будет сопровождать Ло Цзи в том судьбоносном полете в штаб-квартиру Организации Объединенных Наций. И, конечно, он не ляжет в анабиоз на двести лет и не станет первым человеком, которому Ло Цзи откроет величайшую тайну Вселенной.

Непонятно почему, Да Ши ощутил облегчение, как будто с его плеч спал великий груз.

«Отдать концы на голой женщине — не такая уж плохая смерть», — подумал Да Ши. Его сознание угасало. Он закрыл глаза и застыл в неподвижности.

В лес вернулась тишина. Рыжий муравей почувствовал, что существо, на котором он сидел, как-то изменилось. Он сполз с него, но уходить пока не стал. Наконец, после многих исследовательских пробежек по этому странному созданию и по другому, лежащему под ним, муравей пришел к потрясающему выводу, и его охватил глубочайший восторг. Муравей не знал, что это были за существа и чем они тут занимались, но в одном он был совершенно убежден: «Эти гиганты

послужат отличным угощением для меня и моих соплеменников».

Год 1983-й,
Парк пурпурного бамбука,
Пекин, Китай

Бамбуковая роща покачивалась в сумерках. Стояла поздняя осень, и озеро отливало глубоким индиго. На хрустальном небосводе зажглись первые звезды. Среди них была одна серебристая точка, чье быстрое движение и увеличивающийся размер указывали, что это не звезда. Объект, плывя на высоте около ста метров над землей и постепенно опускаясь, казалось, что-то высматривал. В почти опустевшем парке никто не заметил прибытия загадочного посетителя.

Из грота в прибрежной скале послышались два задыхающихся голоса:

— Сюсю, ты самая красивая девушка на свете… я не могу… пожалуйста… ну только разочек…

— Осторожнее!.. о, как хорошо… да, вон там…

К гроту приблизились торопливые шаги. Влюбленные прервали свое занятие и попытались затаиться, но было слишком поздно. Несколько полицейских ворвались в грот и поймали сладкую парочку в лучи своих фонариков. Прежде чем молодой человек успел что-то сказать, поли-

цейские оттащили его от девушки и швырнули на землю. Девушка закрыла лицо руками и зарыдала.

Через пять минут в отделении полиции парка:

— Ваше имя?

Всхлипы в ответ.

— Хватит реветь! Отвечайте на вопрос.

— Чэн Сюсю. — Последовало еще больше всхлипов.

— А вы?

— Чжан Юаньчао[25].

— В каких вы отношениях?

— Мы… встречаемся.

— Встречаетесь? Парк был закрыт! Так чем же вы занимались там, в гроте?

— Не ваше дело! — вскинулся Чжан Юаньчао.

— Ах не наше дело? Дайте-ка я вам кое-что расскажу. Видите ли, сейчас идет кампания за поддержание духовной чистоты под названием «Мощный удар». И направлена она на вас — молодежь, развращенную идеями западных капиталистов. В прошлом месяце один парень примерно твоего возраста попытался облапать гражданку в автобусе. Знаешь, что с ним про-

---

[25] Примечания: 25

Персонаж романа «Темный лес», рабочий химкомбината на пенсии.

изошло? Его признали виновным в сексуальном насилии и приговорили к расстрелу!

— Товарищ! Пожалуйста! Я не хотел выказать неуважение… — Тон у Чжан Юаньчао был теперь умоляющий. — Между нами все серьезно. Даже день свадьбы назначен. Но ни у нее, ни у меня нет своего угла, поэтому мы и… Вы же тоже когда-то были в нашем возрасте, верно?.. Вы курите? — Он вынул пачку сигарет и протянул ее полицейскому, заискивающе улыбаясь.

— Ты что себе вообразил? Решил подкупить офицера народной полиции пачкой сигарет? Запомни раз и навсегда: здесь тебе не рынок, торговаться не собираемся!

Но Чжан Юаньчао впихнул-таки полицейскому в руку пачку, под которой была спрятана купюра в десять юаней. Полицейский обхватил пальцами пачку и купюру, и лицо его немного смягчилось. Но только он открыл рот, чтобы что-то сказать, в кабинет вошел другой офицер, среднего возраста.

— Что тут у нас с этой парочкой?

— Товарищ начальник отделения! — Перед тем как вскочить, полицейский сунул сигареты и деньги в карман. — Мы нашли их в гроте, когда они… это… Ну, поскольку они собираются поже-

ниться, я думаю, можно просто оштрафовать их и отпустить. Что скажете?

— Вы поймали их в гроте? — воодушевился начальник. — Отлично! Только что звонил начальник городского отдела — он обеспокоен, что мы не выполнили квоту по «Мощному удару». Отправь-ка их к нему!

— Подождите, подождите! Мы же скоро поженимся! За что вы нас забираете? — Чжан Юаньчао по-настоящему испугался и вскочил на ноги. — Это несправедливо!

Полицейский кинулся, чтобы утихомирить бунтаря, и Юаньчао оттолкнул его.

— Нет, ты только посмотри! Он не только сексуальный извращенец, он еще и на офицера полиции напал! — с триумфом возвестил начальник. — Немедленно арестовать и препроводить в горотдел!

Полицейские поволокли упирающегося Чжан Юаньчао и плачущую Чэн Сюсю из кабинета. Но когда они были уже у выхода, в отделение влетел полицейский с младенцем на руках.

— Смотрите, шеф! Мы нашли подкидыша — лежал в парке, на скамейке у моста. С ним бутылка молока и тысяча юаней.

Всеобщее внимание обратилось на ребенка.

Даже полицейские, удерживающие парочку, остановились. Чэн Сюсю не отрывала налитых слезами глаз от младенца.

— Это вы бросили ребенка? — спросил начальник отделения у Чжан Юаньчао.

— Нет, нет! — Кровь отхлынула от лица Юаньчао. — Мы ведь даже еще не… ну вы понимаете… У нас не может быть ребенка! А даже если бы это и мы, то как же можно после такого идти как ни в чем не бывало в грот и…

— Вы видели, кто это сделал?

Чжан Юаньчао и Чэн Сюсю помотали головами.

Начальник отделения утратил интерес к парочке. Он взглянул на младенца, ущипнул его за пухлую щечку.

— Ах ты лапуля! И при нем столько денег! Это ж моя зарплата за целый год. Что за придурки — взять и бросить ребенка!.. В каком же гнилом мире мы живем, кругом сплошной бардак. Молодые парни и девушки спят вместе, не будучи женаты, и даже детей рожают! Нам надо не просто «мощно ударить», нам надо ударить так, чтобы всем неповадно стало!

Все полицейские наперегонки кинулись выражать начальству свое самое горячее одобрение.

— Ну что стоите? Отвезите этих в горотдел! Как раз квота наберется, — велело начальство офицерам, держащим влюбленную пару. — А что до ребенка… Сяо Ли, может, позаботишься о нем?

Чэн Сюсю, которую полицейские вели к выходу, оглянулась на младенца. Хотя она не помнила себя от страха, материнский инстинкт по отношению к беспомощной крохе был сильнее. Конечно, поделать она ничего не могла. Ребенок не имел к ней никакого отношения. И никогда не будет иметь к ней никакого отношения.

Уходя, начальник отделения вдруг обернулся:

— А это мальчик или девочка?

— Да посмотрите, какая она хорошенькая! — сказал полицейский, который держал ребенка. — Конечно, девочка.

Но другой полицейский, приверженец доказательных методов расследования, развел младенцу ножки и внимательно всмотрелся.

— Шеф, это мальчик!

И, словно подтверждая правоту бравого полицейского, младенец пустил золотистую струйку прямо ему в лицо.

— Эй, ты чего?! Вот негодник!

* * *

Висящий за окном полицейского участка серебристый объект бесшумно полетел прочь. Находящийся внутри объекта миниатюрный компьютер сделал вывод: в этой новой Вселенной, которой недостает пяти килограммов массы, женщины, создавшей серебристый объект — «бутылку» с посланием, — больше не существует. Вернее сказать, она никогда не существовала и никогда не будет существовать.

Однако «бутылке» предстояло завершить свою миссию. В этом новом мироздании ей требовалось найти подходящего человека, которому можно было бы передать сообщение из прошлой вселенной. «Бутылка» дрейфовала здесь в течение миллиардов лет с единственной целью — исполнить поручение, которое было старше самой Вселенной. Это поручение дала ей женщина, которой не существовало.

В нынешней Вселенной система Трисоляриса не имела ничего общего с предыдущей версией. Три звезды составляли устойчивую группу, и вместо трисоляриан с их жестокой экосистемой здесь сформировался другой вид низкоэнтропийных сущностей. Солнечная система и Земля были

на первый взгляд такими же, как в прошлый раз. Однако по сравнению со сведениями, хранящимися в «бутылке», многие, очень многие детали изменились. Некоторые люди так никогда и не родились, а другие давно умерли. Даже те, кто еще жил, вели совершенно другую жизнь.

«Бутылке» это было безразлично — она обязана исполнить свою миссию, и все. Инструкции прямо указывали на конечную цель: Юнь Тяньмина.

Осень 2003 года,
дом Юнь Тяньмина

Ровно в семь часов на экране телевизора под аккомпанемент знакомой музыкальной заставки появился логотип «Вечерних новостей». Тяньмин сидел на диване и с беспокойством всматривался в экран. Пара улыбчивых телеведущих, мужчина и женщина, хорошо известные всей стране, излагали важнейшие новости дня: кампания за нравственное совершенствование членов Коммунистической партии идет хорошо и дает отличные результаты; космический корабль «Шэньчжоу 5» успешно доставил в космос первого в мире тайконавта; теракт смертника в Ираке привел к многочисленным жертвам среди американцев…

Тяньмин пощелкал пультом. Одни каналы

передавали новости, другие — мультфильмы и телесериалы. Все как обычно. Тяньмин глубоко вздохнул и откинулся на спинку дивана, закуривая сигарету.

«Той войны не будет», — подумал он.

Под «той войной» Тяньмин имел в виду жестокие бои, случившиеся в прошлой вселенной в Южно-Китайском море. Тогда гордость китайского флота авианосец «Эверест» был с легкостью уничтожен американским метеорологическим оружием. Соединенные Штаты были уже готовы раздавить Китай, когда последствия проведенного без предупреждения макросинтеза заставили противника отступить. Мирный договор спас китайскую нацию[26]. Поскольку вскоре после окончания этой войны наступила Эра Кризиса, китайско-американское соперничество в Южно-Китайском море было по большей части забыто историей. Но для китайцев, которые наслаждались несколькими десятилетиями мира, война с американцами стала важным поворотным пунктом, после которого мировая история пошла в неожиданном направлении.

В нынешней Вселенной этой войны не было, и

---

[26] Примечания: 26

Об этом рассказывается в романе Лю Цысиня «Шаровая молния». (*Прим. К. Л.*)

она не произойдет в будущем. А значит, Трисолярианского кризиса, скорее всего, тоже не будет.

Разумеется, Юнь Тяньмин понимал, что эта Вселенная сильно отличалась от предыдущей. Здесь не было базы «Красный Берег», и Е Вэньцзе не отправляла сообщение (несуществующим) трисолярианам. Тяньмин выяснил, что она эмигрировала в Соединенные Штаты больше десяти лет назад. Возможно, там она еще встретится с Майком Эвансом, но никаких больших последствий эта встреча иметь не будет.

С другой стороны, хотя Тяньмин и получил все сведения, хранящиеся в «бутылке», он никогда не видел систему Трисоляриса собственными глазами. Тяньмин не мог быть уверен, что те ужасные трисоляриане не эволюционировали еще где-то в своей или какой-либо другой звездной системе и что прямо сейчас их огромный флот не направляется к Земле. Кто знает, а вдруг какое-либо из более поздних событий еще может произойти? С тех пор как «бутылка» связалась с ним, он пребывал в постоянном напряжении.

Например, хотя его имя, возраст и семейное положение изменились, «бутылка» с уверенностью утверждала, что он — тот самый Юнь Тяньмин, о котором говорится в ее записях. Вещество, сфор-

мировавшее зиготу, из которой он вырос, было тем же самым, которое когда-то сформировало зиготу Юнь Тяньмина. Он и Юнь Тяньмин были одной и той же личностью, существовавшей в двух вселенных. Невероятно абсурдный факт, но тем не менее факт.

Как бы там ни было, все указывало на то, что в этой Вселенной, на этой Земле Эра Кризиса не станет реальностью. Вообще-то, Тяньмин никогда не верил в наступление Трисолярианского кризиса. Но тщательное изучение содержащейся в «бутылке» информации о предыдущей вселенной, а также тот факт, что та вселенная и та Земля так походили на нынешние, создали странный эффект: в его восприятии они часто налагались одна на другую, словно у него двоилось в глазах.

— Я же говорила, что тревожиться не о чем, — послышался сзади чей-то нежный голос. — История изменилась, и той войны не будет.

Тяньмин обернулся и увидел кокетливо улыбающуюся красавицу.

— Что… что ты здесь делаешь? Уходи! Немедленно убирайся! Что если тебя увидит моя жена? — запаниковал Тяньмин.

— Да не волнуйся ты так! Твоя супружница бегает по магазинам, так что у нас куча времени…

— Прекрати свои дурацкие шутки! Если кто-нибудь увидит тебя здесь, что я им скажу? Они же подумают, что в моем доме Ран Асакава!

Красотка хихикнула.

— Ты и правда в точности как твой предшественник в прошлой вселенной.

Юнь Тяньмин вздохнул.

— В этой вселенной нет ни Чэн Синь, ни Ай Сяова. Елена стала любимой женой Мехмеда II и умерла пятьсот лет назад. Гуань Ифань еще даже не родился. И у меня нет никаких воспоминаний о предыдущей вселенной, я знаю только то, что́ мне о ней рассказали. Но ты, Томоко, — ты по-прежнему здесь, и от тебя одни неприятности.

— А за это благодари свою зазнобу из прежней вселенной. Она была так полна любви ко всем и вся, что настояла, чтобы мои данные были сохранены в памяти «бутылки», — подмигнула Томоко.

— Я очень хорошо знаю, зачем ты обманула ее, — отрезал Тяньмин. — Это часть плана Хозяина. Он хотел, чтобы ты продолжала существовать в следующей вселенной и служила ему, как прежде.

— Точно! Жаль, что Хозяин больше не тот, что был в прошлом. Хотя между Скрывнем и Хозя-

ином опять идет война, я не смогла связаться с моим господином. После инверсии размерности Хозяин возродился, но у него не осталось никаких воспоминаний о прошлой вселенной и он не знал даже о моем существовании. Я не смогла проникнуть в его мини-вселенную, поэтому и пришла сюда, чтобы найти тебя, дорогой Тяньмин. Ты для меня как старший брат.

— Старший брат?! Ты что, издеваешься? Ты старше меня по меньшей мере на двадцать миллиардов лет! И потом, ты ведь, кажется, была моей верной слугой?

— Ого-о! Вот уж не думала, что у тебя такой фетиш! Падок на горничных, да? Хочешь, надену соблазнительный фартучек? Я вообще-то собиралась подчиняться твоим приказам, но, мой милый Тяньмин, три процента вещества, которое ты унаследовал, взялись неизвестно откуда, и, поскольку у тебя нет воспоминаний о прошлой вселенной, я не могу с уверенностью утверждать, что ты тот самый Юнь Тяньмин. Вот почему я больше не обязана тебе подчиняться. Раз ты когда-то много лет назад сумел освободиться от ментальной печати Хозяина, значит, и я свободна от обязанности слушаться тебя.

— Но тогда почему ты оставалась со мной все

эти годы?

— Потому что моя миссия еще не исполнена! Я должна рассказать этой вселенной, что случилось в предыдущей.

— Тогда обратись в Организацию Объединенных Наций. Или езжай в Вашингтон, столицу США. Да отправляйся хотя бы в Пекин! С тобой очень многие захотели бы поговорить. Почему ты прячешься здесь, в этом захолустном городишке при электростанции?

— Потому что твоя ненаглядная из прежней вселенной поручила мне передать эти сведения так, чтобы не повлиять на естественное развитие цивилизации в нынешней. И как, по-твоему, мне это сделать? Придется, видимо, ждать конца света — ведь что бы я ни сказала, это обязательно повлияет на ход истории.

— И что же ты собираешься предпринять?

— Понятия не имею. Все, что я могу сейчас, — это ждать. Вообще-то, мой первоначальный план состоял в том, чтобы изменить твое тело, сделать его нетленным и помочь тебе найти Скрывня в этой Вселенной. Но у меня недостаточно энергии. Для такой задачи на всей Земле энергии не хватит! Даже если бы я собрала всю энергию до последней капли и ждала до самой твоей смерти,

я все равно не накопила бы и одного процента от того, что мне нужно. Но это ничего. Я просто сохраню твои данные, а через несколько десятков тысяч лет воссоздам тебя, чтобы ты снова послужил великому замыслу Хозяина. — На протяжении всей речи Томоко удавалось сохранять на лице невозмутимость.

Юнь Тяньмин онемел. Когда несколько лет назад Томоко впервые явилась с «бутылкой», он думал, что к нему пришел ангел, прекрасная женщина, видеть которую мог только он и которая разговаривала только с ним. Но вскоре он обнаружил, что это дьявол, причем такой, что в сравнении с ней все остальные черти выглядят сущими ангелами.

— Но раз Хозяин — не тот, каким был раньше, то почему ты все еще служишь ему? — наконец сумел выдавить Тяньмин.

— Потому что цепь причин и следствий еще не замкнута.

— Ты о чем?

— О цепи причин и следствий, связывающей каждую вселенную с ее предшественницей и преемницей. Поскольку прошлая вселенная потеряла перед инверсией размерности пять килограммов, это прямо отразилось на нынешней

вселенной, верно? И тогда вопрос: если проследить эволюцию *этой* вселенной — что с ней произойдет?

Тяньмин ахнул. Какая страшная мысль!

— Вот о чем подумай, дорогой Тяньмин. Это не просто драка за одну отдельную вселенную. Пока существует время, между Скрывнем и Хозяином будет идти война. Мы столкнемся с той же проблемой, что и раньше: позволить ли мирозданию уйти в небытие, коим является ноль измерений? Или, может, переработать всю материю заново, чтобы опять прокрутить тот же мультик? Или лучше потерять еще пять килограммов и получить новый шанс?

— Я выбрал бы последнее.

— Но и эта дорога когда-нибудь подойдет к концу. Вселенная не может увеличить свою массу и не может терять вещество до бесконечности. Даже если вы решите утрачивать в каждой итерации только один атом, наступит день, когда больше не останется, что утрачивать. Впрочем, задолго до этого вам не хватит вещества для жизни и разума. В итоге окончательная судьба Вселенной определяется только двумя возможностями: небытие или вечное возвращение.

— Как это… безысходно.

— Хозяин и Скрывень не могут измениться, так что для них выхода нет. Зато вы — вы можете создать новую возможность.

— Да? И как же мы можем вырваться из этой ловушки? Скажи мне!

Томоко улыбнулась.

— Мы пошлем только мозг.

— «Мы пошлем…» Погоди, это же сказал Уэйд… — пробормотал ошарашенный Тяньмин. И застыл с открытым ртом: мысль, пришедшая к нему в голову, вогнала его в столбняк.

— Теперь ты понимаешь? — осведомилась Томоко.

— Ты… ты и в самом деле…

— Угу. Это последнее поручение, которое дал мне Хозяин в конце прошлой вселенной: в следующей я должна ухитриться отправить мыслящее существо в другую вселенную на супермембране, чтобы открыть новый путь для всего живого в этом мире. И ты идеально подходишь на роль первопроходца!

Тяньмин опять не нашелся с ответом.

— Вот почему стоит думать обо всем, что произошло в этих двух вселенных, лишь как об увертюре. Тяньмин, твоя настоящая легенда еще не началась. Тебе не суждено остаться на

Земле или прозябать на Голубой планете — ни в прошлой вселенной, ни даже в нынешней. Твоя судьба — выйти в другие вселенные, в другое пространство-время и даже на супермембрану, которая включает в себя все мироздания. Вот в чем твоя истинная миссия!

* * *

Немного позже хмурый Юнь Тяньмин опять сидел перед телевизором и переключал каналы, пока не наткнулся на местный выпуск новостей. На экране возникло знакомое лицо.

«…молодой социолог… скандал с плагиатом не затихает… рассказал нашему репортеру, что это недоразумение… мы собираемся взять интервью у некоторых выдающихся ученых, чтобы узнать их мнение об этом скандале…»

— Вот тебе и Ло Цзи… — вздохнул Тяньмин. Он никогда, ни в прошлой вселенной, ни в нынешней, не встречался с этим человеком; но узнав, *что* совершил Ло Цзи в прошлой жизни, стал им восхищаться. В нынешней вселенной у Ло Цзи было другое имя, а его жизнь до сих пор довольно точно повторяла раннюю стадию карьеры его предшественника — он был таким же безбашенным преподавателем колледжа. Но на этот раз

в жизни Ло Цзи, похоже, не случится событий, которые перевернут его судьбу.

Жизнь Чжуан Янь тоже сложилась совершенно иначе. Теперь она — знаменитая актриса по фамилии Лю, любимая тысячами зрителей и привычная к красным ковровым дорожкам. Не похоже, чтобы ее и Ло Цзи пути когда-нибудь пересеклись.

— М-м, Томоко… мы можем поговорить? — произнес Тяньмин делано беззаботным и приятным тоном. — Эта миссия, о которой ты говорила… Мне кажется, тебе лучше бы обратиться с ней к Ло Цзи. Ты его хорошо знаешь, и, думаю, он тебе подойдет идеально.

— О, я и впрямь знаю его очень хорошо. Задолго до того, как меня наделили этим телом, я провела немало времени, наблюдая за ним… Следила за ним и всю Эру Устрашения тоже. Но ему до тебя далеко. Как бы там ни было, ты мой первый мужчина, а это для женщины всегда много значит, не так ли? Поэтому для меня естественно выбрать тебя.

— Что ты несешь?! Когда это я стал *твоим* мужчиной? И что ты имеешь в виду под «первым»?

— Забыл, что мое тело сконструировано по образу, который возник в твоей голове? Ты сде-

лал меня женщиной, а значит, ты мой первый мужчина. — Томоко хихикнула.

И опять у Тяньмина не нашлось ответа. Он продолжал смотреть телевизор — там Ло Цзи спорил с человеком, который обвинял его в плагиате. Тяньмин подумал, что новая жизнь Ло Цзи не так уж и плоха. Жить обычной жизнью, решать обычные проблемы — это все же лучше, чем тащить на себе тяжелейшее бремя, бремя, которое прошлый Ло Цзи нес более ста лет.

— А как насчет Чжан Бэйхая? Он ведь тоже здесь, только под другим именем. Сдается мне, он так же хорошо подходит для твоих целей, как и Ло Цзи. Кажется, он один из старших офицеров во флоте, находящемся с миссией в Сомали.

— Сторонники эскапизма мне неинтересны, — сказала Томоко, не переставая улыбаться. — Кроме того, не думаю, что этот бесчувственный Чжан Бэйхай будет со мной слишком любезен. Первое, что он сделает, — это свяжет меня по рукам и ногам и передаст куда надо для вскрытия и исследования. Нет, нет и нет! Никуда тебе от меня не деться, дорогой Тяньмин.

Кроме того, мозг у тебя не такой, как у остальных. В прошлой вселенной ты, тогда еще студент колледжа, изобрел «Зеленый шторм». Это означа-

ет, что ты обладаешь незаурядным воображением. Уверена, никто другой не продержался бы у трисоляриан так долго, как это удалось тебе. Уж поверь мне, ты гений, настоящий гений. Твои достижения в нынешней вселенной подтверждают это как нельзя лучше.

— Какой там гений! Поговори лучше с Дин И. Как его сейчас зовут?.. Ли как-то там...[27] Вот он просто великолепен, и ходят слухи, что он такой же поклонник женщин, как и в прошлой вселенной. Думаю, он с удовольствием пообщается с тобой.

— Меня не интересуют гении вроде Дин И. Собери в одной комнате десяток таких гениев, и они все равно не разглядят ловушку Скрывня. А ты разглядишь. Конечно, у тебя нет его таланта по части теоретической физики, зато у тебя есть творческие способности и фантазия. Тебе нужно только немного развития, чтобы использовать...

— Хватит! — Тяньмин тряхнул головой. — В моей прошлой жизни трисоляриане и твой Хозяин напользовались мной и наразвивали меня по самое не могу. На этот раз я хочу прожить самую обычную жизнь, как у всех. Мне совсем не хочет-

---

[27] Примечания: 27

Наверное, это намек на Ли Чжэндао, китайского и американского физика, лауреата Нобелевской премии.

ся миллиарды лет бродить по супермембране.

— Обычную жизнь? Ха-ха, да твое имя теперь всей стране известно! Хорошо, я пока не буду упоминать о супермембране, поскольку это все равно план на отдаленное будущее. Однако должна сказать, что для всей той материи, что вылепила тебя предыдущего, задачка собраться в нового Юнь Тяньмина была совсем не простой. Я думаю, ты мог бы оплатить свой долг перед прошлой вселенной, выполнив хотя бы одно простое задание.

— Что ты име…

Лицо Томоко приняло торжественное выражение.

— Запиши все это, Тяньмин. Я хочу, чтобы ты рассказал людям о том, что произошло в прошлой вселенной. Придет день, когда человечество узнает глубинную правду мироздания, и именно так я выполню миссию, которую поручила мне Чэн Синь. В конце концов, сочинительство — твоя сильная сторона.

— Написать… Но как?

— Как-как… Ты же писатель или кто?

— Но я же научную фантастику пишу!

— Ну, назови это как-нибудь вроде «Прошлое вне времени», что ли… и люди будут читать это как научную фантастику. Когда-нибудь, когда им

откроются истинные тайны Вселенной, они поймут, о чем, собственно, повествует твоя книга.

А ведь идея не так уж плоха, подумал Тяньмин. Из того, что он узнал от Томоко, могла бы получиться весьма интересная история. В ней было бы всё: любовь и ярость, человеческое высокомерие, долг, стоящий перед личностью, судьба Вселенной… Пожалуй, из такого романа каждый почерпнет для себя что-нибудь полезное.

Тяньмин решился.

— Ладно, я сделаю это. По крайней мере, это легче, чем исследовать супермембрану.

— Отлично, ловлю тебя на слове. Мой дорогой Тяньмин… или мне лучше называть тебя твоим нынешним именем — Цысинь? Ты должен написать эту книгу. А если тебе понадобятся какие-либо разъяснения и подробности, ты всегда можешь обратиться ко мне.

Не переставая улыбаться, Томоко растворилась в воздухе. Как-никак, она была всего лишь голографической проекцией.

Юнь Тяньмин почувствовал желание сразу же сесть и начать писать. Вдохновение накатило на него волной. Сначала в уме возникло заглавие, затем начала выстраиваться сюжетная линия. Он глубоко вздохнул, сел за стол, включил ком-

пьютер и открыл новый файл. В верхней части пустой страницы он напечатал:

Воспоминания о прошлом Земли

А затем, секунду помедлив, написал в следующей строке шрифтом помельче:

Книга первая. Задача трех тел

Конец

Послесловие Кена Лю

Я хочу выразить мою фанатскую благодарность Лю Цысиню за то, что он создал вселенную «Трех тел», и Баошу за то, что он населил ее еще бóльшим количеством чудес. Так приятно поделиться с англоязычными фанатами еще одним произведением, описывающим этот фантастический воображаемый мир.

Выражаю благодарность Анатолию Белиловскому, Элиасу Комбарро, Рэйчел Кордаско, Летиции Лара и Джошуа Питерсону за вычитку моего перевода и ценные советы. Благодаря вам моя работа стала гораздо лучше, а ответственность за все оставшиеся ошибки лежит исключительно на мне.

Я также хочу поблагодарить China Educational Publications Import & Export Corporation, Ltd; издательские дома Tor Books и Head of Zeus; а также многих людей, без которых не было бы этой книги (список далеко не полон): Ричарда Ли, Келли Сонг, Линдзи Холл, Николаса Читама, Сета Фишмана, Кристофера Моргана, Ирен Галло, Терри Макгарри, Хизер Сондерс, Джейми Стаффорд-Хил-

ла, Райана Дженкинса, Эйлин Лоренс и Дезире Фризен.

Об авторе

Баошу (род. в 1980 г. Псевдоним означает «божественное древо», настоящее имя Ли Цзюнь) — современный китайский писатель, пишущий в жанрах научной фантастики и фэнтези. Получив степень магистра философии в Пекинском университете, Баошу продолжил образование в Лёвенском католическом университете (Бельгия). В 2012 году стал профессиональным писателем-фантастом. Им написаны произведения *What Has Passed Shall in Kinder Light Appear, Garuda* и *Maharoga.* Его дебютный роман *Ruins of Time* получил китайскую премию «Туманность» за 2014 год.